Мария Скачкова
Елена Тарасенко

АРМАГЕДДОННАЯ БОЛЕЗНЬ ОДЕРЖАНИЯ

Мария Скачкова
Елена Тарасенко

АРМАГЕДДОННАЯ БОЛЕЗНЬ ОДЕРЖАНИЯ

Екатеринбург
«Звезды Гор»
2018

УДК 29+61+159.96
ББК 87.7+88.6
С 42

С 42 **Скачкова М.Д. Армагеддонная болезнь одержания**. / М.Д.Скачкова, Е.А.Тарасенко. — Екатеринбург: «Звезды Гор», 2018. — 176 с.

ISBN 978-5-9906659-2-7.

Эта книга написана в надежде помочь людям в борьбе с тяжелым психическим заболеванием — одержанием.

Что представляет собой одержание, как его предупредить и распознать, как защитить от него себя и близких, как исцелиться — на все эти вопросы читатель сможет найти ответ в книге «Армагеддонная болезнь одержания».

УДК 29+61+159.96
ББК 87.7+88.6

ISBN 978-5-9906659-2-7

Святая Марина Антиохийская, побивающая беса

НАШ БЕЗУМНЫЙ МИР

Сегодня, 14 апреля 2018 года, перед рассветом, американские «Томагавки» вновь ударили по столице далекой страны — на этот раз по сирийскому Дамаску. Этому библейскому городу больше десяти тысяч лет, и совсем рядом с ним — поле Армагеддона. Более символичный город трудно найти. Именно по дороге в Дамаск гонитель Христа фарисей Савл стал апостолом Павлом. В «Деяниях апостолов» описано, как молодой иудей, «дыша угрозами и убийством», шел в Дамаск, чтобы расправиться с христианской общиной города, но по пути ему открылась Истина, и он из гонителя стал самым ярым сторонником, апологетом нового Учения Любви.

К сожалению, у крылатых ракет, направленных преступной рукой на Дамаск, не было ни ума, ни сердца. Хотя американский президент и назвал их «умными», они не могли прозреть, подобно Савлу, и отказаться от выполнения смертоносного задания...

Но пусть не надеются американцы и их сообщники англичане, нанесшие удары по Сирии, что они останутся безнаказанными. Высший Суд существует, и расплата не замедлит. В пятидесятые годы прошлого века, когда Америка сбрасывала бомбы на Корею и в атмосфере от взрывов образовались ядовитые ингредиенты, в Дневнике Елены Ивановны Рерих появилась запись: «Эти ингредиенты страстно вредны для мозговых центров. Люди будут оявлены на постепенном

помешательстве. Токи несут их через океан и страстно в Америку. Токи несут отравленную атмосферу, как бумеранг, в Америку». Поэтому не приходится удивляться неадекватным действиям этой страны, ибо возмездие уже постигло ее. Действительно, разложение сознания хуже водной гибели.

Горько сознавать, что история никого ничему не учит. У безумного поступка Америки, который грозит катастрофой для всего человечества, третьей мировой войной, нашлось немало сторонников — практически весь Западный мир. Точно все сговорились уничтожить наш дом, нашу все еще прекрасную многострадальную планету. Западная коалиция пытается силой доказать свое превосходство, запугать народы. Раздаются угрозы в адрес России, которая практически в одиночку пытается сохранить мир во всем мире. Но нашей стране не страшны никакие бомбы, ее хранит сердце русских героев, которые любят свою Родину.

Однако западные лидеры настолько деградировали, что уже не могут остановить маховик собственного уничтожения. Воистину, безумие поглотило их разум.

Они называют кампанию против России гибридной войной, но на самом деле это война нервов, которая затрагивает уже Тонкий Мир. Эпидемия лжи и предательства захлестнула Запад — это результат безумия, расплата за атаки на Корею, Вьетнам, Ирак, Ливию, за всех тех, кому они принесли горе на планете.

Неадекватны не только политические элиты Запада. Безумствуют журналисты и финансисты, артисты и режиссеры, писатели, врачи, воспитатели, учителя. Рестораны для людоедов в Америке и людоедские шоу и перфомансы в Европе, легализация наркотиков, маньяк, педофил и убийца во главе Англии, тотальная ложь

в газетах и на телевидении, «современное искусство», памятник сатане в Мадриде, отказ от понятий отца и матери, венчание гомосексуалистов-извращенцев в англиканской церкви, радость американского госсекретаря и крики «вау» при виде растерзанного лидера Ливии — и одобрение, в лучшем случае — безразличие общества. Поистине, потрясены устои жизни. Безумие мира — вот что несет хваленая западная «демократия».

Но, на наш взгляд, есть еще одна причина происходящего. Это массовая эпидемия одержания — болезни духа, которая разрушает мозг и делает людей неадекватными, безнравственными автоматами, неспособными отличить добро от зла.

О существовании этой болезни известно с древнейших времен. В индийском эпосе «Махабхарата» упомянут демон Мада, великий мощью и огромный телом, величина которого была недоступна даже разуму богов. Пасть его была огромна и страшна, одна челюсть упиралась в землю, другая же вздымалась в небеса, казалось, что он может поглотить весь мир. Но страшный демон был разделен на части великим мудрецом и вложен в вино, соблазнительниц, игральные кости и охоту. В этой аллегории сокрыта глубокая истина — через алкоголь, страсти, азарт и убийство живых существ в человека вселяются злые духи и завладевают его волей, разумом и чувствами, — это и есть одержание.

Как и любую другую болезнь, одержание легче не допустить, чем лечить. Но меры профилактики здесь будут особые — нравственная жизнь, культура, любовь к знанию и красоте. И победить одержание нельзя при помощи обычных лекарств, только сильная психическая энергия может избавить человека от этой напасти.

Злые духи овладевают человеком постепенно, вначале изменение его личности незаметно для окружающих. Но если одержание не распознать и не начать лечение, последствия могут стать катастрофическими. Иногда овладевший человеком злой дух практически полностью вытесняет его душу из тела, и мы видим перед собой демона в человеческом облике. Такие одержимые очень опасны для окружающих, для жизни и здоровья детей и взрослых, их основной признак — бесчеловечная жестокость. Пример таких злобных сущностей — участники расплодившихся террористических организаций и их спонсоры. И борьба с этими сущностями должна быть соответствующей — их нужно отправлять обратно на тот свет, в ад, где и находится их настоящее место жительства!

«Какой бич — эта шайка международных террористов. Не амнистировать их нужно, но уничтожать! ... Пора бы понять, что люди эти — одержимые и маньяки, и нельзя рассматривать их как человеческие существа. Именно, в них ничего человеческого нет. Они — слепые орудия разрушительных сил. ... Пора бы дружными общими усилиями начать искоренять все гнойные и смердящие язвы нашего времени, разлагающие организмы всех стран»[1].

Так что же представляет собой одержание, уже принявшее эпидемический характер, как распознать его и как с ним бороться, как предупредить болезнь и как защитить от нее детей, и возможно ли исцеление, если ты или твой близкий все же заболел?

Надеемся, что ответы на эти вопросы читатель найдет в книге «Армагеддонная болезнь одержания».

---

[1] Здесь и далее, если не указано иначе, источник цитирования – Учение Живой Этики и письма Е.И.Рерих.

Глава 1. БОЛЕЗНЬ ОДЕРЖАНИЯ

Уважаемый читатель!

Эта книга была написана в надежде помочь людям побороть очень тяжелое психическое заболевание — одержание. Сегодня эта болезнь достигла размеров эпидемии, и может быть по праву названа армагеддонной. Она поражает незаметно, и редко кто понимает, что на самом деле с ним происходит. Постепенно разрушается личность, человек начинает совершать неадекватные, ранее несвойственные ему поступки, ведет себя безнравственно и агрессивно. Нередко все заканчивается психиатрической больницей...

Борьба с одержанием затрудняется еще и тем, что в него мало кто верит, хотя изгнание злых духов, засевших в человеке, неоднократно упоминается в священных писаниях. В Евангелии от Марка так описано совершенное Иисусом Христом изгнание бесов из одержимого:

«И пришли на другой берег моря, в страну Гадаринскую. И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни; увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что

Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много. И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той. Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море (Мк.: 1–13).

Эпизод изгнания бесов встречается и в житии Преподобного Сергия Радонежского:

«Другой случай с бесноватым, знатным вельможею, жившим на берегах Волги, который, будучи связан, разрывал железные узы и скрывался от людей, живя среди диких зверей, пока его не находили домашние. И так как слава о святом чудотворце достигла и тех мест, то домашние решили привести его к Преподобному.

Вельможу повезли насильно, ибо он и слышать не хотел о Сергии. Когда же его довезли до Обители, он в ярости разбил свои узы, и вопли его были слышны внутри монастырской ограды. Когда Сергию сказали о том, он приказал всем собраться в церковь и служить молебствие о болящем. Тогда бесноватый стал понемногу успокаиваться, и его могли подвести к церкви. Преподобный вышел к нему с крестом, и лишь только он осенил его и окропил святой водою, как больной с диким воплем “Горю, горю!” бросился в большую, накопившуюся от дождя лужу, но внезапно утих и стал совершенно здрав. Впоследствии он рассказывал, что когда Преподобный хотел осенить его Крестом, он уви-

дел нестерпимый пламень, исходивший от Креста, который и охватил его всего, потому он и бросился в воду, чтобы не сгореть. Несколько дней провел он в Обители и вернулся к себе с глубокою благодарностью к Святому. Конечно, такие исцеления и чудеса широко разносились по окрестностям, и в Обитель, к Преподобному, притекали со всех мест люди разного положения, от князей и бояр до простых и самых нищих»[1].

И в наше время подобные обряды проводятся священниками Русской православной церкви:

«Основываясь на Евангелии, Церковь знает, что по тем или иным причинам одержимость бесами случается — правда, не так часто, как, возможно, об этом думают люди.

В православной церкви существует так называемый чин "отчитки", аналогичный по смыслу чину экзорцизма в западной христианской традиции. Чин "отчитки" подразумевает совершение молебного пения с призыванием помощи Божией и святых угодников в освобождении человека от одержимости падшими духами — бесами.

Священноначалие Русской православной церкви благословляет совершать чин "отчитки" только тех священников, которые обладают большим духовным опытом — как правило, они служат перед алтарем в течение нескольких десятков лет. И чаще всего они — насельники монастырей.

Конечно, нигде не вывешиваются списки этих священников, но о них легко можно узнать. Лучше не искать такого священника в каких-либо экзотических

---

[1] См.: Елена Рерих. Знамя Преподобного Сергия Радонежского. – Мн.: Звезды Гор, 2013.

местах, а обратиться в ближайший крупный мужской монастырь или в епархиальное управление»[1].

О том, как происходит чин «отчитки» в Русской православной церкви, подробно пишет пресса:

«Изгнание бесов — миф или реальность? В поисках ответа на этот вопрос журналисты РИА "Новости" стали свидетелями обряда, о котором в Русской православной церкви нет однозначного мнения, и побеседовали с церковными и светскими экспертами.

"Умолкни! Убежи!" — восклицает отец Герман, осеняя крестом толпу людей.

Петропавловский храм возле Троице-Сергиевой лавры набит битком. Здесь несколько раз в неделю в полдень известный архимандрит Герман (Чесноков), которого многие называют старцем, совершает чин "исцеления одержимых нечистыми духами". В Церкви этот обряд еще называют "отчиткой".

Перед началом чина отец Герман объясняет, почему в того или иного человека может вселиться "нечистый дух". Причина проста — грех. "И болеем мы из-за того, что грешим", — внушает он.

Отец Герман проповедует долго, больше часа. Люди стоят, а в центре полукругом сидят на скамейках и стульях и стараются внимательно слушать батюшку, который активно жестикулирует, повторяя: "Мы должны идти в храм, а не к гадалкам или экстрасенсам! Если у кого-то есть книжки с заговорами, гаданиями — сожгите сегодня немедленно! Очень полезно причащаться!"

Некоторые выходят из душного храма на улицу. Остальные переминаются с ноги на ногу, кто-то зевает,

---

[1] Из интервью профессора Московской духовной академии и семинарии протоиерея Максима Козлова. См.: https://ria.ru/religion_question/20160407/1404360253.html?inj=1

кто-то рассматривает иконы, кто-то проверяет сообщения на телефоне. Все ждут начала отчитки.

В отличие от большинства православных обрядов, во время чина изгнания злых духов священник все время стоит лицом к прихожанам. Отец Герман произносит молитвы не нараспев, как это обычно бывает на службах, а очень эмоционально, с обилием жестов, как пасторы из американских фильмов. Верующие, стоящие в первом ряду, подходят еще ближе к алтарю. Худенькая старушка в черном платке начинает судорожно крестить свой живот. Рядом с ней женщина с двумя фотографиями юноши — во время проповеди она не сводила глаз с алтарного образа Спасителя, а теперь непрерывно плачет.

Прочитав молитвы и Евангелие, отец Герман с двумя священниками спускается с амвона и начинает мазать лоб каждого освященным маслом. Он спрашивает у женщины с ребенком, как давно тот болеет.

"Полтора года, батюшка. После поста началось", — плачется женщина. — "А ты обвенчана с мужем? Тебе нужно обвенчаться! От этого он болеет", — чеканит архимандрит.

Затем он берет в руки простой металлический чайник со святой водой и начинает обильно кропить, читая специальную молитву. Взор его направлен на молящихся, но, кажется, что он смотрит не на них. Ряса вся мокрая от святой воды, на полу большие лужи. От холодных брызг молящиеся вздрагивают, но тут же улыбаются. "Матери, если вы будете причащать своих детей каждый воскресный день, то тогда никакие болезни их не возьмут!", — многократно повторяет экзорцист.

"Батюшка, что делать?" — с таким вопросом часто обращаются люди, чьи родственники, по их убеждению,

являются бесноватыми. Ответ священники дают разный, исходя из личного взгляда на отчитки.

“С моей мамой творилось что-то не то. Мы постоянно ругались из-за каких-то пустяков. Каждый день она говорила мне: будь ты проклят, тебе не надо больше жить, ты даже рваной наволочки не заслужил”, — рассказывает Олег из Москвы (имя по его просьбе изменено).

Мама запрещала ему ходить в храм, сильно раздражалась, увидев икону или крест. Мужчина втайне от нее обратился к священнику, который посоветовал окропить квартиру и вещи матери святой водой. Но, по его словам, “никаких изменений не происходило”.

Затем на одном из православных форумов он узнал про отчитки. Олег признается, что “каким-то чудесным образом” все же уговорил маму поехать в храм, где совершают обряд экзорцизма.

“Сейчас (после отчитки — ред.) она ведет себя очень спокойно. Батюшка посоветовал приезжать еще. Я потом узнал, что так многие делают”, — рассказал Олег.

“Настоятель нашего прихода благословил меня ехать в лавру к отцу Герману на отчитку, сказав, что я бесноватая”, — признается Галина (имя изменено) из Ленинградской области.

Она долго этому не верила. Но в один из вечеров начались судороги — ей сначала показалось, что это приступ эпилепсии.

“Но на следующий день я узнала, что к нам в храм везут чудотворную икону Божией Матери. Выходит, что я, не зная о прибытии такой святыни, уже чувствовала это. Это не похоже на самовнушение”, — отметила она.

Когда икону привезли, Галина “очень долго не могла подойти” к реликвии без посторонней помощи. По

ее словам, в этот момент она материлась в храме, проклинала всех вокруг, билась головой о пол.

“Я потом долго плакала и просила прощения за ругательства, но священник, успокаивая меня, говорил, что это бес пытался запугать всех”, — поясняет женщина. В итоге она поехала к отцу Герману на отчитку, после которой, по ее словам, все прошло»[1].

*

Несколько лет назад нам тоже довелось присутствовать на таком обряде. Это было в Белоруссии. Мы поехали туда по совету одного очень уважаемого человека. Как медицинский работник, она нередко сталкивалась с больными одержанием. «Сейчас очень много страдающих от этой напасти, а станет еще больше. Нужно не бояться таких людей, а учиться помогать им. Как хорошо было бы объединить усилия науки, врачей и церкви! И вам надо посмотреть на обряд отчитки, чтобы понимать, с кем и чем можно столкнуться в жизни».

Действительно, отчитка — зрелище не для слабонервных. Священник, отец В., стоял спиной к алтарю. Перед ним находилось человек 70 больных, а отдельно, в стороне, — родственники страждущих. Батюшка попросил их молиться с ним вместе.

Вначале молитва шла ровно, но напряжение все нарастало и нарастало, так, что энергия молитвы уже ощущалась физически. Казалось, сами Ангелы спустились на землю для битвы с демонами. Когда молитва достигла своего пика, раздались звериные крики. Кто гадом извивался по полу, кто хлопал себя по груди, как птица крыльями, или ругался непотребными словами,

---

[1] См.: https://ria.ru/religion/20170324/1490742444.html

или бил себя по голове. Одни мычали, другие лаяли. Некоторые бросались к батюшке и пытались разорвать на нем облачение. Но молитва все усиливалась, и наконец вопли и крики утихли, наступила благостная тишина. Умиротворенные люди, которые минуту назад бесновались, подходили к батюшке, благодарили за помощь. К нему выстроилась очередь — за советом, за благословением. Подошли и мы. Спросили — а как дальше быть таким людям, и возможно ли исцелиться за один раз? Он ответил, что вполне, кому-то хватает одной поездки, а кому-то нужно несколько раз. Это зависит от веры человека. Некоторым даже приходится пожить при храме в труде и молитве несколько месяцев, чтобы получить облегчение. Сказал еще, что такой работы у него с каждым годом все больше. Мы поблагодарили отца В. за беседу, пожелали ему сил и здоровья...

*

Существует много разных видов болезни одержания — от едва уловимой странности в поведении до буйства, которое было описано выше. Завладевшие человеком бесы пытаются склонить его к совершению преступлений, к разврату и пьянству, к религиозному фанатизму, — говоря языком церкви, к греху. Ведь что такое грех? Это нарушение заповедей морали — законов божественных, в целом — Воли Бога, единого Закона, который правит Космосом. Хорошо известно, что первым восставшим против Высшей Воли был сатана, и до сих пор его приспешники пытаются столкнуть человечество с пути добра.

Как сказано в «Добротолюбии», книге, переведенной на русский язык в восемнадцатом веке преподоб-

ным Паисием Величковским, одних бесы искушают через недостатки, а других — через их достоинства, возбуждая в человеке самомнение и честолюбие. Образно говоря, как только человек подумает в отношении ближнего: «Я святее тебя», он широко распахнет врата в свою душу для беса гордыни. И падение в таком случае будет «гибельнейшим первого», поскольку человеку, знающему о своих недостатках, гораздо легче подняться, чем тому, кто уверен в своих добродетелях и превосходстве над окружающими.

Пожалуй, самая тяжелая форма одержания та, которая приводит к самоубийству. Как только человек, под влиянием тех или иных тяжелых жизненных обстоятельств — предательства, серьезных заболеваний, потери близких, одиночества, отсутствия жилья или средств к существованию — впадает в отчаяние и начинает думать об уходе из жизни, он немедленно притягивает к себе злобных существ тонкого плана. Они начинают нашептывать ему, что он поступает правильно, что самоубийство — единственный выход из сложившейся ситуации, и дают ему советы, как «легко» уйти из жизни.

Но если бы человек знал, куда он попадет после самоубийства, то никогда бы не решился на такой ужасный шаг. Если детям, ушедшим таким образом, будет оказана помощь в Тонком Мире (они будут погружены в сон), поскольку дети не понимают сути происходящего, то для взрослых дело обстоит намного хуже. Они остаются в низких слоях астрала до истечения срока своей земной жизни, испытывая ужасные муки.

К сожалению, помочь человеку в этом случае очень трудно, потому что он принимает внушаемые ему бесами мысли за свои, и уже никому не верит — ни близким, ни друзьям, и под воздействием невидимых

шептунов нередко решается на непоправимое. Известно, что в наше время число людей, добровольно уходящих из жизни, кратно превышает число жертв локальных войн и вооруженных конфликтов по всему миру. Поэтому нужно спешно вооружить людей знанием для борьбы с духами злобы.

И пусть человек никого и ничего не боится, ведь, как утверждал святой Максим Исповедник, «в этой борьбе мы “не одни”, потому что имеем святых Ангелов помощниками себе в добром, паче же Самого Бога, нам Себя являющего делами правды и нас Себе созидающего во святой храм, свободный от всякой страсти»[1].

---

[1] Добротолюбие, том 3.

Глава 2. ЖИВАЯ ЭТИКА ОБ ОДЕРЖАНИИ

Что же представляет собой одержание с позиции новой науки — Учения Живой Этики?

Мы живем в эпоху энергетического мировоззрения. Достижения великих ученых, прежде всего в области физики, полностью изменили наш взгляд на мир. Оказалось, что плотной, «твердой» материи вообще не существует — атомы, из которых она состоит, имеют волновую природу. Это означает, что человек живет в мире энергий, более того — он сам является энергией!

Каждый атом является монадой — зерном духа, которое когда-нибудь станет человеком, а затем — еще более развитым существом. Энергия, накопленная вокруг зерна духа за тысячи и тысячи лет странствий — это и есть наше сознание. Религия называет ее душой, а Живая Этика — психической энергией.

Как видим, душа человека является энергией. Более того, все наши хорошие и плохие качества, высокие чувства и низкие страсти также имеют энергетическую природу. Существуют энергии любви, преданности, сочувствия, самоотверженности, мужества, и, к сожалению, энергии раздражения, гнева, страха, зависти, предательства. Комплекс этих энергий отражается на ауре человека.

Каждая эмоция — любовь или ненависть, мужество или страх — оставляет на стенках нервных каналов свои

отложения. Все доброе укрепляет тонкое тело, а злое — разлагает, причем не только при земной жизни, но и при переходе в Тонкий Мир. Отложения высоких чувств преобразуются в энергии, укрепляющие тонкое тело, а отложения страстей и вожделений покрывают его язвами.

«...Тонкое тело питается добрыми деяниями. Многие примут это за парадокс или за нелепость. Для них тонкое тело не существует, а понятие добрых деяний весьма относительно. Но, на самом деле, тонкое тело крепнет от всего возвышенного, потому добрые мысли и деяния так полезны.

Также искусство приносит мгновения высшей проявленной радости, такая пища для тонкого тела самая питательная. Когда древние речения напоминали о питании воздухом, они имели в виду воздействие добрых сочетаний на тонкое тело.

Иные полагают, что тонкое тело нерушимо и потому никакие земные воздействия не могут нарушить его, но такое толкование не основательно. Тонкое тело есть, все-таки, тело вещественное. Оно может болеть, может укрепляться или даже разлагаться. Оно имеет свою жизнь, иногда она даже не согласуется с плотным телом. Среди разных влияний именно тонкое тело может отзвучать ранее плотного.

Мы говорили о так называемых живых мертвецах. Они успели умереть в тонком теле, хотя плотное еще живет. Психическая энергия находится в таких случаях в ненормальном состоянии. Она почти выходит за тонким телом, но если физическая работа сердца происходит, то и энергия продолжает быть привязанной к разложенной оболочке.

Нужно понять, что такие организмы уже не могут творить поступательно и катятся по наклонной плос-

кости. У Нас называют такие организмы пустыми оболочками. Но не нужно смешивать их с одержанием, которое может происходить при ослаблении тонкого тела; поистине, оно питается возвышенными деяниями.

Мыслитель настаивал, чтобы человек обновлял сердце музыкой. Явление музыки понималось как вся сфера Муз».

*

Живая Этика говорит о трех мирах, в которых обитает человек. Первый мир — физический, плотный — это наша земля. Второй мир — тонкий, астральный — обиталище душ. И третий мир — Огненный — это удел великих святых. Все миры различаются по уровню вибраций, но непроходимой границы между ними нет.

В свою очередь, Тонкий Мир сам делится на многочисленные слои — от низшего астрала до высоких небесных сфер. Низший астрал — это ад, в который попадают души преступников и порочных людей, убийц и самоубийц. Есть там и постоянные обитатели, бесы и демоны. Все эти развоплощенные жители низших слоев и выступают в роли одержателей. Они жаждут прикоснуться к жизненной силе людей, чтобы на краткое мгновение получить иллюзию земного существования.

Они воздействуют на живущих на земле, поглощают их психическую энергию и подавляют волю, склоняют к пьянству и обжорству, к разврату и преступлениям.

«К вопросу одержимости следует отнестись научно. Два момента существования установлены. Первый — непрерывность жизни в различных состояниях, второй — влияние воли одного существа на другое. Так существа, находясь в тонких телах разных степеней, могут направить мысль на земных воплощенных. Но

осознанная, энергия может способствовать единению миров; но, соединяя высшее, она же открывает путь низшим. К тому же знаете, насколько низшие стремятся сблизиться с земными эманациями. Так нужно предупредить людей о стойкости воли, ибо одержимость есть одно из наиболее недопустимых состояний. И лишь вмешательство третьей воли, твердой и чистой, может нарушить это беззаконие, которое поражает людей вне возраста и положения. Дело врача присмотреться к больному и найти признаки чужой воли. Если врач сам достаточно очищен и не боится перенести на себя непрошенного гостя, он может применить воздействие воли. Но даже выход одержателя недостаточен для излечения. Около тысячи дней опасность повторения не истекает, больной должен пристально следить за мыслью своей. Нужно предупредить врачей.

Несчетно количество желающих внушить людям самые позорные мысли, но достаточно иметь силу и найти ритм приказа, чтобы спасти человека. Обязанность йога состоит в изгнании вредных воздействий».

Бывает и так, что одержатель практически полностью завладевает телом человека, вытесняя из него душу «законного хозяина», чтобы «пожить» какое-то время на земле.

«Как безобразна явленная картина, когда одержатель пытается изгнать из тела тонкую оболочку. Не может быть ничего безобразнее, когда два тонких тела спорят об одной земной оболочке».

Одержание не только разлагает тонкое тело, но губит и физическое здоровье.

«Одержание и самоотравление — близкие соседи. То и другое одинаково мало признается людьми. При

самоотравлении особенно легко одержание, но при одержании окончательно происходит отравление; такое отравление неотменно. Некоторые утверждают, что при одержании здоровье не только не ухудшается, но даже улучшается. Большое заблуждение — только напряжение нервное дает кажущееся здоровье. Но вторжение чужой психической энергии непременно откроет вход разным заразам. Одержание не есть психизм, но есть поражение всего организма. Скажем определенно — одержание есть не только заболевание психическое, но и явление заразы всего организма. Многие эпидемии имеют в основании одержание. Конечно, темный одержатель не будет заботиться о здоровье последователя. Каждая болезнь есть уже разложение, которое приятно тьме. Две психические энергии не могут долго жить вместе. Может быть периодически ослабление одержания, такой метод применяется одержателями, если они дорожат жертвой».

Учение Живой Этики говорит, что лучшим способом защиты от болезни одержания является психическая энергия высокого качества. Она накапливается самоотверженной любовью и мужеством, служением Богу, Отечеству и ближнему, устремлением к красоте и соблюдением законов нравственности.

«...Одержатели особенно не выносят большего запаса психической энергии. Они, как стрелы, отскакивают от прочного щита. Тем сильнее бывает их злоба, и одержимые устремляют ненависть даже против своей пользы. Можно часто наблюдать, как одержимые поступают вопреки здравому смыслу, лишь бы изрыгнуть зло.

Нужно понять, как много таких злодеяний, которые совершаются, чтобы ублажить невидимого злодея.

Люди называли их демонами, но проще назвать их отбросами. Нельзя предполагать, что для одержания требуются какие-то мощные демоны. Каждый земной преступник непременно стремится стать одержателем и тем питать свою неизжитую ненависть.

Нужно признать, что не только малодушные, но и все предающиеся сомнению легко становятся добычею одержателей. При таком заболевании человек не знает сам, что он делает, и посторонние изумляются скорой перемене лица. Но будет время, когда научные аппараты покажут двойственность таких опасно больных. Много исторических событий произошло под одержанием — не забудем это».

Также многих интересует вопрос, принадлежат ли одержатели только к человеческой эволюции, или среди них есть существа иного вида, и бывают ли и другие виды безумия, кроме одержания, или же одержание имеет отношение ко всем психическим расстройствам?

«Несомненно, все одержатели — представители человеческой эволюции и большею частью принадлежат к очень низкой степени нравственного и умственного развития. Конечно, причин безумия много, и нельзя объяснять все случаи только одержимостью. Приходится вспомнить о всех безобразиях излишеств или эксцессов, которые нарушают правильный обмен и деятельность психической энергии. Кроме того, могут быть и мозговые заболевания. Также в Учении указано, что из желания избежать карму бывают сломы сознания. Так, человек чует неизбежность чего-то и настолько напрягает волю, что происходит затемнение сознания. Но, конечно, большинство случаев можно отнести к одержанию. Идея кооперации может многому помочь. Правильная эволюция избавит человека от безумия».

Кроме одержателей, омрачать сознание людей могут силы хаоса, стихии, которыми пользуются злые духи для подавления слабой человеческой воли. Даже неплохие люди могут стать жертвами их воздействия. К примеру, на митингах, где происходят чудовищные манипуляции человеческим сознанием, некоторые совершают позорные поступки и противоправные действия — выкрикивают угрозы, бросают камни в полицию, взбираются на фонарные столбы. Спустя какое-то время они искренне удивляются — как они вообще могли это сделать? Разумеется, одурманивание волнами хаоса не освобождает их от ответственности. Ведь если бы человек проявил волю, он не поддался бы ядовитым воздействиям.

Способствует эпидемии одержания и переполнение пространства различными электромагнитными волнами. Телевидение, радио, мобильная связь и другие блага цивилизации, с одной стороны, облегчают нашу жизнь, а с другой — разрушают психическое здоровье. Эта тема требует серьезных исследований, чтобы каким-то образом защитить человека от пространственного отравления.

Необходимо также изучать воздействие человеческих излучений — не только на людей, но и на растения и животных. К сожалению, эти излучения не всегда благодетельны. Бывает и так, что человек действует на окружающих как вампир — он выпивает их жизненные силы. Те, кто находятся рядом с ним, болеют, растения чахнут. Люди, пожирающие чужую энергию, вызывают тягость. В их присутствии невозможно долго находиться, и если не защититься от них, можно получить одержание.

Иногда одержатель не нападает напрямую, часто темные используют слабые души, через которые посылают

удары на интересующий их объект, через одного либо двух посредников.

Человек низкого нравственного уровня может еще при своей земной жизни выступить в роли одержателя:

«“Сведения о леопардах-оборотнях правильны. Учение уже обращало внимание на несомненные факты связи человека с животными. Можно видеть, что судьба таких животных отражается на определенных людях...” Человек может столь низко опуститься нравственно, что пробудит в себе все дремавшие в нем животные инстинкты, и в неистовстве своем дух такого человека может не только после смерти, но даже при земной жизни временно входить в тело животного, отвечающего его проснувшимся инстинктам. И тогда все происходящее с этим животным неминуемо отражается и на судьбе его одержателя. Так, если такое животное будет ранено, то и тело его одержателя будет страдать от последствий этой раны, в случае же смерти животного та же участь постигнет и его одержателя. Народные предания хранят в себе многие истины. На востоке странные звери, или же, как их называют у нас, оборотни, хотя и редко, но все же встречаются и сейчас. Так, в Тибете принято очень охранять тело умершего от оживления его через вселение в него злобных ярых духов или же духов животных. Для этого у них выработаны особые обряды. Такие оживания трупов зарегистрированы и европейскими исследователями. Причем такие ожившие трупы обычно набрасываются на кого-либо из присутствующих и в жажде крови иногда загрызают их насмерть. Конечно, такие редчайшие случаи оживления трупа духом животного возможны лишь с телом очень низкого человека и в местности или в окружении самого темного колдовства и преступности».

*

Никогда не следует выносить скоропалительных «приговоров» о наличии одержимости, если на то нет явных доказательств. Тем более что пока человек сопротивляется, до тех пор настоящего одержания нет. Не всегда и больному нужно говорить о его болезни, чтобы не напугать его. Сильному человеку обязательно нужно сказать — это поможет ему выздороветь, а слабого правда может убить. Многие знания лучше хранить втайне, не осмысленные во всей своей сложности, они могут принести больше вреда, чем пользы.

Надо использовать все способы, чтобы избавить человечество от страшной беды — армагеддонной болезни одержания. Врачи, ученые, священники всех религий должны объединить усилия в борьбе с этим злом, а самое главное — необходимо спешно осознать психическую энергию и научиться пользоваться ею. Это панацея от всех болезней, лучшая защита не только от одержания, но и от рака и других недугов.

Живая Этика предупреждает еще об одной эпидемии, угрожающей человечеству, — бесчувственности к действительности, порожденной бездействием, омертвлением психической энергии. Но от нее есть сильнейшее средство — устремление к нашему истинному, небесному Отчему дому. Только надежда на лучшее будущее избавит от отчаяния среди бедствий, защитит от падений и искушений, от нападений духов злобы:

«Как же выдержит сердце, если будет знать все ужасы творимые? Как же будет биться сердце, когда услышит вопли множеств сердец? Ни прошлое, ни настоящее не дадут осилить весь гнет мира. Только будущее, во всей огненности, перенесет к берегам новым. Только забрасывая спасительный якорь вперед, можем

подвинуться к нему. Чем дальше закинем якорь, тем легче и бодрее перенесем сознание в Мир Огненный. Ради этого мира можем улучшать сознание, просветляться сердцем и мыслить о добре. Ничто другое не может провести человека по всем полям ужасов. Люди не понимают то количество несчастий творимых. Омертвление психической энергии делает людей бесчувственными к действительности. Бесчувственность к действительности является одной из самых ужасных эпидемий. Люди отворачиваются от происходящего и думают так продлить приятное телу существование. О будущем они даже не умеют подумать. Но без будущего немыслимы герои и обновление. Потому будем, при каждом случае, указывать на Мир Огненный как на цель бытия».

*

Эту главу хотим завершить удивительным стихотворением, поэтическим переложением молитвы Ефрема Сирина. Александр Пушкин пишет об устремлении сердца в «заочные области» — в невидимые высшие миры и помощи сердцу среди «дольних бурь и битв» — земных искушений:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Глава 3. КАК ПРОИСХОДИТ ОДЕРЖАНИЕ

Человек приходит в этот мир, на первый взгляд, чистым и невинным, однако он приносит с собой кармические накопления прошлых жизней, как хорошие, так и тяжкие. Именно карма определяет среду, в которую он попадет, а следовательно, и будущее. Но все же человек обладает свободной волей, и в любых условиях он может как подняться, так и упасть еще ниже.

Многое зависит от семьи. Если родители ведут нравственный образ жизни, то, несомненно, они смогут оградить ребенка от различных вредных воздействий. Если же родители пьющие, безнравственные, ограниченные, это негативно сказывается и на физическом, и на психическом здоровье маленького человека. Скандалы, драки в семье, разводы порождают у ребенка неуверенность, страх, который парализует, ослабляет заградительную сеть ауры, аура свертывается и замирает. Если ребенок находится в таком состоянии очень долго, он может заразиться одержанием как от родителей, так и от посторонних.

Поэтому заботливым родителям нужно очень внимательно присматриваться к воспитателям в детском саду, к школьным учителям, которым они доверяют своих детей.

Необходимо объяснить детям опасность злобы, мести, лжи и сквернословия, оградить их от низкопроб-

ной музыки, литературы и кино, от агрессивных компьютерных игр и мультфильмов, от игровых автоматов и вообще от азартных игр — все это источники психической заразы. Также факторами риска являются негативные качества характера — эгоизм, самомнение, зависть, раздражительность, злоба, нетерпимость, подозрительность, жестокость, трусость, малодушие. Поэтому нужно воспитывать в ребенке любовь, верность, мужество, сострадание — они станут преградой для вторжения в душу ребенка злых сил, духов злобы поднебесных, как называл их Апостол Павел.

Разумеется, заразиться одержанием могут не только дети, эта болезнь поражает человека независимо от возраста.

Каналов одержания много, укажем некоторые из них.

Живая Этика говорит, что одержание проникает через канал безнравственности, причем безнравственность может быть выявленной или находиться в зародыше. Внешне человек может соблюдать правила приличия, но грешить в мыслях, а иногда и сам не подозревать о дремлющих в его душе ядовитых семенах разных пороков.

Венерические болезни облегчают доступ одержателю, но если можно медикаментозно вылечить сифилис или гонорею, приостановить развитие ВИЧ-инфекции, то изгнать одержателя не так просто. Излечение венерической болезни не означает освобождение от одержания.

Открывает доступ одержателю и чрезмерное раздражение.

«В гневе и раздражении человек считает себя сильным — так по земному соображению. Но если посмотреть от Тонкого Мира, то человек раздраженный

особенно бессилен. Он привлекает к себе множество мелких сущностей, питающихся эманациями гнева. Кроме того, он открывает затвор свой и позволяет читать мысли даже низшим сущностям. Потому состояние раздражения не только недопустимо как производство империла, но и как врата для низших сущностей».

«“Империл” — называется яд раздражения, призывающий опасность. Яд вполне конкретный, отлагающийся на стенках нервных каналов и таким путем распространяющийся по всему организму.

Если бы современная наука попыталась беспристрастно исследовать нервные каналы, принимая во внимание астральные токи, она бы натолкнулась на странное разложение астрального вещества при прохождении по нервным каналам, — это и будет реакцией империла. Только покой может помочь нервной системе справиться с опасным неприятелем, который может вызывать самые различные раздражения и мучительные сокращения организма.

Страдающий от империла должен повторять — как все прекрасно! И он будет прав, ибо эволюция протекает законно, иначе говоря, прекрасно. Чем выше нервная система, тем мучительнее отложение империла».

Также злорадство, радость несчастью других превращает человека в легкую добычу для злобных духов. Опасно злорадствовать над больным одержанием — его одержатель может наброситься на обидчика.

Отчаяние и страх парализуют психическую энергию и лишают самообороны, гасят излучение человеческой ауры и привлекают ужасных сущностей. Пробить ауру могут и ссоры, злобные мысли, колдовство.

«Беззащитность, происходящая от поражения ауры, ужасна. Можно представить, как одно проломление

ауры ведет к искажению всего строения ее. Сонливость, замечаемая при поражении ауры, происходит от однообразно усиленной деятельности огненной энергии, направленной к внешним излучениям. Пока идет такое восстановление, организм и особенно сердечная деятельность оказываются подавленными... Нужно проникнуться уважением к человеческой конституции и понять, что каждое столкновение, прежде всего, приносит вред астральному телу. При этом, конечно, организмы, сработавшиеся длительным общением, будут тем сильнее ранить друг друга; но не только друг друга, но и рефлектировать на других близких. Тем серьезнее нужно искоренять все столкновения. Можно представить, какая темная рать устремляется на каждый пролом ауры. Очень ужасно питать таких насекомых внутренними слоями излучений. Только заградительная сеть препятствует нападению темных сил. Каждый пролом ауры угрожает и одержанием. Тем более будем бережны».

Тяжелые воспоминания, постоянное недовольство, пессимизм, брюзжание, сомнение и саможаление разрушают психическую энергию и открывают доступ одержателю. Опасна для духовного здоровья и лень, которая, как сказано, может превратить человека в животное, бездеятельное и сонливое. «Такой человек становится открытым всевозможным внешним воздействиям вплоть до одержания. Он особенно легко поддается всяким заразам и в случае опасной болезни не имеет сил бороться с ней, ибо его психическая энергия без упражнения находится в эмбриональном состоянии».

Известно, что животные привлекают сущностей из Тонкого Мира, поэтому нельзя допускать их в спальню,

она должна быть охранена от животных эманаций. Особенно нежелательны в спальне кошки. Опасно и смешение флюидов человека с животными в разных формах, «всякое людоедство есть праздник темных». Потому нельзя украшать жилые помещения чучелами птиц, шкурами убитых зверей, и особенно — животных-людоедов.

Нужно обратить внимание на чистоту в доме и на качество пищи. Пыль и грязь, разложившиеся, гниющие продукты тоже привлекают нежелательных «гостей». А самые опасные, прямые каналы одержания — алкоголь и наркотики. Они воздействуют на нервные центры человека, насильственно приоткрывая дверь в низшие слои Тонкого Мира, и одержатели буквально набрасываются на алкоголиков и наркоманов.

«Злоба, сомнение, недоверие, нетерпение, лень и прочие вдохновения тьмы отделяют земной мир от высших сфер. Люди, вместо пути добра, пытаются заменить восхищение духа различными наркотиками, дающими иллюзию потустороннего существования. Заметьте, что во многих религиях позднейшими дополнителями введены очень искусные составы наркотиков, чтобы искусственно продвигать сознание превыше земного состояния. Конечно, велика ошибочность таких насильственных мер, они не только не сближают миры, но, наоборот, отчуждают и огрубляют сознание. Также наполнена жизнь земная постоянными отравами, которыми люди так любезно угощают друг друга. Учителя всех времен преподавали человечеству чистые пути духа для поступления в связь с высшими мирами, но лишь немногие предпочли путь, явленный сердцем. Особенно нужно обращать внимание на освобождение от отрав. Уже заражена значительная

часть почвы, уже заражена поверхность над Землею. Люди, кроме наркотиков, изобрели много ужасных явленных веществ, которые вместо оздоровления вносят духовную смерть. Массы ядовитых испарений удушают города. Люди думают о производстве многих веществ, которые считаются гораздо убийственнее, нежели наркотики. Наркотики являют вред самим потребителям, но убийственные газы терзают все живущее. Нельзя осудить достаточно наркотики, но нельзя достаточно осудить и убийственные изобретения. Люди когда-то впадали в ошибки ради иллюзии восхищения, но теперь люди совершенно не стыдятся убивать интеллект и дух близких, называя это убийство достижением науки».

Как видим, химическое оружие способно убить не только тело, но и причинить вред душе. Табачный дым и выхлопные газы, которыми буквально залиты большие и малые города, также облегчают доступ сущностям низших слоев. Чистоту пространства нарушает и колдовство, которым, не задумываясь о последствиях, увлекаются люди. Привороты, ритуалы африканских колдунов вуду, наведение порчи, услуги «потомственных ведьм» широко рекламируются и в газетах, и на телевидении, и в социальных сетях.

«Также величайшим позором будет, что человечество до сих пор занимается колдовством, именно самым черным колдовством, направленным на зло. Такое сознательное сотрудничество с темными силами не менее ужасно, нежели газы. Невероятно помыслить, что люди, причисляющие себя к религии добра, занимаются самым вредным колдовством. Не стал бы говорить о черной опасности, если бы она не достигала сейчас ужасающих размеров. Самые невозможные

ритуалы возобновлены, чтобы вредить людям. Толпы по невежеству вовлечены в массовую магию. Невозможно допустить такое разложение планеты! Нельзя, чтобы уничтожение всего эволюционного удавалось темным силам. Колдовство недопустимо, как противоестественное нагнетение пространства. Твердите везде об опасности колдовства».

*

Самое ужасное, что происходит при одержании, — это подавление личности, задержка или даже остановка эволюционного развития заболевшего. В качестве примера можно привести запойных пьяниц. Те, кто употребляют алкоголь, всегда говорят: в любой момент я могу остановиться. Но это ложь. Даже если они сильно хотят бросить пить, этого не только не происходит, но доза постоянно увеличивается, перерывы между запоями становятся короче.

Одержатель, овладевший человеком, словно живет и действует вместо него. Известно, что многие преступники утверждают, что они не убивали, не насиловали, не грабили, причем сами убеждены в том, что говорят. Это вполне вероятно, потому что в момент преступления их воля была подавлена или парализована, их действиями руководила засевшая в них сущность (и часто не одна).

Вот рассказ женщины, наблюдавшей подобный случай.

«Я была вечером в гостях у подруги, когда заявился ее муж. Он пришел очень пьяным, а пил он часто и много. С порога стал придираться, кричал на жену. Поскольку такие сцены бывали у них нередко, я не придала значения этим крикам. Но неожиданно, на

невинное замечание супруги — успокойся, у нас гости, он схватил огромный кухонный нож и бросился на нее. Я только успела подумать: “Господи, спаси”, а жена застыла от ужаса. Нож прошел буквально в сантиметре от ее глаз и ударился в стену, покрытую керамической плиткой, и выпал из руки мужа. Несколько секунд стояла тишина, после этого он развернулся и ушел курить на площадку. Когда возвратился, был абсолютно спокоен и сказал — дорогая, я голодный, дай мне покушать, — как ни в чем не бывало. Поел и пошел спать. На мой вопрос — что это было, подруга ответила, что подобное бывает часто. И руку поднимает, и с балкона пытается выбросить, а потом ничего не помнит... На следующее утро я зашла, чтобы усовестить соседа. Сказала ему: бросай пить, водка тебя до добра не доведет. Вот вчера вечером ты мог убить свою жену, да и меня тоже. На что он мне ответил, что это неправда, что мы лжем и наговариваем на него. Он любит свою жену и никогда не обижает ее».

Еще один пример. Знакомый офицер запаса, имеющий наградное оружие, злоупотреблял и алкоголем, и наркотиками. Довел себя до такого состояния, что разрушил свой организм, заработал целый «букет» болезней. По ночам стрелял по комнате, несколько раз пытался застрелиться. Но наутро каждый раз утверждал, причем абсолютно искренне, что любит своих родителей, детей и жену, и никогда не стал бы стрелять в доме, где они живут, а гильзы ему кто-то регулярно подбрасывает.

*

Если происходит вытеснение, полное подавление личности одержателем, это не значит, что человек,

совершивший преступление в таком состоянии, не несет ответственности за свои поступки.

«Известно, что каждое злое действие должно быть изжито, но вас спросят: “Как происходит справедливость над одержимыми? Кто понесет следствие — одержимый или одержатель?” — Кто может разделить, где воля одержателя и заложенная воля в самом одержимом?

Одержание происходит, лишь когда доступ открыт. Мало того, до одержания уже зло шепчет и подготовляет слабый дух. У нуждающихся во зле появляются и привлеченные ими сущности. Карма одержимых тяжка!»

Отдельно остановимся на таком мерзком явлении, как предательство. Этот тягчайший грех человеческой природы неотделим от одержания. Первым предателем был сатана, перешедший на сторону зла, и до сих пор его черные слуги насыщают шатких и малодушных людей энергиями предательства. Рассудок их мутится, и они становятся легкой добычей злобных духов. Так предатель в первую очередь предает себя, свою бессмертную душу.

Также необходимо предостеречь об опасности занятий некромантией. Увлекаясь вызыванием потусторонних сил, можно привлечь обитателей низших слоев Тонкого Мира. Сознательно призывая души умерших людей, можно получить одержание. Ведь приходит не тот, кого зовут — умерший родственник, близкий человек или друг, а злобная сущность, маскирующаяся под него.

Рискуют получить одержание и поклонники «современного искусства», которое докатилось до людоедства, в прямом смысле этого слова. К примеру, 6 марта 2018 года в Латвии «художник» Артур Берзинь устроил

перфоманс, участников которого накормил их собственной плотью, причем прямая трансляция этого дикарства велась в Фейсбуке! И, к сожалению, это не единичный случай...

В опасности находятся и поклонники различных «практик», пытающиеся достичь духовного роста путем физических упражнений хатха-йоги, голодания и отказа от сна. Ведь из-за ослабления организма нарушается заградительная сеть ауры, и темные одержатели атакуют свою жертву. Конечно, можно «сократить свой сон и свою пищу до минимума, но конечным результатом будет лишь сумасшествие. Тогда как человек, спящий нормально семь-восемь часов, принимающий нормальное количество пищи, но стремящийся в сердце своем к очищению мышления, может достичь прекрасных результатов».

Переполнение низших сфер Тонкого Мира душами, пришедшими не в срок, в результате насильственной смерти, также увеличивает для оставшихся на земле риск стать жертвами одержателей. Ведь такие души полны неизжитых страстей и часто стремятся отомстить своим мучителям и убийцам.

«Одержание развивается и угрожает безумием. Многие страны управляются безумцами в полном смысле слова. Явление массового одержания не повторялось раньше; непонятно, отчего ученые не обращают внимания на такое бедствие! Люди создают миллионы убийств. Неужели никто не подумает, что это есть рассадник одержания!»

И таких ужасов, факторов риска, каналов одержания много, всех и не описать. Спрашивается, что же такое ад после смерти, если мы сейчас уже сами создали ад на земле?

Как же спастись человеку, как выстоять, как оградить себя и близких от заразы одержания? — Устремлением к Богу и соблюдением Его заповедей!

Сердце, полное огня любви и сострадания, станет крепким щитом от злобных сущностей. «Огонь сердца опаляет всех мохнатых гостей!»

Глава 4. РАСПОЗНАВАНИЕ И ЗАЩИТА ОТ ОДЕРЖАНИЯ

Чтобы приступить к лечению любой болезни, нужно поставить верный диагноз, и болезнь одержания — не исключение:

«Необходимо расчленить область так называемой истерии на множество отделов. Теперь она занимает место от одержимости до утонченной духовности. Конечно, нельзя оставлять такие противоречивые смешения, именно, не научно сваливать все в одну кучу, лишь бы не побеспокоить мозг размышлением. Иначе Святая Тереза может оказаться в пределах одержимости, а самый мерзкий демон будет приближен к престолу. Недопустимо согласиться со смешением различных состояний».

Как уже упоминалось, разновидностей и степеней одержания много — от небольших странностей в поведении до острого психического расстройства. Попробуем описать некоторые признаки этого тяжелого заболевания.

Одержание можно диагностировать по глазам. Мутный или бегающий взгляд, крапинки другого цвета на радужной оболочке глаза могут свидетельствовать о болезни. Сразу отметим, что признаки одержания не постоянные:

«При наблюдениях над глазами одержимых нужно не упустить из виду, что признак усмотренный может

быть подвижным. От приближения огненной энергии признак может как бы растворяться. Одержатель или может начать неистовствовать, или может отступить, унося с собою и признак. ... Такое же воздействие иногда замечается при накожных болезнях, которые под влиянием огненной энергии видоизменяются и даже исчезают. Не забудем, что одержание иногда проявляется накожно или судорогами в лице».

На коже одержание проявляется в виде язв, «ожогов», «опаляющего огня», вздувшихся мелких бугорков на лице. Иногда возникает ощущение, что по лицу или по голове кто-то «бегает», или появляется тяжесть в виде «лепешки» на голове, или ее сдавливает «обруч». Изменяется цвет лица, оно покрывается красными пятнами или становится «черным» в области лба, рта или полностью. (Это видно даже на фотографии или на экране телевизора.) В редких случаях одержатель «бегает» по телу, иногда может «сидеть» на шее.

При одержании изменяется внешность (на одержимых «страшно смотреть»), вес и походка, голос (человек может «забасить»). Появляются разнообразные нервные движения, тик, «подмаргивание», «причмокивание», шептание.

Признаком одержания также являются нервные боли, вызванные поражением тонкого тела. Двойной пульс либо частые остановки пульса могут свидетельствовать об опасности одержания.

Мы перечислили некоторые физические, внешние признаки одержимости, добавим теперь внутренние, психические.

О наличии заболевания могут свидетельствовать: развратное поведение, аморальные поступки, бесчеловечная жестокость, немотивированная агрессия, истери-

ки, угрозы покончить с собой, эгоизм, безразличие к людям, неспособность ощущать чужую боль, скупость и жадность, обжорство, крайняя лень или же, наоборот, гиперактивность, внезапные изменения настроения, страх и уныние, лживость натуры и склонность к обману, зависть, болтливость, клевета и постоянное осуждение других, гипертрофированное, ни на чем не основанное самомнение, хвастовство и насмешки, сонливость, провалы в памяти, навязчивые мысли, слабоволие, болезненное пристрастие к наркотикам и алкоголю, к компьютерным играм, к телевизору и интернету, постоянное «зависание» в соцсетях, фанатизм, нетерпимость к чужому мнению, неумение слушать других и выполнять обещания, держать слово, а также другие подобные проявления. Разумеется, речь идет о крайних выражениях этих недостатков, качеств и пристрастий.

Вот как описывает свое состояние сам болеющий одержанием:

«У меня не было даже тени подозрения о своей проблеме. И когда мне намекнули об одержании, я попросила сказать об этом прямо: есть оно или нет. Испытала настоящий шок. После этого сама стала замечать некоторые признаки. Сильно страдала я от навязчивых мыслей, мозг буравило иногда по несколько дней подряд. Иногда бывало такое, что человек мне говорил одно, а я ничего не слышала, или же слышала противоположное. Очень развилась лень, ничего не хотелось делать. Даже обыкновенное действие требовало сверхусилий. Иногда при работе просто отключалось сознание, было трудно сосредоточиться. Хотелось просто читать или смотреть телевизор, целыми днями и ночами. Не сдержать слово, не выполнить обещание стало привычным, не хватало силы воли,

она была парализована одержателем. Появился страх. Исчезла любовь и сострадание к людям. Часто вспоминала, как меня когда-то обидели. Но сама людей обижала, придиралась, были вспышки раздражения. Самомнение зашкаливало, авторитетов для меня не было. Думаю, что жива до сих пор и не совсем меня поглотило одержание только потому, что много работала во благо. Надеюсь когда-нибудь совсем освободиться от своей беды».

Не только самому одержимому тяжело работать, но и в его присутствии нелегко сосредоточиться на труде. Словно туман или пелена застилает глаза и мозг, уходят силы, трудно сконцентрироваться. У чувствительных людей могут вздуться железы, измениться голос (на бас), появиться раздражение в горле.

Вот некоторые примеры из жизни.

«Была в гостях, среди многих приглашенных. Сразу ощутила дискомфорт. Одна гостья говорила без умолку, вставить слово было невозможно. Если кому-то удавалось задать мне вопрос, я не могла четко ответить, забывала имена людей, которых давно знаю. А если и вспоминала с усилием, то не могла говорить, половина слов "съедалалсь". Очень устала. Сильно горели щеки, шел опаляющий жар изнутри. Потом долго пришлось восстанавливать силы. После продолжительной молитвы стало легче, и осенила мысль — это было сильное отравление после продолжительного нахождения в среде больных одержанием людей».

«Находиться рядом с одержимым человеком трудно. Даже физически чувствуешь боль. Это удар черной энергии по ауре. Одержимый делает и себе хуже. Он вызывает негативную реакцию в окружающих, его не хотят видеть, с ним не хотят общаться. Хотя внешне

все вроде бы нормально, а на деле — протест организма, чистый организм сопротивляется воздействиям отравленных излучений одержимого. Чтобы не заразиться, человеку здоровому нужно держать равновесие, не раздражаться, что довольно трудно сделать. Ведь одержание сильно заразно. Если распознаешь одержателя, он начинает бесноваться, и тогда нужно жестко и холодно вести себя, если нет возможности уйти. Есть формула “не тронь, вокруг меня огонь”, молитвы, но лучше прекратить контакт.

Поскольку сейчас нарастает эпидемия одержания, очень много больных, нужно учиться распознавать их, уметь защищаться и накапливать психическую энергию — это самое эффективное лекарство и защита от заразы одержания».

«Случай массового одержания я наблюдала в среде баптистов, к которым примкнула моя мама. У них считается божественным даром, если ты можешь пророчествовать или “говорить языками”, т.е. молиться на каком-то языке, который ты не знаешь. Молятся баптисты вслух, каждый своими словами о своем. Однажды мне пришлось сопровождать маму в их церковь, и когда началась общая молитва, это зрелище меня потрясло. Несколько сотен человек вслух на все лады говорили, всхлипывали, подвывали и т.п. Мама моя имела “дар” говорить языками. Очень часто, во время обычной молитвы вслух, она вдруг начинала говорить изменившимся голосом непонятные никому слова, всегда одни и те же. Я не смогла идентифицировать эти слова ни с одним иностранным языком. Понимая, что это одержание, в такие моменты я мысленно посылала приказ: “Не тронь мою маму!” И молитва переходила на нормальный язык».

Надо сказать, что животные тоже могут распознавать одержание.

«“Урумия” называется огненное понимание одержания. Не только люди могут обладать этим чувствознанием, но и некоторые животные, близкие людям, чуют это ужасное состояние. Лошади и собаки особенно понимают и негодуют на приближение одержимых. В Древнем Китае была особая порода собак, высоко ценимая, которая особенно чутко узнавала так называемых одержимых. Также в древности было принято показывать гостям коней и собак. При этом замечали отношение животных. Многие послы прошли через такое испытание. Нужно заметить, что кошки тоже чуют одержимого, но обычно совершенно обратно. Одержимость приводит их в радость. Так, например, когда кошка чует одержимого или сильное явление его, она не прячется, но ходит, радуясь и мяукая. Тогда как собака ощетинится и пытается или прятаться, или броситься на такого человека. Нужно развивать в себе урумию не только для охраны, но и на предмет изгнания одержателя. Часто одна беседа о значении Агни уже действует на одержателя. Он страшится Огня, и потому упоминание об огненной энергии уже заставляет его злобствовать и затем отступать».

Бывают разные виды одержимости. Иногда человеком завладевают сущности не из низших, а из средних слоев Тонкого Мира, которые считают, что действуют во благо. Но это тоже болезнь, хотя и в более легкой форме. Возникает неуравновешенность, двоемыслие, слабоволие, неумение владеть собой.

Теперь поговорим о том, как защититься от одержания.

Первый рубеж, первая линия обороны — это заградительная сеть человеческой ауры.

«Главная мощь ауры — в ее насыщенности психической энергией высокого качества. Аура являет электромагнитное поле энергий, действующих в нашей сущности. Магнит ауры может быть мощен, и нет предела этой мощи Великого Духа. Но поле ауры должно быть окружено заградительной сетью, сотканной из отложений тончайших энергий и огня Пространства для охраны от посторонних вторжений и воздействий. Но духи, лишенные духовности, не имеют такой охраны, потому они так часто оявляются на одержании и на воздействии любого человека, обладающего сильнейшей аурой черного огня. ... Аура есть синтез всех энергий нашего существа, именно, выявляемых нашим сердцем, солнечным сплетением и всеми центрами.

Теперь некоторое описание высокой, напряженной ауры. Аура не только вибрирует, но светит всеми цветами радуги, уявляя иногда лучи из оплечий, когда дух устремлен к высшим мыслям и эмоциям. При возрастающей духовности появляются и разные диадемы. Сначала один сверкающий круг над головой или два и даже три или один сплошной диск. При Огненной Йоге круг имеет огни, которые производят впечатление драгоценных камней. Заградительная сеть явлена маленькими огненными язычками. Три круга образуют как бы тиару, но, конечно, при очень высокой степени Огненной Йоги. Много красоты в Мирах Надземных. Аура людей среднего уровня сознания и невысокой нравственности имеет форму аурического яйца, и свет ее довольно тускл, и часто она бывает пятнистой с неприятными цепкими образованиями в ней».

«Заградительная сеть образуется из тончайших энергий. Все центры принимают участие в формировании этого мощного щита. Для полного круга необходимо, чтобы все духовные центры нагнетали свои энергии. Из центров духа нужно особенно нагнетать сердце, ибо оно в своей мощи может трансмутировать мышление. Правильное мышление даст устойчивость, которая является первым условием. Устойчивость изгонит двойственность, страх и сомнение. Заградительная сеть может охранить человека, сделав его неуязвимым. Но щит его может лишь тогда утвердиться, когда все тонкие энергии сгармонизированы. Опыт Агни-Йоги дает, именно, этот щит, но необходимо самое бережное отношение к центрам. Заградительная сеть должна постоянно насыщаться энергиями изнутри, как огненная, вечно восходящая спираль. Духовные центры должны питать эту мощь. Заградительная сеть переходит с духом в Мир Тонкий. Сотканная из тончайших энергий, она может ассимилироваться с Миром Огненным; в ней можно отразить лишь высшие устремления. Люди, живущие низшими центрами, не имеют явления заградительной сети. Одержимые не имеют этого щита. Потому на пути огненном нужно заботиться о сплетании тончайших энергий».

Нужно изгнать из жизни все, что разрушает заградительную сеть, в первую очередь кощунство, раздражение, страх, малодушие, трусость. Напротив, мужество, самоотверженность, молитва и чистая, возвышенная мысль укрепляют ее.

Удары по ауре болезненны для глаз и ушей, но может быть ощущение резаной или колотой раны, особенно они болезненны на плечах, на шее и внизу живота. Защитит нас от невидимой атаки сила духа,

чистая мысль, молитва. Когда человек почувствует нападение злобных сущностей, он может усилить заградительную сеть, представив ее щитом, однако «огненное сердце не ограничится щитом, но пошлет спираль Агни, которая притупляет самые злые стрелы. Конечно, нужно мужество и находчивость для такого действия».

Как уже было сказано, лучшей защитой от одержания является психическая энергия — огонь сердца. Она способна излечить любую степень одержимости. Психическая энергия — благодать, очиститель и охранитель от всех негативных воздействий, от всех недугов, физических и психических.

«Болезни подразделяются на священные, кармические и допущенные. ... Кто или что допускает эти болезни? Конечно, невежество и ужас неосознания. Мало не думать о них, дети тоже не думают, но заражаются. Нужно в сознании защититься и создать непроницаемую броню нервных излучений. Даже великие эпидемии не могут развиваться, если народ владеет сознанием. Опыт с веществом психической энергии показал бы, какую мощную антисептику люди носят при себе. При этом нужны два условия. Первое — осознание психической энергии; второе — осознание Иерархии как единственного пути нагнетения психической энергии. Не следует смотреть на Иерархию как на нечто отвлеченное. Нужно усвоить прочно, что она есть сильнейший жизнедатель. У Нас называют ее первым целебным средством. Но даже любую пилюлю нужно проглотить и любую мазь приложить. Не будет действия от лекарства в сундуке, также и благодать Иерархии должна быть устремлением взята. Только бесповоротное устремление даст целебное следствие».

Кроме заградительной сети ауры и психической энергии, щитом от одержания является духовное совершенствование, искоренение недостатков характера, этическое поведение, соблюдение моральных норм.

«Сейчас множество людей страдают одержанием, но, чтобы помочь и в этом бедствии, надо опять-таки всеми силами укрепить психическую энергию и престол ее, сердце. И единственная профилактика для всего есть Живая Этика. Одичание и озверение при здоровых телах было бы чудовищно, потому, пока люди не поймут духовного совершенствования, немощи их и не могут быть отняты».

Приведем еще несколько советов для профилактики одержания.

Поскольку тонкие сущности очень чувствительны к запаху, для защиты от них можно применять очистительные ароматы — эфирные масла мяты, эвкалипта, розы. В ароматическую лампу (или просто сосуд с горячей водой) накапать несколько капель масла, поставить на ночь в спальне (днем тоже хорошо). Также можно использовать эти масла в качестве духов.

Утром, после заката и перед сном помолиться, чтобы оградить себя от нападений злобных сил.

Ни в коем случае не допускать раздражения, хранить равновесие. Что бы ни произошло, не проявлять агрессии, вражды, не лелеять мысль о мести.

Если почувствуете атаку одержателей, мысленно произнесите: «Не тронь! Вокруг меня огонь!». В серьезных случаях, когда очень тяжело, обратитесь к Господу: «Силу духа через сердце отдаю тебе, Владыка!».

При распознавании одержатель обычно уходит. Но если не удается его сбросить немедленно, мысленно

обратитесь к Богу: «Господи, если на то Воля Твоя, разреши мне снять с себя отрицательные энергии и положить на сердце для трансмутации». Затем семь раз произнесите: «Снимаю с себя отрицательные энергии и кладу на сердце для трансмутации», в завершение поблагодарите Господа за помощь.

Глава 5. РАБОТА МЫСЛИ

Одной из модификаций психической энергии является энергия мысли. Она рождается при прохождении психической энергии по нервным центрам человека.

Для нее не существует пространства и времени, скорость ее распространения многократно превышает скорость света.

Мысль может быть и целебной, и вредоносной, и даже способна как исцелить, так и убить на расстоянии или вызвать болезнь, поэтому человек должен осознать ответственность за свои мысли.

«Когда Мы настаиваем на полезности нравственной жизни, Мы, прежде всего, оберегаем основные законы Вселенной. Мы говорим — имейте чистые мысли, и тем самым Мы заботимся о гармонии.

Подумайте, какое огромное значение имеет чистая мысль. Вы знаете, что такая мысль очищает ауру и дает свет лучезарный. Но не забудем, что чистота мысли есть лучшая защита от темных сущностей. Они присасываются к каждой темной мысли. Уже вижу, как некие ученые возмутятся, ибо в их словаре не имеются темные сущности. Тогда скажем по их сознанию — каждая мысль есть своего рода магнит, она привлекает к себе подобное.

Пространство насыщено мыслями, каждая привлекает к себе сходные по качеству. Такие клубни существуют и растут в пространстве среди космических вращений.

Человек не имеет права порождать хаос и производить ущерб проявленному. Подумайте, что каждая

чистая мысль есть зарождение добра и каждая темная есть колыбель зла.

Могут спросить — как человек распознает, когда он мыслит добро или зло? Слова человеческие могут быть лукавы, но среди мышления люди не обманываются. Они отлично понимают разницу между подвигом и преступлением. Облик деяния еще не есть его сущность, но эту сущность деятель отлично ощущает в сердце. Так пусть человек не становится рассадником разрушительных сил. Каждый пусть помыслит, что он может творить добро. Пусть каждый мыслит научно, тогда он поймет законы нравственности.

Мыслитель предупреждал: "Пока не приобретете знания, до тех пор будете в безнравственности"».

Особенно сильна мысль, исходящая из сердца, она служит защитой для всей планеты и всего человечества:

«Слово, идущее из сердца, насыщает пространство, потому мысли, идущие стремительным потоком, образуют сферу, которая является защитою против ядовитых газов планеты. Мысли являются заградительною сетью для человечества. Ведь только эти светлые излучения дают силы бороться против тьмы. Потому так важно прослаивать пространство словами сердца, свет заключается в них; так человечество возносится на крыльях мыслей. Так строится эволюция».

Мысли людей затрагивают Тонкий Мир, и даже могут очистить атмосферу адских слоев, где обитают злобные сущности:

«Если мысль заключает в себе творческую энергию, то как полезно устремить в пространство добрую мысль. Когда человечество сговорится послать добрую мысль одновременно, то и зараженная атмосфера низших сфер сразу прояснится. Так нужно заботиться хотя бы несколько раз посылать каждый день мысль не о себе, но о мире».

Чистое мышление — лучшая дезинфекция и профилактика всех болезней, в том числе и одержания. Чистая сильная мысль может защитить человека от нападения духов злобы. Добрый, любящий взгляд, сопровожденный чистой мыслью, может защитить и других — изменить состав их ауры и укрепить заградительную сеть.

Напротив, низкое, «грязное» мышление широко распахивает двери для мерзких сущностей, желающих внушить людям самые позорные мысли, и тем самым завладеть человеком.

При внимательности иногда можно ощутить, как касается тебя чужая мысль. Она как бы «ударяет» по ауре, ощущается легкий «толчок», «прикосновение». Обычно она «перерезает» мышление, переключает на что-то другое, изменяет ход мышления. Способность воспринимать мысли, мысленная передача на расстояние на самом деле является благом, и в будущем станет обычным явлением. Но, как и во всем, нужно следить за качеством мыслей, приходящих извне, учиться отличать их от собственных. Как утверждали святые отцы, если человеку в голову приходит греховная мысль, а он с ней не согласен, значит, он в ней неповинен.

Особо следует остановиться на так называемых навязчивых мыслях, наличие которых указывает на одержание. Их называют нашептыванием, и занимаются им злобные сущности.

Навязчивые мысли бывают самые разные — это может быть кощунство по отношению к Высшим Силам, недоверие к врачу, который хочет тебя исцелить, к человеку, желающему тебе добра, подозрение, страх, опасение за свое здоровье. Часто это просто какое-то абсурдное утверждение. Спорить с этими мыслями бесполезно, они не поддаются логическому опровержению.

Следует избавиться от них как можно скорее, изменить направление мыслей, помолиться, переключить внимание на что-то светлое, стараться не вспоминать о них.

«Когда будете наблюдать привязчивые мысли, можно усмотреть, что обычно они самого обиходного свойства. Можно назвать их продуктом земли; но, несмотря на их малое значение, они пытаются состязаться с самыми великими идеями. Нужно очень очищать мозг от этих непрошенных гостей».

Желающий обезопасить себя от возможности одержания должен выработать дисциплину мышления. Беспорядочные мысли отравляют нервную систему и ауру и открывают вход духам злобы.

Уже было сказано, что чистая мысль может защитить от воздействия сущностей тонкого плана. Когда почувствуешь, что на тебя совершается мысленная атака, можно защититься, мысленно повторяя «Не тронь!». В тяжелой, негармоничной атмосфере, среди толпы, молись, читай хорошие стихи, думай о чем-то добром и прекрасном — и так отбросишь от себя негативные воздействия. Возвышенные мысли положительно влияют на нервное вещество и очищают кровь.

Добрый человек не будет думать о других плохо, даже когда его обижают или причиняют ему боль. Но есть и злые люди, которые обладают сильными мыслями. Они используют их, чтобы поранить более слабых. Щит против таких нападений — состояние равновесия, благожелательство, хорошее расположение духа. Аура гармоничного человека крепка, и посланная в него отравленная стрела отразится, не причинив ему вреда, и вернется на пославшего, причем обратный удар будет кратно сильнее.

Глава 6. НИЗШИЕ СЛОИ ТОНКОГО МИРА

Мы уже упоминали, что между мирами нет непроходимой границы. Мысли, чувства и качества человека, которые по своей природе являются энергиями, не только принадлежат Тонкому Миру, но и являются самыми настоящими мостами между земным и тонким миром. Высокая мысль, молитва, любовь, самоотверженность, сострадание, милосердие, мужество соединяют человека с высшими сферами. Напротив, мысли низкие, ненависть, эгоизм, страх, корыстолюбие, самомнение, лживость соединяют его с низшими слоями, в которых кишат злобные сущности, — такие мысли и качества являются каналами одержания.

К глубокому сожалению, Тонкий Мир для большинства людей понятие отвлеченное, что является большим препятствием как в познании надземных миров, так и в защите от одержимости развоплощенными обитателями низших сфер и от вампиров, высасывающих жизненные силы человека.

После перехода в мир иной, неизжитые страсти и негативные качества характера мешают человеку подняться из низших слоев Тонкого Мира в средние. Особенно опасна злоба, которая буквально выжигает все добрые накопления. Если человек переходит в Тонкий Мир, полный злости, он слепнет, и ему придется очень долго находиться в низших слоях, полных опасностей.

«Ярые злобные души и души, жившие лишь чувственными наслаждениями, очень страдают из-за невозможности утолить свою злобу и страсти. Они буквально горят в пламени этих страстей. Именно они являются большею частью одержателями и ночными шептунами. Они не могут подняться в более высокие сферы, ибо одно приближение к ним такого обитателя причиняет им страдания и ткани их начинают разлагаться от прикосновения более чистых флюидов. И мучительность таких ожогов тонкого тела превышает телесные страдания. Ужасы низших слоев Тонкого Мира не поддаются описанию, но лучше не останавливаться на них, чтобы не усилять их и не отяжелять себя подобными мыслеобразами».

Также незавидна в Тонком Мире участь клеветников. Их лживые мысли превращаются в злобных тварей, которые повисают на них, как летучие мыши.

Описание жизни Тонкого Мира можно найти в трудах Елены Ивановны Рерих:

«Во всех учениях указывается, что наша наиболее четкая и продуманная мысль и наиболее острое чувство дадут направление всему нашему пребыванию и состоянию в сферах мира надземного. Так же точно как самая последняя мысль имеет решающее значение на силу посылки духа в сферы тонкие. ... Приводится пример одного казненного преступника, как этот убийца будет, как в кошмаре, снова и снова переживать в Тонком Мире свое преступление и весь ужас казни, пока энергия не истощится. Наше состояние в Тонком Мире складывается из наших субъективных настроений, мыслей и побуждений, причем все чувства обостряются. Люди сонные и бездеятельные будут влачить там еще более тягостное состояние, лишенные

привычных им физических внешних стимулов. Потому так важно воспитывать в себе способность мышления и направлять мысли в сторону созидательного труда, ибо мысль творческая в Тонком Мире имеет безграничное применение. Но никому не советовала бы останавливаться на ужасах низших астральных планов.

Воистину, не хватает человеческого воображения, чтобы описать все многообразие Сущего, как в одну сторону, так и в другую. Несомненно, что низшие сущности надземного мира питаются эманациями гниения и особенно притягиваются магнетизмом разлагающейся крови. Оттого так много всяких лярв около кладбищ, боен, на полях сражения, в питейных домах и т.д. Они буквально присасываются к пьяницам и обжорам, питающимся мясной пищей, уже тут на земном плане многие люди носят на себе таких вампиров.

Если в низших слоях Тонкого Мира низкие человеческие сущности страдают от лярв, то не меньше страдают они и при касании к высшим обитателям Тонкого Мира. Одно приближение высшего духа причиняет им мучительные ожоги, и астральная ткань их тела начинает разлагаться.

В Природе все взаимно питает друг друга, и, конечно, если отбросы разложения питают лярв низших сфер, то по аналогии эманации высших духов питают сферы высшие и средние. ...

Каждое Учение Света, прежде всего, должно устремлять к мудрости, к радости труда совершенствования, к высшей красоте и лишь указать на страдания в Тонком Мире, неизбежные для тех, кто оскорбил закон равновесия или гармонии».

Человек должен научиться защищаться от злобных обитателей астрального мира, но для этого нужно прежде всего осознать их существование:

«...Низшие слои Астрала тяжелее, нежели самое низкое земное состояние. Слои Тонкого Мира воздействуют на все земное пространство, но земные жители должны уметь противостоять таким отравленным влияниям.

Что же должны люди предпринять, чтобы оградиться от незримых разлагателей? Прежде всего, они должны накрепко осознать существование таких соседей. Не думайте, что такое условие излишне. Люди не представляют себе постоянную близость таких незримых недоброжелателей, ибо в низших слоях редко бывают добрые чувства. Там очень развита зависть ко всему живому.

Невозможно убедить темных, неудовлетворенных духов, что им не на землю нужно заглядывать, но думать, как выйти из темницы. Но для них каждое земное испарение уже является приятным и притягательным.

Люди могут бороться с низшими жителями, только когда они сами окончательно укрепились в понимании своего будущего пути. Тогда они тем легче перенесутся в высшие слои и не почувствуют стрел низших жителей. Но беда в том, что люди не мыслят этим путем и тем остаются не защищенными.

Немногие, понимающие такое положение, несут тяжкий труд. Само Братство не мало страдает от легкомыслия земных жителей, которые, вместо обороны, привлекают к себе вредных сущностей.

Мыслитель учил не допускать к себе демонов».

В современном мире постоянно происходят войны, вооруженные конфликты, автокатастрофы, в которых

погибают множества людей. Они преждевременно уходят в Тонкий Мир, не изжив свою земную карму, и часто попадают в низшие слои. Это увеличивает риск одержания для земных обитателей.

«...Духи, ввергнутые в Тонкий Мир до истечения нормального срока своей жизни и еще полные не истощившегося запаса силы магнитного притяжения, привязывающей их к Земле, часто, не будучи в состоянии воспринять токов высшего напряжения в силу низкого развития сознания, жаждут прикоснуться через все доступные им провода к этой жизненной земной мощи». Злоба и желание отомстить притягивают эти жертвы к их палачам, и путем одержания понуждают их «совершать еще большие преступления и даже кончать самоубийством, чтобы впитать и насладиться эманациями крови, которые давали им, хотя и на короткий срок, иллюзию жизни».

Поэтому, совершая убийство, человек наживает себе сильного врага в Тонком Мире, и может сам стать его жертвой, получив одержание.

*

Несмотря на все ужасы низших слоев, мы не должны бояться надземных миров. Наоборот, мы должны мужественно устремляться к прекрасным высшим сферам. Ведь Тонкий Мир — наш настоящий дом, именно там наша жизнь настоящая! «Самое прекрасное пребывание в Тонком Мире имеют души великих тружеников мысли и творчества, полагавшие свой труд во благо человечества. Они найдут там безграничные возможности применения всех своих способностей и устремлений».

Глава 7. МЕДИУМИЗМ И МАГИЯ — КАНАЛЫ ОДЕРЖАНИЯ

В связи со сближением тонкого и плотного миров участились и проявления Тонкого Мира в земной жизни. Они наблюдались и ранее, но в меньшей степени.

В древних источниках можно найти упоминания об общении людей с небом — с высшим миром. Так в Древней Греции в городе Дельфы был храм, жрицы которого — пифии получали послания от богов. К Дельфийскому оракулу обращались многие известные исторические деятели. В христианской литературе также имеются многочисленные примеры такого общения — и в Библии, и в житиях святых.

Из древности также известно и вызывание злых духов, производимое колдунами, контакты с обитателями низших слоев.

Подобное притягивает подобное: высоконравственный человек, посвятивший себя служению Богу и ближнему, может, образно говоря, общаться с Ангелами. Напротив, эгоистичные, с большим самомнением люди становятся собеседниками злых духов.

В девятнадцатом веке, в США, возникло такое явление, как спиритизм — вызывание духов через так называемого медиума (это слово в переводе означает «посредник»), человека, который легко впадает в транс — бессознательное состояние, и через него проявляются развоплощенные обитатели Тонкого Мира.

Многие люди являются прирожденными медиумами, они от природы имеют медиумистическое строение организма, облегчающее общение с потусторонним миром.[1] Но если эти способности не пробуждать, не развивать, они так и останутся в спящем состоянии и не причинят человеку никакого вреда.

Дело в том, что медиум может «общаться» только с низшими слоями Тонкого Мира (и лишь в исключительных случаях — со средними), а это чрезвычайно опасно и для него, и для всех присутствующих на сеансах. Медиум очень легко может стать добычей одержателей, ведь он сам открывает им вход. В низших сферах очень много обманщиков, так называемых персонификаторов, выдающих себя за великих людей и высших существ. Как сказано в Живой Этике, медиум есть лишь постоялый двор для развоплощенных лжецов. Заболеть одержанием могут и другие участники спиритических сеансов, ведь одержание заразно.

В наше время появилось множество «учителей», заявляющих, что они получают «послания» из высших сфер, что в них вселяются и говорят через них великие личности прошлого. Такие «приемники» — в большинстве случаев обычные медиумы — завлекают в свои сети доверчивых людей и являются каналами одержания.

Но астральные диктанты, которые издаются целыми томами и массово отравляют сознание людей, при желании можно легко распознать. Ведь послания, идущие из Высшего Источника, всегда краткие и очень

---

[1] У прирожденных медиумов особое строение нервной системы, но обнаружить это практически невозможно. Внешний признак медиумизма — разноцветные глаза, хотя он наблюдается не всегда.

редкие. Живая Этика говорит, что подвижники годами ждут Высшего Слова.

«Именно, несчастье современных псевдооккультистов в том, что они игнорируют все высшие свойства человеческой души, ее нравственную чистоту — главное и непременное условие для всех истинных духовных достижений. Они бросаются на легко доступные физические упражнения, которые или приводят в полное расстройство их здоровье, или же при неудаче делают из них разочарованных и озлобленных неверов. Но еще хуже, когда физическими упражнениями начинают заниматься природные медиумы, ибо они сравнительно скоро достигают возможности сообщаться с потусторонним миром и, будучи часто далеко не безупречной нравственности и к тому же часто невежественными и неопытными в распознавании таких общений, попадают под власть обитателей ближайших к Земле сфер, что часто кончается преступным одержанием. К сожалению, современные врачи не верят в этот бич нашего жестокого и разнузданного века, и потому столько несчастных жертв не может быть излечено. Тогда как внушение и приказ, идущие от чистого сердца, могли бы изгнать засевшую преступную сущность».

В будущем у людей начнут просыпаться духовные центры, в связи с приходом новых космических энергий. И эти люди смогут иметь общение с высшими слоями Тонкого Мира, без вреда для себя и окружающих. Другого безопасного способа не существует.

Сегодня же многие, пытающиеся под руководством различных шарлатанов развить в себе сверхспособности, вместо этого развивают лишь медиумизм, пробуждают свои спящие медиумистические задатки и подвергают

себя риску одержания. Медиум может избежать опасности, только если он будет работать над собой, над самосовершенствованием, вести нравственный образ жизни, устремляться к общему благу. Тогда он сможет стать медиатором — человеком, которому будет доступно безопасное сотрудничество с Тонким Миром.[1]

Также следует знать, что медиумизм живет рядом с магией, и одержимость часто есть следствие магических вызываний.

Термин «сверхчувственное восприятие» — extrasensory perception (англ.) — появился еще в первой половине двадцатого века. Позднее экстрасенсами начали называть людей, обладающих так называемыми паранормальными способностями. Видеть будущее или прошлое, лечить людей своей энергией, читать мысли (телепатия), передвигать предметы бесконтактным способом (телекинез), вызывать дождь, видеть с закрытыми глазами — на все это способны экстрасенсы. Многие помнят Джуну, Чумака и других, их «чудеса исцеления». Но ведь экстрасенсорика — это та же самая магия в современной упаковке, и очень опасна. Она тоже является каналом одержания и грозит утратой здоровья. Причем опасности подвергается как сам экстрасенс, так и его пациенты.

Приведем два примера из жизни людей, которых мы знали лично.

Врач К., хороший специалист. Увлекся экстрасенсорикой, начал лечить людей нетрадиционным способом, работал со спортсменами, помогал им улучшать результаты. Закончилось это трагично — врач заболел рассеянным склерозом и долгие годы страдал, не мог ходить.

---

[1] Подробнее см.: «Психическая энергия – огненная мощь бытия», том 2, стр.678–720.

Художник Р. Поехал лечить больную ногу в Индию, к известному экстрасенсу Саи-бабе. Вернулся восторженный и окрыленный, взахлеб рассказывал об увиденных «чудесах», о материализации предметов, которая происходила у него на глазах. Но после краткого улучшения с ногой начались еще большие проблемы, была угроза ампутации. Пришлось кость заменить металлическим протезом. А чуть позже с ним случился инсульт, от последствий которого он не оправился до сих пор.

Все так называемые «чудеса» Саи-бабы («лечение», материализация безделушек и так называемого «пепла»), как и других экстрасенсов, являются следствиями магических вызываний и манипуляций. Магия прокладывает канал для злых духов, для одержателей, которые негативно влияют не только на людей, но и на природу, «прорываясь» на землю. Засуха, землетрясение, шторм — такими могут быть следствия магических ритуалов.

«Не магия, но боговдохновенность была заповедана в древних Заветах. Когда Высшее Общение начало прерываться, сами люди уже от земного мира сложили магию как способ насильственного общения. Но, как все насильственное, магия докатывается до самых темных проявлений. Сама граница между черной и белой магией делается неуловимой в своей сложности. Потому на пути к будущему следует отставить всякую магию. Не нужно забывать, что старые методы магии были связаны с иными формами жизни. Ведь магия основана на точном выполнении технических условий, но если все формулы жизни изменились, то и магические следствия должны соответственно видоизмениться. Так оно и есть, почему современная магия и погрязла в

некромантии и в прочих низших проявлениях. Все изучающие механику формул не отдают себе отчета, что это было записано для совершенно другого применения. Кроме того, совершенно забывают, что все высшие условия и формулы вообще не записывались и если отмечались, то в таких символах, что теперь их смысл затемнен. Таким образом, современные изучения магии сводятся или к бессмысленной схоластике, или, катясь вниз, впадают в черную мессу. Потому произносим очень нужное слово, говоря об отмене магии. Пусть она остается у темных некромантов. Слишком много одержания на земле. Единый путь к Высшему Общению — через сердце. Никакое насилие не должно запятнать этот огненный путь. Неужели люди думают, что вызывание низших сущностей может быть безнаказанно! И какое такое улучшение жизни произошло от такого вызывания? Никто не скажет, где польза от некромантии, и где сердце, которое возвысилось от некромантии? Нужно обратиться к краткому и высшему пути, который даст здоровье духа и от него придет к здоровью тела. Отмена магии будет камнем белым на пути мира».

Глава 8. ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ ОДЕРЖАНИЯ

Конечно же, одержание, как и любое другое заболевание, легче предупредить, чем от него лечиться, и в борьбе с ним первое место занимает профилактика. Но если беда все же случилась, не нужно отчаиваться и опускать руки!

Найти ключи к исцелению от одержания в первую очередь мешает отрицание этой болезни, ведь осознание — первый шаг к победе. Сегодня практически только церковь борется с одержанием, но масштабы бедствия настолько велики, что требуют объединения усилий всего общества.

«...Опасность психических эпидемий возрастает. Явление это не особо неожиданно, ибо во всех Пуранах сказано, что в конце Кали-юги люди будут безумствовать. Но очень опасно, что люди не признают такое состояние. Можно лечить больного, когда он не противится. Но даже самое сильное лекарство будет действовать извращенно, если больной не допускает его естественного воздействия.

Но как вы можете разъяснить народу, что глава его безумен? Как можете дать понять, что учителя безумны? Как можете уговорить народ, что нужно немедленно принять меры к оздоровлению? Притом меры медицинского ведомства окажутся противоположными вашим настояниям. Особенно это скажется в области

психической. Люди до сих пор не признают одержания. Можно печатать груды книг об этом предмете, но трусливое сознание будет все-таки отрицать действительность. Можно показать много материализаций, но желающие отрицать найдут себе оправдание.

Конечно, такое смущение умов тоже отвечает концу Кали-юги, но сказано, что если безумие перейдет границы, то огненное очищение будет единственным исходом. ...

Мыслитель предупреждал: "Не впадите в безумие"».

В будущем эпидемии одержания будут пресекаться врачами. Но, к сожалению, узкое материалистическое мировоззрение и боязнь показаться смешным в глазах коллег до сих пор мешает медицинскому сообществу признать психическую энергию и Тонкий Мир. Именно поэтому вокруг столько страданий, столько больных людей! Ведь не только одержание, но все болезни зарождаются на тонком плане, и лучшее лекарство от них — психическая энергия. Признанная, она творит настоящие чудеса исцеления!

Так что же такое психическая энергия? Психическая энергия лежит в основании Вселенной, это единая энергетическая основа жизни. Все остальные силы и энергии являются ее модификациями. Церковь называет ее Благодатью. Электрические токи, которые проходят по нервным каналам человеческого организма, в действительности являются токами психической энергии. Она проявляется как воля и жизненная сила, иммунитет целиком и полностью зависит от ее состояния. Небрежное отношение к ней является причиной различных заболеваний — не только физических и психических, но и духовных. Поэтому человечество должно спешно осознать психическую энергию и научиться применять ее.

Итак, рассмотрим, каким способом можно накопить достаточный запас психической энергии, чтобы победить одержание.

Необходимо избегать мест массового скопления агрессивно настроенных людей, рок-концертов и митингов, различных сомнительных мероприятий. Большую роль играет и экология местности проживания. По возможности лучше переехать в деревню, на дачу, в горы, леса, — туда, где цветущие луга, где нет выхлопных газов и заводских выбросов, — одним словом, туда, где чистая прана. Нельзя поддаваться горю, отчаянию, унынию и тоске — их эманации уничтожают прану. Напротив, гармоничное состояние, душевное равновесие, радость способствуют ее накоплению.

Рекомендуется исключить из круга общения людей безнравственных, употребляющих алкоголь, наркотики, или же свести контакты с ними до минимума. Разумеется, человек сам должен избавиться от пагубных привычек, в том числе от курения, попросту убивающего психическую энергию.

Такие эмоции и качества, как отчаяние, страх, неискренность, раздражение, корыстолюбие, предательство, лень мешают притоку психической энергии. Поэтому нужно менять свои привычки, исправлять характер, искоренять недостатки. Пусть вера и надежда заменят отчаяние, бесстрашие — страх, непоколебимое спокойствие — раздражение, верность — предательство.

«Выработка в себе постоянного несломимого устремления к Свету во всех его проявлениях и будет именно нарастанием и развитием этой энергии. Устремление к усовершенствованию качества всегда и во всем есть наикратчайший путь для развития и утончения психической энергии».

Каждое светлое чувство порождает энергию, взаимное чувство удесятеряет ее, а коллективное создает мощь энергии. Но эти чувства должны быть напряженными и согласованными. Взаимная любовь, самоотверженный героизм — все то, что идет из сердца, от света, является другом психической энергии.

Любовь даже может изгнать засевшую в человеке сущность:

«Можно вспомнить старинную сказку, когда в одном человеке совместились и ангел, и демон. Оба шептали свои наставления. Но искра огненная была зажжена любовью, только тогда демон оставил человека».

Итак, психическая энергия накапливается ее осознанием, самоотверженностью и подвигом, устремлением в будущее, любовью к красоте, восхищением природой, ритмическим желанным трудом. Известно, что усиленный систематический труд помогает излечиться от одержания, поскольку для одержателей каждый труд ненавистен.

Но для естественного нарастания психической энергии человек должен соблюдать «золотую середину».

«Велико заблуждение, что можно развить и увеличить в себе запас психической энергии путем чрезмерного напряжения в работе или отказом от сна и еды. Правильное развитие высокого качества психической энергии возможно лишь при расширенном сознании и при содействии Высшей Помощи. Но как крепка должна быть нить сердца, связующая ученика с его Учителем! Всякие другие насильственные методы и упражнения ведут лишь к овладению низшими проявлениями этой энергии или кончают развитием медиумизма и одержания и даже смертью. Потому во всех Учениях всегда указывалось золотое равновесие,

именно бережность к здоровью. Сон совершенно необходим, ибо наше тонкое тело во время сна насыщается живительной субстанцией Тонкого Мира, соприкасающейся с Высшими энергиями. Лишенный этого питания, дух замирает. В зараженной атмосфере города нужно спать не менее семи-восьми часов, также и пища должна содержать достаточное количество необходимых витаминов. Всякие крайности губительны. Напряженность, которая указывается в Учении, не есть физическое переутомление, но неусыпность и подвижность сознания, которая, конечно, сказывается и в действиях, ибо при бодрствующем расширенном состоянии сознания (не в смысле бессонницы) выносливость возрастает в геометрической прогрессии».

Следуя этим рекомендациям, человек накопит запас психической энергии, достаточный, чтобы победить болезнь на начальном этапе. Главное в этом деле — желание избавиться от засевших сущностей.

Но если болезнь зашла слишком далеко, надо обратиться за помощью — к священникам, к более опытным людям. Вот примеры такого исцеления:

«Когда-то я была очень обидчивым человеком, но подменяла это нехорошее качество красивыми словами “ранимая натура”. Этот самообман привел меня к беде — одержанию. Состояние тяжелое: обижалась по малейшему пустяку, прямо купалась в обидах. Мне посоветовали поехать в монастырь под Елгавой, где трудился удивительный священник, отец Петр, который совершал вычитки по изгнанию бесов. Путь был далекий, а еще зима. Добралась на место ближе к вечеру и сразу пошла в церковь, где в это время проводил службу о.Петр. По всей видимости, духовная сила о.Петра

действовала на одержателей не только при вычитке. Именно здесь, во время службы, когда о.Петр обходил храм с каждением, и, проходя рядом, махнул в мою сторону кадилом, мне вдруг стало плохо. Я быстро вышла на улицу и, чтобы не упасть, ухватилась за фонарный столб. В глазах потемнело так, что я совсем не видела свет фонаря. Пронзила мысль: умираю! И тут же вопль сердца: “Владыка, помоги!” Медленно стало проясняться в глазах. Через какое-то время я почувствовала себя нормально и вернулась в храм. Думаю, меня спасло мое сердечное обращение к Владыке, и помощь не замедлила. Больше такого ужаса не повторялось, но я прекрасно понимала причину одержания и знала, что если не изменить себя, то одержатель вернется в любой момент. Об этом же говорил и о.Петр людям после вычитки, на которую я пошла через пару дней. Расскажу еще, чему была свидетелем. Во время вычитки, на которой присутствовали несколько человек, вдруг одна хрупкая старушка падает на землю и начинает кричать грубым мужским голосом: “Отец Петр, не трогай меня, все равно я ее убью!” Отец Петр продолжал усиленную молитву, и через какое-то время старушка успокоилась. Конечно, это было жутко наблюдать, а слова о.Петра после вычитки, что если не искоренить причину, то на место одного беса могут прийти семь новых, действовали очень отрезвляюще. Вернувшись домой, я по совету о.Петра изменила свою жизнь. Избавилась от обид, старалась больше думать о других, помогать. И болезнь ушла».

«Это произошло со мной в начале 1990-х годов. К тому времени я уже несколько лет изучал Живую Этику и Тайную Доктрину, был знаком с Библией, Кораном и другими первоисточниками.

Имея определенные задатки к выступлению перед аудиторией, я стал читать лекции по Учению. С одной стороны, добровольно и с очень большим личным желанием, а с другой — как бы по поручению старших товарищей из Правления организации, меривших жизнь, как и я, обычными мерками общественной и культурной жизни. Как я теперь понимаю, учить других я был не готов. Ничем иным, как самомнением, невежественным самовозвеличиванием это назвать нельзя.

Но мне повезло. На моем пути встретился человек, который помог мне.

“Вам нельзя читать лекции. Надо изучать Учение и применять его к себе. Вы так мало еще знаете. Лучше проводите культурные выставки, вечера по науке, культуре. Учение — это сокровенное. Его нельзя выставлять напоказ перед большими скоплениями людей. Среди слушателей могут быть психически больные люди, настоящие вампиры, одержимые, вы не сможете со всеми говорить по сознанию. У всех разные сознания. Может получиться большое кощунство. И вы можете получить обратный удар...”

Последнее было непонятно вообще — о чем это? Эгоизм заливал уши воском. Передо мной — множества. И после лекций — столько вопросов! Столько благодарностей!

Но уже на третьем-четвертом месяце регулярных выступлений стала чувствоваться усталость, апатия. В голове многое путалось. Начал ощущать пробелы в знаниях. Но махнул на это рукой, “хватит и того, что знаю”.

Стал замечать, как во время выступлений иногда путались мысли, забывал, о чем говорил раньше — словно кто-то “срезал” мысль, появлялась пустота и полная растерянность.

После таких выступлений появлялась апатия и безразличие уже и к книгам Учения. “Устал. Ведь так много отдано энергии, столько отдано людям”. С моей душой начал говорить кто-то другой. Но это я понял позже.

Я встретился с человеком, который меня предупреждал об опасности публичных выступлений. На этот раз он сказал мне: “С вами беда. Вы заболели. У вас одержание”. Откровенно, но очень тактично. Я испытал шок, потемнело в глазах, навалилась такая тяжесть, ощутил такое бессилие, что чуть не потерял сознание. (Позже я понял, что в этот момент помощь пришла мне от этого человека, одержатель на время вышел из меня.)

“Ничего страшного. Вы победите. Вы сильный. Но помните — не менее тысячи дней и ночей будет длиться такая битва. Надо так трудиться, чтобы земля горела под ногами. Ни минуты покоя и лень не допускайте. Ни минуты слабости и поблажек себе. Только труд на общее благо. Труд над Учением, ежедневное чтение и разбор параграфов. Старайтесь почаще молиться. Звоните мне, приезжайте на встречи. Мы победим. Вам так открыто могу сказать, потому что знаю, вы не убоитесь и пойдете в бой. Ведь вы же боец. За одного битого семь небитых дают. У вас будет такой колоссальный опыт, вы сможете и другим помочь”.

А потом добавил: “Знайте, это очень трудная борьба. И вы в принципе можете и так жить. Но эволюционное развитие в таком состоянии вам будет недоступно. Выбирайте”.

Помню тяжесть в голове, пелену на глазах.

“Это я обратился с молитвой к Богу, чтобы снять с вас одержателя. Сейчас вам будет легче. Вот и глаза ваши

очищаются, такие же голубые, как раньше. Это потому, что вы осознали свои ошибки и стали бороться. А я вам лишь немного помогаю. Вы какое-то время будете чистым, пока вновь не допустите неправильные мысли, какие-то чувства охватят вас, раздражение, например, обида. Тогда одержатель вновь вернется к вам через брешь в ауре, пробитой во время одержания. Он будет питаться вашей психической энергией, отравлять вас и окружающих, диктовать свою волю. Поэтому следите за каждой мыслью, работайте над Учением, применяйте его в жизни. В нем вы найдете ответы на все вопросы. Всегда помните о Боге".

"Что еще я должен делать?" — спросил я. — "Работайте. Искренно и честно, помогайте другим. И все будет хорошо". Да, именно напряженная работа в те годы здорово помогала справляться с бедой. Но не все было так просто. Любая неверная мысль, недостойное чувство, хитрость, обман открывали врагу рода человеческого врата для подавления воли и отравления своими низкими энергиями.

Утром и вечерами я садился за книги Учения. Маленькие книжечки брал с собой в общественный транспорт. Читал, размышлял. Но часто энтузиазм работы сбивал одержатель, ненавязчиво или, наоборот, агрессивно, или наваливался сонливостью, я словно слышал чей-то сладкий шепот: "Отдохни, поспи. Потом почитаешь..." Но лечь спать в отравленном состоянии — значит попасть в низкие астральные сферы, бродить душой вместе с ним среди тумана страстей и ужасов астрала. Поэтому я читал, пока ясность не наступала в сознании, и мыслилось четко и легко.

Я столкнулся с ярым сопротивлением одержателя. Он мешал во всем, пока мне не удавалось развить такое

внимание к Учению, так увлечь себя трудом над книгами, что явно ощущалось — “ушел”... Но он был где-то рядом. Просто я не давал повода вернуться ему, вытеснял напряжением труда.

Не всегда приходило осознание, что я не один, и кто-то пытается мной управлять. Появлялись дурацкие шутки, грубость, мог и ругнуться в острой ситуации. Но лишь только я начинал понимать, что происходит что-то неладное, я твердил “не тронь!”. “Уходи, — так и говорил ему, — тебе нет места здесь. Я тружусь на общее благо. Мой путь — Учение и Служение людям. Иди и ты трудись и делай добро. Не тронь меня”.

Но все равно, это была лишь некая временная защита. Освобождение требовало иного труда и психической энергии.

Трудны были не только первые минуты чтения книг Учения, когда одержатель уже прилип к душе. Но первые минуты были самыми важными для дальнейшей победы. Читаешь и вначале и ничего не понятно, не доходит. Туманит взор, клонит в сон. О чем читаю? — пустота. Но я помнил совет: “Читайте, даже если ничего не понимаете. Продолжайте читать и старайтесь вникнуть. Читайте вслух”.

Читал вслух, стараясь и с интонацией, и со смыслом. И происходили разные явления. Сначала как бы ничего особенного. Постепенно вникая в смысл читаемого, я начинал как бы раздваиваться. Кто-то мешал сосредоточить мысли и запускал в сознание всякие ситуации из прошлого, отвлекал. “Давай чаю попьем”, “Погоди, ты не сделал то-то и то-то”... Это все одержатель. Напрягайся далее! — говорил я себе. И тогда перед глазами возникали некие туманные образования. На голове ощущалась тяжелая шапка, по самые уши. Даже голоса

своего иногда не слышал, словно глох, но чтение продолжал. Через 15–30 минут или более, в зависимости от внутреннего напряжения, ощущал шевеление волос, словно по ним кто-то ползал, а потом отрывался от головы, стараясь дергать за волосы. Со временем понял — это одержатель не выдерживает огня Учения, тех мыслей, которые становились мне близкими и понятными, вдохновляли на новую жизнь.

Счастье наполняло, становилось легко и радостно, бросало в жар. Нередко испарина появлялась на лбу.

Использовал ароматические палочки, натирался эвкалиптом и мятой, маслом розы и полыни, пил горячее молоко с содой и валерианом, — в ход шли все имеющиеся подручные средства очищения атмосферы и укрепления психической энергии.

Был и такой период, когда дано было ощутить опаляющий огонь. Когда я был решительно настроен на победу, одержатель начинал бесноваться. Во время работы над Учением я стал ощущать жгучий пламень в груди. Он начинался над солнечным сплетением. И чем решительнее я был настроен, тем крепче пекло в груди. И порой было такое жжение, что оно становилось трудно переносимым. Но на теле не было видно никаких следов. Жгло внутри и снаружи, но помогала сода. Несколько месяцев были такие ощущения, то усиливавшиеся, то затихавшие. Как я понимаю, чем больше я работал, тем больше накапливал психическую энергию, и она помогала вытеснять одержателя и очищать организм.

Одержатели толкают людей на преступления, на подлости и злобные поступки, разжигают страсти, чтобы помешать эволюции человека. А побеждаются они трудом, постом, молитвой.

Я справился с одержанием благодаря Господу и помощи моего старшего друга. Описал все так подробно, чтобы помочь другим побороть этот страшный недуг».

*

Родные и друзья, которые помогают своим близким, должны быть строгими и требовательными. Нельзя жалеть больного вслух и осуждать, надоедать советами и призывать к здравому смыслу, которого у него нет.

Исцелиться может помочь любимый труд, очень интенсивный. При сосредоточенном труде одержателю надоест оставаться без выявления, и он покинет человека. Также желательна изоляция больного, ведь одержателю нужен не столько он сам, сколько воздействие через него на окружающих. Бывали случаи исцеления от одержания, когда больных перевозили в новую местность и полностью меняли окружение.

Также высокодуховный, нравственный человек, обладающий сильной психической энергией, может снять одержателя с больного как в его присутствии, так и на расстоянии. Необходимо мысленно произнести: «Господи, если на то воля Твоя, разреши мне снять отрицательные энергии с больного и положить на сердце для трансмутации». Затем мысленно приказать: «Снимаю с тебя (произнести имя больного) одержание и кладу на свое сердце для трансмутации» (повторить семь раз). В завершение следует поблагодарить Бога за Помощь.

Изгнать одержателя можно и сильным внушением, если найдется врач, разбирающийся в этих вопросах. При изгнании полезно создать способствующие условия — это возвышенная музыка, чудесные ароматы, живой огонь, чистота атмосферы и цвет помещения, гармонирующий со вкусами пациента.

Следует обратить внимание, что лечение одержания сопряжено с опасностью для врача. Если заградительная сеть его ауры непрочна, то одержатель может наброситься на него самого. Поэтому необходимо, чтобы врач обладал силой духа, был нравственным человеком, поскольку даже незначительная слабость и неустойчивость в мыслях может кончиться плачевно. Также необходима предельная осторожность при изгнании одержателя, четкое выполнение всех советов. Врач должен помнить правило при оказании помощи — не навреди! Не имея достаточных знаний, опыта, запаса психической энергии, не следует рисковать, можно причинить вред и себе, и больному.

В Живой Этике можно найти указания по проведению процедуры изгнания:

«Действительно, могут встретиться случаи, когда одержатель так освоился с телом одержимого, что даже почти вытеснил его. Также можно встретить случаи, когда одержатель настолько силен жизненной силою одержимого, что при изгнании причинит смерть. Он настолько овладел психической энергией одержимого, что тот при освобождении теряет жизнеспособность. Потому изгнания всегда производят очень осмотрительно. Предварительно наблюдают за питанием больного и за психической энергией. Если заметят упадок, то не нужно нагнетать ослабевшее сердце. Обычно легче происходит изгнание, когда наступает припадок бешенства. Поднявшаяся энергия помогает избавить от могущего наступить упадка сердечной деятельности, который может кончиться полной прострацией».

Но изгнать бесов — это только половина дела. Если одержатель удален, неважно, каким способом, все равно существует угроза его возвращения в течение трех лет.

Чтобы одержатель ушел навсегда, нужно вести нравственный образ жизни, ведь нравственность — прочный щит от всех темных влияний. Тысяча дней должна быть прожита в напряженном труде и непрестанной молитве, человек должен пристально следить за своими мыслями и эмоциями, отгонять и искоренять недостойные. Только тогда произойдет окончательное избавление.

Но некоторые степени одержания, к сожалению, неизлечимы. В таких случаях больных надо изолировать, помещать в специализированные клиники.

*

Находящимся рядом с одержимым необходимо контролировать свои мысли, чтобы одержатель не догадался, что он разоблачен. В противном случае он может проявить агрессию. Здесь нужна выдержка, спокойствие и напряженная молитва.

Вот некоторые молитвы, помогающие в таких случаях:

Молитва Честному Кресту Господню

Знаменуй себя крестом и говори молитву Честному Кресту:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю, и даровавшаго нам тебе, Крест Свой Честный, на прогнание всякаго супостата. О Пречестный и

Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь».

Или кратко:

«Защити меня, Господь, силою Честного (Чтимого) и Животворящего Твоего Креста, и сохрани меня от всякого зла».

Псалом 90

Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его.

Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

Ибо ты сказал: «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое.

Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое».

Псалом 102

Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его.

Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его.

Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои; избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и щедротами; насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя.

Господь творит правду и суд всем обиженным.

Он показал пути Свои Моисею, сынам Израилевым — дела Свои.

Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: не до конца гневается, и не вовек негодует.

Не по беззакониям нашим сотворил нам, и не по грехам нашим воздал нам: ибо как высоко небо над землею, так велика милость к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его.

Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть.

Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет.

Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его.

Милость же Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их.

Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает.

Благословите Господа, Ангелы Его, крепкие силою, исполняющие слово Его, повинуясь гласу слова Его; благословите Господа, все воинства Его, служители

Его, исполняющие волю Его; благословите Господа, все дела Его, во всех местах владычества Его.

Благослови, душа моя, Господа!

Об умягчении злых сердец и при защите от напастей злых человек

Умягчи наша злая сердца, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси, и всякую тесноту души нашея разреши. На Твой бо святый образ взирающе, Твоим страданием и милосердием о нас умиляемся и раны Твоя лобызаем, стрел же наших, Тя терзающих, ужасаемся. Не даждь нам, Мати Благосердая, в жестокосердии нашем и от жестокосердия ближних погибнути, Ты бо еси воистину злых сердец умягчение.

Молитва ко Пресвятой Богородице

Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, окаяннаго раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления, от окаяннаго ми сердца, от помраченнаго ума моего, и погаси пламень страстей моих, яко нищ и окаянен есмь, и избави мя от многих лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действ злых освободи мя, яко благословенна еси от всех родов, и славится Пречестное имя Твое во веки. Аминь.

*

Можно молиться своими словами, если они идут от сердца, это будет самая мощная защита. Когда нападают темные сущности, нужно семь раз повторить Имя Господа.

Сегодня, когда потрясены сами основы мира, нужно облечься в непрестанную молитву — ею может стать каждое действие, каждый труд, каждая мысль. Если у человека живет в сердце Бог, ему ничего не страшно. Молитва, устремление к высшему миру — лучшее лекарство от всех болезней.

К сожалению, бедствия в современном мире обрели такой масштаб, что для их искоренения сил человеческих уже недостаточно. Нужна Помощь Высшая, и она не замедлит и на землю прольется поток Благодати, если соборная молитва всего человечества о помощи достигнет небес!

*

Мы завершаем книгу о битве с одержанием поучениями из «Добротолюбия», наставлениями святых отцов, опытных в духовной брани с бесами и демонами:

«Когда и как зачинается грех.

Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству: ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество извне через навык.

Воля будет готова только на добро, если благими помышлениями мы будем истреблять всякий злой помысл» (блаженный Диадох, епископ Фотики).

«Когда восстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты, поддавшись им, побежден будешь,

ведай, что ты на время отделился от божественной благодати; почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтобы благодать никогда, даже на мгновение времени, не оставляла тебя за нерадение твое.

С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильной в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее небесные силы и как стеною ее ограждающий свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого дьявола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердия Его к нам и спасения в Нем честный Его Крест.

Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеловы, воины, строители: так разумей о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей, чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия» (преподобный Иоанн Карпафский).

«Тем, которые злословят и укоряют нас, или другим каким способом нападают на нас, не тем же отвечать

получили мы заповедь, т.е. не противо-злословить и не противо-укорять, а напротив, добрые о них говорить речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми немирными, тогда в брани и битве состоим с демонами; когда же с братьями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, — которых научены мы совершенной ненавидеть ненавистью и непрерывную вести с ними брань.

Избегай словом лукавым претыкание полагать ближнему, чтоб самому не быть преткнуту от вселукавого дьявола.

Равным образом избегай и осуждать брата при падении его, чтоб не отпасть от благости и любви. Ибо кто благости и любви к брату не имеет, тот не познал Бога; ибо Бог есть любовь, как взывает Иоанн, сын громов и возлюбленный ученик Христов. Если Христос и Спаситель всех душу Свою положил за нас, то и мы должны полагать души за братьев.

Любовь справедливо названа матерью добродетелей, главой закона и пророков. Подымем же всякий труд, пока улучим преподобную любовь, и через нее исторгнемся из тиранства страстей, и на небеса взойдем, возносясь на крыльях добродетелей, и Бога узрим, сколько это доступно для человеческого естества» (преподобный Феодор, епископ Эдесский).

Предварить наставления святого Максима Исповедника мы хотим кратким описанием его жизни из «Добротолюбия».

Как сказано, был он цареградец знатного рода. Получив полное образование — и богословское, и философское, и другое, которое требовалось в то время, он был взят императором Ираклием в придворные и исполнял обязанности первого секретаря.

Когда появилась монофелитская ересь, в порождении которой был виновен и царь с патриархом, начались смуты — и во дворце, и в городе, и в других областях. Св.Максим решил, что это удобный повод для него исполнить свое давнее желание — оставить мир. В 641 году он поступил в Хрисопольскую обитель и со всей ревностью предался аскетическим подвигам по строгим отеческим уставам. Когда же потребовался новый настоятель в обители, Св.Максим был единодушно избран.

Между тем ересь распространялась все больше, поддерживаемая императорским двором и патриархом, вместе с ней распространялись и смуты. Не одобряя это, Св.Максим оставил обитель и направился в Рим, где принял участие в церковном Соборе против монофелитов, собранным святым папой Мартином по случаю повеления императора — принять и подписать составленное им изложение исповедания веры (типик), куда было внесено монофелитское зломудрие. На этом соборе осудили и прокляли монофелитство, и типик царский, и всех принимающих это еретическое учение. Соборное определение затем разослали повсюду, по Западу и Востоку.

Разгневанный царь распорядился схватить и папу Св.Мартина, и Св.Максима, и доставить их в Царьград. После того как это было исполнено, Св.Мартина после непомерных истязаний сослали в заточение в Херсонес, где он и скончался в 655 году. А Св.Максима принялись склонять на свою сторону, и очень усердно: сначала в царских палатах, потом в темнице. Затем его сослали и вновь вызвали в Царьград, где принялись переубеждать. Целью было убедить Св.Максима согласиться с монофелитским учением, или хоть подписать

типик, или, в крайнем случае, просто молчать. Но ничего не удалось. Истина православия в устах Св.Максима являлась всякий раз победоносной, и заставляла противников не только умолкнуть, но и преклоняться. Мужество поборника истины покушались поколебать и обещаниями, и угрозами, и подсказками, как обойти истину незаметно для других, и в самом конце — избиениями. Но ничего не помогло, и Св.Максима сослали в место заточения.

Но врагам истины не спалось: Св.Максим вновь был вызван в Царьград, для окончательного убеждения. Оно велось в три приема: в царских палатах, в темнице и опять в палатах, где и было вынесено последнее решение: оставить Св.Максима в живых, но наложить на него муки, которые тяжелее смерти.

Св.Максима бичевали столь бесчеловечно, что кровью обагрилась вся земля под ним, а на следующий день подвергли еще жесточайшей казни: отрезали ему язык, обличающий ересь, и отсекли правую руку за писание учительных и обличительных книг. Затем его влачили по торжищу на поругание, показывая народу отрезанные язык и руку.

После таких бесчеловечных мучений и поруганий отослали святого в далекое изгнание, в Мингрелию, и заключили в темницу. Там, отстрадав три года, Св.Максим отошел к Господу в 662 году. Перед смертью он был утешен неким известительным видением.

Как сказали бы в наше время, святой Максим был «своим» для императора, поэтому ему и предоставили возможность «тихо» согласиться с ересью, «сохранив лицо», так, чтобы никто об этом не узнал, или же просто промолчать и продолжить мирную жизнь настоятеля обители. Но святой предпочел жесточайшие муки

и смерть, лишь бы не отступить от того, что он считал истиной, не солгать, не преклониться перед ложью. Тем еще ценнее для нас слова из его книг, выкупленные такой дорогой ценой.

«Познавши таким образом страх Божий, равно как благость Его и человеколюбие, как из Ветхого, так и из Нового Завета, обратимся к Нему от всего сердца нашего. И чего ради гибнуть нам, братья? Очистим руки наши грешные, исправим сердца наши двоедушные, восскорбим, сокрушимся и восплачем о грехах своих. Престанем от злых дел своих; поверим благоутробию Господню, убоимся прещений Его, и положим соблюдать заповеди Его. Возлюбим друг друга от всего сердца, и тем, которые ненавидят и поносят нас, скажем: братья наши вы — да прославится имя Господа. Будем прощать друг друга, когда друг другом искушаемы бываем, ибо всех нас борет общий враг наш. Станем противиться худым помыслам своим, призывая в совоинствование нам Бога и изгоним через то из себя злых и нечистых духов.

Когда демоны, отторгнув ум твой от целомудрия, окружают его блудными помыслами; тогда со слезами воззови ко Владыке: изгонящие мя ныне обыдоша мя: радосте моя, избави мя от обышедших мя (Пс. 16, 11; 31, 7). И избавишься.

Демоны ни целомудрия не ненавидят, ни постом не гнушаются, равно как ни раздаянием имений, ни страноприимством, ни псалмопением, ни прилежанием к чтению, ни уединением, ни высокими умозрениями, ни спанием на голой земле, ни бдением, ни всем другим,

чем характеризуется жизнь по Богу, — пока целью таких дел поставляется что-нибудь им угодное.

Демоны, борющие при недостатке добродетели, суть те, которые научают блуду и пьянству, сребролюбию и зависти; а при добродетелях борющие суть те, которые научают самомнению, тщеславию и гордости и таким образом через десное скрытно насевают в нас шуее.

Святые Силы направляют нас к добру; а естественные семена добра и добрая воля помогают нам; приражениям же демонов придают силы страсти и злая воля.

Если хочешь избавиться от помыслов, уврачуй страсти: и тогда удобно изгонишь их из ума. Именно в отношении к блудной страсти — постись, совершай бдение, трудись и уединяйся; относительно гнева и печали, ни во что вменяй славу, и бесславие, и прочие вещи земные; относительно злопамятства, молись за оскорбившего, — и избавишься».

ПРИЛОЖЕНИЕ

НИКОЛАЙ РЕРИХ

ОДЕРЖАНИЕ

«Я еще не верю в то, что вы рассказываете мне об одержании. Оно может быть просто отражением подсознания. Помним ли мы все, что слышим, и читаем, и видим за всю нашу жизнь? Мы потом забываем об этом, но извилины нашего мозга как-то сохраняют эти факты, а потом, позже, неожиданно открывают их. Тогда они кажутся нам совсем незнакомыми».

Так говорил мне друг в Урге. Он, будучи должностным лицом, считал скептицизм высшим знаком достоинства.

Никогда не нужно ни настаивать, ни даже пытаться убеждать. Часто необходимо только привлечь внимание другого к незначительному случаю, и при этом знаке семафора все направление жизни может изменить свой курс. Следовательно, не подвергаясь настойчивости, наш друг узнал о нескольких других случаях, в которых одержание было основной темой. Ему рассказывали о тибетском «ролланге» — воскрешении из мертвых. Но, конечно, скептик только пожал плечами; он считал ниже достоинства говорить об этом.

Мы рассказали ему о случае в США, когда лицо высокоинтеллигентное утверждало, что ее покойный жених владеет ею и управляет всей ее жизнью, давая ей советы и приказы. Действительно, ее одержатель настолько отличался от ее собственного сознания, что он вызывал у нее не только душевное недомогание, но даже и физическую боль.

Наш скептик ответил, что таких «одержимых» людей можно, вероятно, найти в наших психиатрических

больницах и что в правовой практике такие случаи безответственного сознания были хорошо известны. Однако это не убедило его ни в малейшей степени. Тогда мы рассказали ему, как, по словам китайца, даотаем Хотана завладел Ти-тай, которого он сам убил. И китаец отметил, что убийца перенял некоторые характерные привычки покойника, и что даже лицо убийцы изменилось по-особому за короткое время.

Скептик опять только пожал плечами.

Прошло несколько дней. Однажды вечером наш скептик пришел навестить нас, но выглядел он очень странно. Явно что-то ошеломило его, и, казалось, он ищет возможности высказать это. Наконец, он воскликнул:

— Послушаешь ваши сказки — а после начинают происходить всевозможные странности. После нашей последней беседы, касающейся «одержимых» людей, как вы их называете, я заглянул к китайскому фотографу. Он женат на простой бурятке, совершенно безграмотной. Я знаю их очень давно. Я заметил, что китаец был несколько печален, в чем-то изменился, и поэтому я спросил его, не болен ли он. «Нет, — ответил он, — со мною все в порядке, но с моей женой плохо. Я не знаю, как ее лечить. Недавно она начала рассказывать очень странные вещи! Она говорит, что кто-то овладел ею — не один, а двое одновременно. Бог знает, откуда она берет эти странные слова. Кажется, один из них утонул. Другой умер от перепоя. Я знаю, что факты, подобные этим, бывают, мы знали много таких случаев дома, в Китае».

Я попросил его позвать жену. Она вошла. Она всегда была маленькой и хрупкой, но сейчас она выглядела еще тоньше. Вы знаете, она очень простая бурятка,

полностью безграмотная. Когда она вошла, ее муж вышел из комнаты. Я спросил:

— Не хотите ли вы выпить чаю со мной?

— Нет, — ответила она, — он запрещает мне пить чай с вами, потому что вы не верите и желаете мне вреда.

— Кто запрещает тебе? — спросил я.

— О, это всегда он, немец.

— Какой немец? Скажи мне, откуда он?

— Хорошо, — продолжала она, — один — Адольф, другой — Феликс. Они во мне вот уже три недели!

— А откуда они? — спросил я.

— Некоторое время назад, — начала она, — один мужчина пришел к моему мужу забрать свои фотографии. Это был толстый немец, может быть, вы видели его на улице; у него было какое-то дело. Эти двое были с ним. Он ушел, но двое остались и стали приставать ко мне. Один из них, Адольф, стал после войны кули во Владивостоке. Он утонул, когда вышел на лодке в море. Они подрались. Другой — Феликс — тоже немец, и он всегда пил и ужасно ругался!

И так она продолжала рассказывать мне о том, что они заставляли ее делать, как они вынуждали ее есть много мяса, особенно недожаренного, потому что они любили его с кровью. Они также предлагали ей пить вино, потому что оно им очень нравилось. Один из них, пьяница, постоянно уговаривает ее повеситься или перерезать себе горло, и тогда они могли бы помочь ей все исполнить.

Бурятка рассказала мне все, о чем мужчины говорили ей. Кажется, они много путешествовали на корабле, особенно один из них. Он, должно быть, был моряком. Вы только подумайте, она дала мне названия и описания

городов, о которых она не имела ни малейшего понятия. Потом она говорила о кораблях и применяла такие технические термины, которые может знать только человек, чувствующий себя на паруснике, как дома. Многие слова она не могла объяснить, когда я расспрашивал ее дальше, но при этом она настаивала на том, что слышит их от мужчин. Я должен признаться, что ушел от китайца весьма озадаченным. Впервые я услышал такие вещи собственными ушами, и это соотносится с тем, что вы говорили мне.

Я должен признаться, что у меня было странное желание пойти и посетить этих людей снова, поэтому я пошел второй раз сегодня. Когда я спросил китайца о его жене, он сразу воздел руки в отчаянии и сказал, что дела ухудшились. Как только я спросил, могу ли я видеть его жену, она вошла в комнату. «Я не могу быть с вами здесь, — сказала она мне, — они запрещают мне; они говорят, что вы хотите причинить мне вред. Они хотят, чтобы я была счастливой, а вы можете испортить все это. Потому что вы знаете людей, которые могут изгнать их из меня». Потом она вышла из комнаты, и ее муж, разводя руками, пробормотал: «Плохо, действительно, очень плохо. Наш дом разрушится».

Вы знаете, я — человек закона, и поэтому я люблю, чтобы все было достоверным. Признаюсь, я не верил тому, что вы мне рассказали в последний раз, потому что никогда ничего подобного не случалось в моей жизни раньше. Но с тех пор, как я услышал и увидел это сам, я больше не сомневаюсь, потому что я знаю эту женщину давно, и она производит на меня сейчас совсем иное впечатление. Она не просто говорит или говорит чепуху, как это бывает при параличе или в патологических случаях, с которыми я часто имею дело в

моей практике. Нет, здесь я ясно вижу нечто чуждое, ей не принадлежащее, с бесспорной и характерной психологией. Когда она повторяет фразы, сказанные моряком, можно точно почувствовать речь моряка, и моряка нашего, сегодняшнего времени. И то же самое с речью другого человека, пьяницы; это, несомненно, один из несчастных, кого война забросила в далекие земли Сибири.

— Между прочим, — внезапно сконфузившись, спросил скептик, — что нужно сделать, чтобы освободиться от такой одержимости? Потому что, когда она намекает на кого-то, я знаю, что она говорит о вас.

Я, смеясь, заметил скептику, что, очевидно, хотя мы и поменялись ролями, и что он, возможно, будет смеяться, если я скажу ему, что в таких случаях одержимости кладут куски сырого мяса с кровью на стол и затем разливают сильно пахнущие опьяняющие напитки по всей комнате. Затем все должны уйти из дома, а одержимый человек никогда не должен возвращаться туда. Конечно, можно использовать и другие методы.

Это напомнило мне любопытный эпизод, который произошел в Америке, когда я имел серьезный разлад с духами. Меня попросили посмотреть несколько картин, которые приписывали одной одержимой женщине. До этого времени женщина ничего не знала об искусстве и никогда не брала в руки кисть. Я увидел серию странных картин, написанных в разной технике и разной рукой.

На одном и том же полотне можно было видеть характерную технику французских импрессионистов и рядом ясную технику японской живописи. Здесь также были египетские храмы с бесспорным влиянием

немецкого романтизма. Поэтому я сказал художнице, что мне кажется странным, что такие разные стили представлены вместе и на одном полотне без какой-либо координации. Но художница заявила, что картины созданы таким образом не случайно, ибо руководившие ею духи принадлежали к разным национальностям. После этого я заметил, что такая смесь стилей не способствует законченности картины. Художница долго раздумывала и затем резко сказала: «Они считают ее очень хорошей!» Я продолжал настаивать на своем мнении, а духи в очень грубой и резкой форме настаивали на своем желании, чтобы картина оставалась такой, какой была. Так произошла ссора с духами, которая продолжалась довольно энергично.

— Я не знаю ничего о вашем американском случае, — прервал скептик, — но после всего, что я видел и слышал, я считаю теперь такое полностью возможным. Но мне не хочется оставлять бурятку в ее теперешнем положении. Я думаю, что должен пойти туда снова и попытаться принять какие-то меры.

Я попытался объяснить скептику, что с его полным незнанием предмета он может только принести зло женщине и что он может легко заставить ее совершить самоубийство или принять любые другие крайние меры. Наконец, мы поменялись ролями полностью. Я пытался отговорить моего друга от всех дальнейших визитов к китайцу, в то время как он, как пьяница, который слышит запах вина, начал бесхитростно придумывать всевозможные поводы, чтобы продлить это приключение... Было странно видеть, как старый юрист, совсем недавно такой уравновешенный, пытался пойти на любую выдумку, чтобы оправдать самого себя и доказать необходимость продолжения своих визитов к

китайцу. Естественно, он не забывал о бедной науке: он должен был продолжать свои экскурсы во имя науки! И именно во имя науки должно было быть предупреждено человечество. Но помимо всех этих важных соображений, здесь внезапно пробудился инстинкт к познанию невидимых миров.

Жена скептика, которая тоже присутствовала и которая раньше поддерживала меня, теперь настаивала любыми способами, чтобы я отговорил ее мужа от этого похода. Последние дни он только и делал, что говорил о бурятке и немцах. Наконец, недавний скептик дал обещание оставить это дело после того, как я заверил его, что если он посмотрит вокруг, то увидит намного более важные вещи.

Уходя, он вдруг предложил мне сопровождать его прямо к монгольской колдунье: «Вы знаете, это та же самая женщина, которая предсказала Унгерну день его смерти и все его ближайшее будущее, которое точно исполнилось. Она живет недалеко отсюда».

Я отклонил посещение колдуньи, но удивился, почему скептик не идет к ней сам!

Как это часто случается, необычная беседа не прекращается сразу. Едва скептик покинул наш дом, как пришли два других посетителя. Один из них, местный монгол, был высокообразованным и жил за границей. Другой, бывший офицер, прослужил всю войну. Мы начали беседовать о совершенно иных проблемах. Монгол говорил о природных богатствах Монголии, где нефть течет ручьями через пустыню и где реки несут неистощенное золото. Затем, описывая месторождения золота, он добавил тем же тихим повествовательным тоном: «А убитые китайцы не давали нам спать все время, пока мы были в шахтах».

— Но как могли мертвые не давать вам спать?

— То были те мертвые китайцы, которых убили во время бунтов после войны и революции.

— Но послушайте, как могли люди, убитые давно, не давать вам спать?

— Они бродили вокруг, разговаривали, выбивали пепел из курительных трубок и гремели посудой.

— Вы определенно шутите.

— Нет, — последовал серьезный ответ, — мы не видели их, но всю ночь мы слышали их. Многие из них были убиты там, и, как говорят люди, врасплох. Той ночью они пошли спокойно спать, не ожидая нападения. Всегда так: люди, которые убиты неожиданно, не оставляют свои повседневные привычки. Китайцы особенно привержены им. Они любят свою землю и свои дома. А когда люди привязаны к своим земным владениям, для них всегда трудно оставить их. — Так серьезно говорил монгол.

Офицер, который хранил молчание, добавил: «Да, с китайцами это часто случается. В Мукдене есть старый дом, в котором никто не хочет жить. Китаец был убит там, и он никому не дает покоя. Каждую ночь он пронзительно кричит, как будто его убивают снова. Мы решили проверить этот слух и однажды отправились туда и остановились на ночевку. Около часа ночи заметили яркую голубую сферу, спускающуюся с верхнего этажа по перилам лестницы. Этого было достаточно, и мы ушли.

Вспоминаю я и другой случай, который произошел во время войны по соседству с прусской границей. Весь штаб остановился на ночь в маленькой лачуге. В середине ночи мы все вдруг проснулись одновременно, каждый крича что-то о лошадях. Один кричал:

“Кто привел лошадей сюда?!” Другой — “Посмотри на убегающих лошадей!” Я тоже проснулся, и в темноте рядом со мной я увидел несколько лошадей, проносящихся мимо в стремительном беге, как бы в испуге. Охрана, расположенная снаружи, ничего не слышала. Но утром мы обнаружили, что наш табун лошадей был разорван снарядом».

Монгол оживился и подтвердил это: «Я тоже слышал о невидимых животных. Это было в юрте нашего шамана-колдуна. Шаман вызвал низшие элементарные силы, и мы все могли слышать галоп и ржание целого гурта лошадей; мы могли слышать полет всей стаи орлов и шипение неисчислимых змей прямо внутри юрты... Вам следовало бы поговорить с нашим министром вооруженных сил. Он удачливый рассказчик и смог бы рассказать вам бесчисленное множество неожиданных вещей».

— Но почему вы думаете, что они неожиданные?

— Ну, я привык думать, что все иностранцы считают наши привычные происшествия очень странными...[1]

---

[1] Цит. по: Николай Рерих. Шамбала. М.: МЦР, 1994.

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЖИЗНЬ

Со слов Гусиного Пера

Это было в сырую, темную ночь, в сентябре 1884 года. Холодный туман спускался на улицы Эльберфельда и заволакивал будто похоронным флером и всегда-то скучный, а теперь совсем уж безжизненный, глубоко уснувший фабричный городок. Большая часть его жителей, то есть весь рабочий люд, давно уже разошелся по домам; и давно уж, вытягивая усталые члены под немецкими пуховиками и уткнув наболевшие от машинного стука головы в немецкие перины, наслаждался непробудным сном.

Все было тихо и в большом уснувшем доме, где я тогда находилась.

Как и все прочие, я лежала в постели; но постель моя была для меня не ложем отдыха, а одром страданий, к которому болезнь приковала меня уже несколько дней.

Так все было тихо кругом меня в доме, что, по выражению Лонгфелло, «тишина становилась слышной». Я совершенно ясно различала, как переливалась кровь в моем наболевшем теле, производя тот монотонный и столь знакомый всякому, кто когда-нибудь прислушивался к полной тишине, звон в ушах. Я сосредоточенно следила за этими постепенно нарастающими звуками, пока из шума, словно далекого водопада, они не перешли в рев могучего горного потока, сердито бурлящие воды стремнины... Но вот вдруг, быстро изменив характер, шум и рев словно слились и перепутались, перемешались и, наконец, были поглощены другим,

более отрадным и желанным мною звуком. То был тихий, еле слышный шепот голоса, давно ставшего мне знакомым благодаря денным и нощным долголетним с ним беседам. Да, шепот знакомого и всегда дорогого голоса; теперь же, как и во все такие минуты нравственных ли, физических ли страданий, — вдвойне дорогого, потому что он всегда приносил мне с собою чувство упования и утешение, облегчение, если не полное выздоровление... Так было и на этот раз:

— Терпение!.. — шептал этот ободряющий, задушевный голос. — Рассказ о некой странной, погибшей жизни не может не сократить часов бессонницы и страданий. Отвлекись от своих страданий, найди пищу своему вниманию. Смотри... вот прямо там, перед собою!..

«Прямо там, перед собою» — означало в этом случае большие, из цельных зеркальных стекол три окна пустого дома, стоящего на другой стороне улицы. Его окна находились по прямой линии против моих окон. Когда я взглянула по указанному мне направлению, то действительно увидала то, что заставило меня на время позабыть даже жестокие боли.

Словно туман, странной формы облако ползло по зеркальным окнам пустой квартиры, увеличивалось и постепенно заволакивало всю стену. Густое, тяжелое, змееобразное, белесоватое облако это напомнило мне, почему-то, своей причудливой формою тень гигантского развивающего кольца боа-констриктора. Мало-помалу эта тень исчезла, оставив за собою одно сияние, местами серебристо-мягкое, бархатистое, словно отсвет молодого месяца на темных водах чистого пруда. Затем оно задрожало, заколебалось, и зеркальные стекла вдруг заискрились, будто отражая тысячи преломляющихся лунных лучей, целое тропическое

звездное небо, — сперва с наружной стороны окон, а затем и внутри пустого жилья...

А тишина в доме и вокруг меня становилась с каждою минутою все слышнее и явственнее, и шум далекого водопада громче и громче, когда вдруг сияние внутри запертых окон стало снова густеть и то же туманное облако удлиняться и, пронизывая стекла, ползти тем же змееобразным движением через улицу и над нею, медленно созидая и перекидывая волшебный мост от очарованных окон пустого дома до моего балкона — более, до самой моей кровати! В то время, когда я напряженно следила за этим странным явлением, и сами окна, и пустая за ними комната внезапно исчезли. На их месте появилась другая, комната в здании, которое было в моем сознании швейцарским шале и ничем иным. Старые, из потемневшего от времени дуба стены рабочего кабинета были покрыты от потолка до полу разными полками, заваленными древними рукописями и фолиантами. Такой же большой старомодный письменный стол стоял посреди комнаты. За ним, перед целым ворохом рукописей и письменных принадлежностей, с гусиным пером в руках сидел бледный, истощенный на вид старик; угрюмая, изможденная, скелетообразная фигура, с лицом таким исхудалым, страдальческим и желтым, что свет от единственной на столе рабочей лампы, падая на его голову, образовывал два ярких пятна на выдающихся скулах этого изнуренного, словно выточенного из старой слоновой кости, лица.

В то время как с трудом приподымаясь на подушках, я всматривалась через улицу, стараясь лучше вглядеться через такое расстояние в лицо старика, видение — все целиком, как было, шале и рабочий кабинет, письменный стол, бюро, книги и сам старик — все

это вдруг заколыхалось и задвигалось... Вот оно подвигается ко мне... ближе, все ближе; вот, неслышно скользя по призрачному мосту через улицу, видение все приближается; вот оно уже достигло моего балкона и, не останавливаясь ни одной секунды, оно проходит — словно просачивается — сквозь стену и запертые окна. Наконец, выплыв на середину моей спальной, оно останавливается в двух шагах от моей кровати...

— Внимай его думам, прислушайся к голосу его пера... слушай, что оно станет писать, — звучит где-то далеко тот же отрадный голос. — Его история поучительна, и связанный с нею интерес способен не только сократить длину часов бессонницы, но даже и заставить забыть сами страдания... Сделай опыт и усилие, и я помогу!..

Я повиновалась и сосредоточила все свое внимание на этой одинокой прилежно занятой фигуре, которую я видела так близко от себя, но которая и не подозревала моего соседства. В первые минуты скрип гусиного пера в руках видения не возбуждал в моем уме другого представления, кроме тихого шепота с прищелкиванием, каких-то острых царапающих звуков необъяснимого характера. Но мало-помалу ухо мое стало уловлять неясные слова в звуках как бы слабого, тонкого, дребезжащего голоска; и мне сперва почему-то показалось, что они исходили из уст согбенной за письменным столом фигуры: старик читал что-то вполголоса, а не писал свой рассказ. Но я очень скоро убедилась в противном. Уловив минуту, когда он повернул на мгновение голову в мою сторону, я разом убедилась, что его нервно сжатые тонкие губы были неподвижны, а голос был слишком плаксивым и резким, чтобы быть его голосом. В то же время я увидала, как после каждого

написанного его слабою, дрожащей рукою слова внезапно вспыхивала из-под его гусиного пера, словно острый свет, искра, превращающаяся так же внезапно в звук, в действительности ли, или же только в моем внутреннем сознании — это все равно: дело в том, что это был действительно тоненький голосок гусиного пера, раздававшийся у моих ушей, хотя как само перо, так и человек, пишущий им, были, вероятно, в то время за сотни миль от Германии. Такие вещи случались и будут еще часто случаться, особенно в ночные часы, под «сенью звезд», когда, как говорит Байрон:

... Язык миров иных мы изучаем.

Во всяком случае, много дней спустя, я помнила каждое произнесенное в ту ночь «пером» слово. В этом умственном процессе, впрочем, не заключалось очень большого подвига, так как в нем участвовала не память, а просто зрение. Это случилось не в первый раз. Едва я села с намерением записать рассказ пера, как нашла его, по обыкновению, уже отпечатанным неизгладимыми чертами перед моим внутренним зрением, на скрижалях астрального света...

Мне оставалось, как и всегда в подобных случаях, — только списывать рассказ, передавая его слово в слово...

Я не успела узнать имени моего ночного видения — героя рассказа. Читателям, почему-либо предпочитающим видеть в этом рассказе обыкновенным образом сочиненное событие, а быть может, просто и сон, — перипетии поведанной гусиным пером драмы окажутся от этого не менее интересными.

Вот она, как была тогда записана, а теперь переписана мною, буквально.

I
Рассказ незнакомца

...Место моего рождения — небольшая горная деревушка. Горсть швейцарских хижин, далеко прячущихся в облитой солнцем котловине, между двумя сползающими ледниками и горою, покрытою вечным снегом. Туда, ровно тридцать семь лет тому назад, я вернулся разбитым нравственно и физически калекой — чтобы там умереть.

Но чистый укрепляющий воздух родины решил иначе: он оживотворил меня, и я доселе жив. К чему? Зачем?... Кто может знать! Быть может, я был обречен на жизнь, чтобы свидетельствовать о том, что скрывалось доселе мною в глубокой тайне, как очевидец и герой драмы, столь полной ужаса и страшных событий; рассказывать о них все равно что переживать их снова... Но я не силах скрывать эту тайну долее! Или это он толкает... меня к этой исповеди?... Он... он!.. Так, да послужит этот рассказ наказанием моей гордости, уроком идущим по моим стопам...

Главная причина, почему я так долго скрывал случившееся, — это полученное мною в известном направлении и с самого детства воспитание. Благодаря ему я рано приобрел основанные на одной гордости предубеждения; и когда последующие события, уличив в фальши, опрокинули мои излюбленные аксиомы, я все-таки не смирился, но восстал еще хуже против очевидности. Усматривая в этой непрерывной эволюции созданных причин, зарождающих прямые последствия от одной первоначальной главной причины, от коей и произошло все последующее, — я связываю эту

первопричинность со слабой и кроткой личностью некоего аскета японца, и говорю: он — перст, направивший первоначальное событие; а все последствия только доставляют мне одно лишнее и неопровержимое доказательство существования того, что я с радостью признал бы — о, когда бы это только еще было возможным! — за бессмысленную химеру, за создание моей личной фантазии, за горячечное видение, за бред расстроенного, обезумевшего мозга. О, когда бы!.. Потому что именно этот образец всех человеческих добродетелей, этот старец, наполнивший горечью и испортивший мне всю жизнь, это именно он первопричина всего зла, создатель преследующего меня демона!.. Насильно столкнув меня с однообразной, но зато безопасной тропы обыденной жизни, он был первым, кто навязал мне против воли убеждение и заставил уверовать в загробную, если не в вечную жизнь, прибавив, таким образом, еще одну лишнюю пытку ко всем омерзительным ужасам земной жизни!..

Дабы дать читателю более ясное представление о моем положении, я должен прервать на время свои воспоминания о нем, сказав несколько слов о самом себе.

Как уже сказано, родившись в Швейцарии у родителей французов, сосредоточивших всемирную премудрость в литературной триаде, состоявшей из Вольтера, Ж. Ж. Руссо и де Гольбаха, и получив воспитание в одном из германских университетов, я вырос ярым материалистом и убежденным атеистом. Я был совершенно не способен представить себе даже в воображении какие-то сверхъестественные существа, — не говоря уже о каком-то высшем существе, — властвующие над миром или даже вне видимой природы и

отличные от нее. Вследствие такого умозрения я и взирал на все то, что не могло быть подведенным под строгий анализ физических чувств, как на одну химеру. Душа — рассуждал я — даже допуская таковую в человеке, должна быть вещественной. Определение слова incorporeal (бестелесный — *англ.*), — эпитет, даваемый им его Богу, — означает вещество, только немногим утонченнее физических тел, и о котором мы во всяком случае не способны создать себе ясного представления. Так как же может то, о чем наши чувства не способны доставить нам ясного понятия, как может оно сделаться вдруг видимым или даже просто произвести какое-либо осязательное явление?

Естественным следствием подобных умозрений являлось дикое презрение к легендам в то время только что зарождающегося в Европе спиритизма, равным которому было разве только всегда овладевающее мною чувство злобной иронии при первом слове назидания от изредка встречаемых мною патеров. Это последнее чувство не оставляло меня всю жизнь и только окрепло с годами.

В восьмом отделе своих «Мыслей» Паскаль сознается в полной неудовлетворительности доказательств касательно существования Бога. Я же в продолжение целой моей жизни исповедовал полную уверенность в небытии такого экстра-космического существа, повторяя вместе с этим великим мыслителем памятные слова, в которых он нам говорит, что:

«Я искал удостоверения в том, не оставлял ли этот Бог, о котором говорит весь мир, хотя каких-нибудь за собою следов. Я ищу всюду, и всюду нахожу один мрак. Природа не дает мне ничего, что не сделалось бы для меня вопросом сомнения и беспокойства».

Не находил и я, до сего дня, ничего такого, что бы могло заставить меня изменить это воззрение. Я никогда не верил и никогда не поверю в Верховное Существо. Относительно же явлений, вера в которые, появившись с Востока, распространилась и проповедуется теперь по всему земному шару, и того, что есть такие на свете люди, которые развили в себе психические способности до такой степени, что равняются древним богам по своей силе, — над теми, как и над другими, я давно перестал даже смеяться. Вся моя жизнь, разбитая, раздавленная, приниженная, является громким протестом против такого дальнейшего отрицания!

Вследствие несчастного по смерти моих родителей процесса я потерял большую часть моего состояния и тогда же решился — скорее ради тех, кто мне был дорог, чем для самого себя — составить себе другое. Моя старшая и единственная сестра, которую я обожал, была замужем за бедным человеком. Для ее детей я решился вступить в товарищество с богатой фирмою в Гамбурге, и отправился в Японию в качестве агента.

В продолжение нескольких лет мои дела шли очень успешно. Я пользовался доверием многих влиятельных японцев, благодаря покровительству которых получил возможность посещать и делать обороты и дела во многих местностях, совершенно недоступных в то время для европейцев. Равнодушный ко всем религиям — я заинтересовался буддизмом, единственной, по-моему, системой, достойной называться философической. Поэтому в свободное от занятий время я посещал самые замечательные в Японии храмы и видел во всех деталях самые важные из девяноста шести буддистских монастырей в Киото. Так, я изучал по очереди храмы: Дой-Бутсу с его гигантским колоколом,

Тзео-Нене, Енарино-Яссеру, Кие-Мизу, Хигадзи-Хонг-Вонси и много других знаменитых капищ.

Во все эти протекшие в Японии годы я не переставал относиться скептически ко всему вне чисто материального мира. Я насмехался над претензиями японских бонз и аскетов, как и над уверениями наших католиков и европейских спиритов, я не мог верить даже в существование, не только в приобретение таких сил или способностей, о которых ничего еще не было известно нашим ученым, и поэтому они не могли быть ими изучены; вследствие этого я и поднимал их на смех. Суеверные и черножелчные буддисты, учащие нас избегать радостей мира сего, смирять страсти и добиваться полного бесчувствия к страданиям из-за заочной надежды приобрести к концу жизни химерические дары, казались мне невыразимо смешными.

У подножия золотой Квон-Он я познакомился с почтенным и ученым бонзой, неким Тамурой Хидейхери, сделавшимся после того моим лучшим и самым доверенным другом.

Но мой благородный друг был столь же кротким и всепрощающим, как и ученым, полным мудрости. Он никогда не сердился за мои насмешки, ни разу не ответил на мои нетерпеливые сарказмы. Он только просил меня ждать, когда придет мое время, говоря, что только тогда я получу право слова.

Точно так же он никогда не мог всерьез поверить в искренность моего отрицания реальности существования Бога или богов. Полное значение терминов «атеист» и «скептицизм» оставались за пределами понимания этого необычайно умного и наблюдательного во всем остальном человека. Как некоторые почтенные христиане, он не был способен понять, что разумный

человек может предпочесть мудрые заключения философии и современной науки смехотворной вере в невидимый мир, наполненный богами, духами, джиннами и демонами. «Человек — существо духовное, — настаивал он, — которое возвращается на землю более чем один раз, и между этими возвращениями его либо награждают, либо наказывают». Предположение о том, что человек — лишь куча организованной, сконструированной пыли или праха, было за пределами его понимания. Как и Иеремия Колье, он отказывался признать, что он сам не более чем «ходячая машина, говорящая голова, в которой нет души», чьи «мысли подчиняются законам движения». Он говорил: «Если мои действия предписаны мне заранее, как вы утверждаете, у меня не может быть свободы или свободной воли, способной изменить направление своего действия, так же как и у воды, протекающей в той реке. Если бы это было так, славное учение кармы, учение о вознаграждении добродетели и воздаянии за грехи действительно было бы глупостью».

Таким образом, вся гиперметафизическая онтология моего друга основывалась на шаткой надстройке метемпсихоза, на воображаемых справедливых законах воздаяния за грехи и других столь же бессмысленных мечтаниях.

— Мы не можем, — парадоксально заявил он однажды, — надеяться на жизнь после смерти и наслаждение полнотой сознания, если не построим для этого прочный и надежный фундамент духовности до нашей смерти... Нет, не смейтесь, друг мой, ни во что не верящий, — умолял он меня, — лучше подумайте, поразмыслите над этим. Тот, кто никогда не учился жить в Духе в его сознательной жизни, полной ответствен-

ности, вряд ли может надеяться на то, что ему удастся насладиться жизнью после смерти, когда он, лишенный тела, останется целиком в состоянии Духа.

— Что вы имеете в виду под словами «жизнь в Духе»? — поинтересовался я.

— Это жизнь в духовной плоскости, то, что буддисты называют Тушита Девалока (Рай). Человек может создать себе счастливую жизнь между двух смертей постепенным переходом к духовной плоскости и ее возможностям, проявляющимся в его земной жизни только в его органическом теле и, как вы его называете, в животном мозгу.

— Какая бессмыслица! И как же человек может добиться этого?

— Созерцание и сильное желание соединиться со святыми божествами помогут человеку достичь этого.

— А если человек откажется от такого умственного занятия, под которым вы, по-моему, предполагаете созерцание кончика своего носа, что с ним будет после смерти его тела? — насмешливо спросил я его.

— С ним поступят в соответствии с господствующим состоянием его сознания, в котором существует множество градаций. В лучшем случае за смертью последует немедленное перевоплощение и рождение заново, в худшем — его ожидает состояние авичи, или душевных мук ада. Однако человеку не обязательно становиться аскетом для того, чтобы слиться с духовной жизнью, которая продолжится после смерти. От него требуется только одно: постараться приблизиться к Духу.

— Каким образом? А если человек не верит в это? — снова спросил я его.

— Даже если не верит! Можно не верить, но сохранить в душе место для сомнений, сколь бы мало ни

было это место. И он может попытаться однажды, хотя бы на одно мгновение, приоткрыть дверь внутреннего храма, и этого будет достаточно.

— Мой почтенный господин, ваши рассуждения слишком поэтичны и к тому же парадоксальны. Не могли бы вы еще немного рассказать мне об этих таинственных силах?

— Здесь нет никакой тайны, и я охотно объясню. Предположим на мгновение, что духовный план, или духовный уровень, о котором я говорил, — это какой-то неизвестный храм, в котором вам еще не доводилось бывать, и существование которого у вас есть основание отрицать. И вот, кто-то берет вас за руку и подводит к храму, а любопытство заставляет вас открыть его двери и заглянуть внутрь. Вот этим простым действием — тем, что вы заглянули на секунду, — вы навсегда устанавливаете связь между вашим сознанием и этим храмом. Вы уже больше не можете отрицать его существование и не можете стереть из своей памяти то, что уже однажды входили в него. А далее, в соответствии с характером и разновидностью ваших трудов и, разумеется, в пределах, освященных границами храма, вы будете жить на этом уровне до тех пор, пока ваше сознание не отделится от своего жилища в вашем теле.

— Что вы хотите сказать? И что связывает после смерти мое сознание, если только таковое существует, с этим храмом?

— Оно во всем связано с этим храмом, — торжественно ответил старик. — Самосознание после смерти невозможно вне храма духа. Следовательно, в вашем сознании сохранится только то, что вы совершили на уровне духа. Все остальное окажется ложью и обманом зрения, оно обречено на гибель в Океане Майи.

Мысль о жизни вне моего собственного тела показалась мне забавной, я потребовал от своего друга, чтобы он рассказал мне об этом подробнее. Почтенный старик ошибся, думая, что меня увлек его рассказ, и охотно согласился продолжить.

Он принадлежал к храму Тци-о-нене, буддийского монастыря, столь же известного в Тибете и Китае, как и во всей Японии. В Киото нет другого более священного. Его монахи принадлежат к секте Дзено-ду и считаются ученейшими между столькими другими учеными братствами. Вдобавок к этому, они находятся в дружбе и союзе с отшельниками-аскетами, последователями Лао-цзы, известными под названием ямабуши.

Так что нет ничего удивительного в том, что малейший намек на интерес с моей стороны вызвал у священника поток столь высокой метафизики. С ее помощью он надеялся излечить меня от неверия.

Здесь нет необходимости повторять длинную и сложную систему самого безнадежно запутанного и непостижимого из всех учений. Согласно его мировоззрению, нам необходимо тренировать себя для духовной жизни в мире ином так же, как можно тренироваться в гимнастике. Продолжая аналогию между храмом и «духовным уровнем», он попытался проиллюстрировать свою мысль. Сам он работал над собой в храме Духа две трети своей жизни и каждый день несколько часов посвящал созерцанию. Он знал, что после того, как он сбросит с себя свое смертное одеяние, то есть то, что он называет «обычной иллюзией», в своем духовном сознании он сможет снова и снова пережить чувство облагораживающей радости и божественного счастья, которые он уже испытал, пребывая в храме Духа, или

которые должен был испытать там, — только после смерти они будут в сотни раз сильнее. Он много работал над собой на духовном уровне, как он говорил, поэтому надеялся, что будущее справедливо заплатит ему за труды.

— Но, предположим, что как и в том примере, о котором мы говорили, работающий только приоткрыл дверь храма и заглянул туда из простого любопытства. Он заглянул в святилище и никогда больше не переступал порога. Что тогда?

— Тогда, — ответил он, — в вашем будущем самосознании останется только это краткое мгновение, мгновение открываемой двери и ничего более. Наша жизнь после смерти повторяет и производит только те впечатления и чувства, которые были у нас в мгновения духовной жизни. Таким образом, если вы, заглянув на мгновение в жилище Духа, таили в своем сердце гнев, ревность или боль вместо смиренного почитания, тогда ваша будущая духовная жизнь, по правде говоря, будет печальной. В ней нечего будет воспроизвести кроме того самого мгновения, когда вы открыли дверь в порыве гнева или просто дурного настроения.

— Каким образом это будет повторяться? — настойчиво спросил я его в сильном изумлении. — Что же, по-вашему, со мной случится перед тем, как мне снова придется воплотиться?

— В этом случае, — проговорил он медленно, взвешивая каждое слово, — вам придется скорее всего открывать и закрывать дверь храма снова и снова, и время, которое уйдет у вас на это закрывание и открывание двери, покажется вам вечностью.

Такое занятие после смерти показалось мне настолько забавно-гротескным и бессмысленным, что меня

сотряс совершенно непроизвольный сильнейший приступ смеха.

Мой почтенный друг был сильно напуган, увидев последствия своего урока метафизики. Очевидно, он не ожидал от меня такого буйного веселья. Однако он ничего не сказал, а со все усиливающимися добротой и жалостью, которые светились в его узких глазах, продолжал смотреть на меня.

— Прошу вас, простите мне этот смех, — извинился я, — но скажите, неужели вы со всей серьезностью заявляете мне, что то самое «духовное состояние», которое вы проповедуете и в которое так твердо верите, заключается в том, что мы будем повторять некоторые вещи, которые делали в реальной жизни?

— Нет, нет, не повторять, но усиливать их повторение, заполняя промежутки между поступками и делами, совершенными нами на духовном уровне, — единственно реальном уровне существования. Я всего лишь привел пример, и, без сомнения, для вас, как и для всякого человека, совершенно незнакомого с таинствами Видения Души, мой рассказ был не очень понятен. Я сам во всем виноват... Я просто хотел показать вам, что в духовном состоянии наше сознание освобождается от тела, и что это состояние есть плод каждого духовного поступка, совершенного в земной жизни, и если такой поступок лишен духовности, мы не можем ожидать никаких других результатов, кроме повторения самого поступка, вот и все. Я молю богов о том, чтобы они избавили вас от таких бесплодных дел и помогли вам в конце концов увидеть определенные истины.

И затем, после обычной японской церемонии прощания, этот прекрасный человек ушел.

Увы, увы, если бы я только знал тогда то, что знаю сейчас, мне бы и в голову не пришло смеяться. И как много я смог бы узнать!

Но чем более я удивлялся его обширным сведениям и научался любить его лично, тем менее мог примириться с его дикими идеями о возможности некоторыми из смертных приобретать сверхъестественные дары. Я чувствовал ужасную досаду за выказываемое им почитание ямабуши — религиозных союзников всех буддистских сект в стране. Их притязания на «чудотворство» были невыносимо противны моим материалистичным понятиям. Слышать, как каждый из моих киотских знакомых — включая японского товарища по фирме, одного из самых тонких хитрецов, которых я когда-либо знал на Востоке, — говорит об этих последователях Лао-цзы не иначе как с опущенными долу глазами, с набожно сложенными вместе ладонями, как перед идолом, и с подтверждениями об их «великих», «изумительных» дарах, — не хватало моего терпения! И кто они такие, эти великие маги, с их карикатурными претензиями на знание всех тайн природы; эти «святые нищие», живущие, как я тогда воображал, нарочно в дебрях и гротах непосещаемых горных ущелий, на почти недосягаемых вершинах, чтобы отнять у любопытных всякую возможность следить за ними и узнать их тайны. Кто они такие?... Просто нахальные ворожеи, гадальщики на картах, японские цыгане, продающие талисманы и амулеты, — и ничего более!..

Вот кто они такие. И с наибольшей яростью и самым твердым убеждением в своей правоте я спорил с теми, кто пытался убедить меня, что ямабуши живут загадочной жизнью, никогда не допуская непосвященных в свои тайны. Но иногда они все-таки принимают

учеников, и, хотя быть учеником ямабуши очень трудно, такие люди есть, и поэтому у ямабуши есть живые свидетели, которые могут подтвердить величественную чистоту их жизни. В своих спорах я оскорблял и учителей, и учеников, называя их дураками, если не мошенниками, и доходил в своей ярости до того, что включал их в ряды членов синто. Синтоизм, или син-сын, вера в богов или в путь к богам — это вера в общение между божественными существами и людьми. Как религиозное течение синтоизм напоминает поклонение духам природы, и с этой точки зрения, пожалуй, ничего не может быть глупее. Поместив всех членов общества Син-Сын среди дураков и мошенников других сект, я приобрел множество врагов. Это произошло потому, что синто канус и (духовные учителя) считаются наивысшим классом общества и сам Микадо стоит во главе их иерархии. В их секту входят самые культурные и образованные люди Японии. Эти канус и секты синто не принадлежат к какой-то одной касте или классу. Кроме того, они не проходят никакого обряда посвящения, по крайней мере, известного тем, кто не принадлежит к этому обществу. Поскольку они никогда не требуют для себя особых привилегий и прав, а одеваются так же, как и все остальные непосвященные, очень часто для окружающих они остаются профессорами или студентами, изучающими различные оккультные или духовные науки, поэтому я очень часто встречался и разговаривал с ними, даже не подозревая о том, с кем имею дело.

II
Таинственный посетитель

Прошли годы. Со временем мой неистребимый скептицизм усиливался и становился яростнее день ото дня. Я уже говорил о своей старшей любимой сестре, моей единственной родственнице, оставшейся в живых. Она вышла замуж и недавно переехала жить в Нюрнберг. Я относился к ней скорее как к дочери, чем как к сестре, ее дети были так же дороги мне, как если бы они были моими собственными. Когда в течение нескольких дней мой отец потерял все свое состояние, а у матери не выдержало сердце, именно моя старшая сестра стала ангелом-хранителем нашей бедной семьи. Из любви ко мне, младшему брату, она делала все, чтобы оплатить мою учебу, отказываясь от личного счастья. Она пожертвовала собой ради близких людей, помогая отцу и мне, до бесконечности откладывала свою свадьбу. Как я любил и почитал ее! Время только усиливало мои семейные чувства. Те, кто утверждает, что атеист вообще не способен быть настоящим другом, любящим родственником или верным подданным, произносят сознательно или бессознательно величайшую клевету и ложь. Это огромная ошибка говорить, что материалист с годами ожесточается, что он не может любить так, как любит человек, верующий в Бога.

Правда, бывают и исключения, но, как правило, люди, о которых идет речь, больше самолюбивы, чем скептичны или просто грубо чувственны. Но если человек добродушен по своей природе, и у него нет никаких мотивов, кроме любви к разуму и истине, и если такой человек становится атеистом, его семейные чув-

ства, любовь к близким ему людям только усиливаются. Все его эмоции и страстные желания, которые у людей религиозных вдохновляются невидимым и недостижимым, вся его любовь, которая в противоположном случае была бы без всякой пользы отдана воображаемому небу и божеству, обитающему на этом небе, у атеиста концентрируется и удесятеряется, направляясь целиком на тех, кого он любит, и на человечество. В самом деле, только сердце атеиста

...может знать
Таинственное тихое течение
Любви двух братьев...

Именно братская любовь заставила меня пожертвовать личными удобствами и благосостоянием, чтобы сделать сестру счастливой, чтобы принести радость той, которая стала мне ближе матери. Я был совсем мальчишкой, когда оставил свой дом в Гамбурге, и работал с отчаянной серьезностью человека, который преследует одну-единственную благородную цель: избавить от страданий тех, кого любит. Я очень скоро завоевал доверие своих работодателей, и они предоставили мне высокую должность, на которой я пользовался их полным доверием. Моей первой настоящей радостью и наградой стало замужество моей сестры. Я был рад помочь им в борьбе за существование. Моя любовь к ним была такой чистой и бескорыстной, что когда мне довелось увидеть ее детей, любовь эта, вместо того чтобы ослабнуть, разделившись между столькими членами семьи, казалось, стала еще сильнее. Мои чувства к сестре, которые питались способностью к глубоким и теплым привязанностям в семейном кругу, были так

велики, что мне и в голову никогда не приходила мысль зажечь священное пламя любви перед каким-либо другим кумиром. Семья моей сестры была единственной церковью, которую я признавал, и единственным храмом, в котором я совершал обряды поклонения перед алтарем святой семейной любви и привязанности. По существу, с Европой меня связывала только ее семья из одиннадцати человек, включая мужа. За все эти годы, а точнее за девять лет, я дважды пересекал океан с единственной целью — увидеть и прижать к своему сердцу дорогих мне людей. Мне больше нечего было делать на Западе, и, исполнив эту приятную обязанность, я всякий раз возвращался в Японию, чтобы не покладая рук трудиться ради их счастья. Ради них я оставался холостяком, чтобы богатство, которое я смогу собрать, перешло к ним целиком.

Мы переписывались с сестрой настолько часто, насколько позволяла длительность путешествия на почтовом пароходе и нерегулярность сообщения с Японией. Вдруг письма из дома перестали приходить ко мне. Почти год я не получал никаких вестей. День ото дня я становился все беспокойнее, предчувствие величайшего несчастья постепенно овладело мной. Напрасно искал я в почте какую-нибудь весточку от родных, хотя бы в несколько слов. Все мои попытки как-то объяснить это молчание были бесполезны.

— Друг мой, — сказал мне однажды Тамура Хидейхери, единственный человек, которому я доверял свои печали. — Друг мой, попросите совета у святого ямабуши, это успокоит вас.

Разумеется, я отказался от его предложения со всей сдержанностью, на какую был способен. Но пароход приходил за пароходом, а новостей для меня не было.

Я чувствовал, что мое отчаяние усиливается с каждым днем. В конце концов оно превратилось в непреодолимую страсть, в отвратительное, болезненное желание узнать пусть даже самое худшее, как мне тогда казалось. Я долго боролся с отчаянием, но оно оказалось сильнее меня. Всего несколько месяцев назад я прекрасно владел собой, теперь же я стал рабом отвратительного страха. Как философ-фаталист, последователь Гольбаха, я всегда считал необходимость всего происходящего единственной причиной и основой философского счастья. Именно необходимость помогает обуздывать человеческую слабость. И вот теперь я, философ-фаталист, желал испробовать нечто такое, что сродни гаданию! Дело зашло так далеко, что я забыл первейший принцип своего философского учения: все в этом мире необходимо. Это единственный принцип, который должен утешать нас в печали и вдохновлять на благотворную покорность, на разумное подчинение законам слепой судьбы, против которых так часто бунтуют наши глупые чувства. Да, я забыл этот принцип, и меня охватило позорное суеверное желание, глупое и низкое желание узнать если не будущее, то, по крайней мере, то, что происходит на другой стороне земного шара. Мое поведение, характер и интересы совершенно изменились. И вот я, как слабонервная девчонка, однажды поймал себя на мысли, что пытаюсь, напрягая свой мозг до безумия, увидеть — говорят, что у некоторых это получается, — то, что происходит за океаном, и узнать наконец реальную причину этого долгого необъяснимого молчания!

Однажды вечером, на закате, мой старый друг, почтенный Тамура появился на веранде моего низенького деревянного дома. Я не заходил к нему несколько дней,

и он пришел узнать, как я себя чувствую. Я воспользовался возможностью еще раз посмеяться над тем, кого на самом деле очень любил и уважал. Довольно двусмысленным тоном, в котором я раскаялся до того, как успел произнести свой вопрос, я спросил, зачем ему понадобилось утруждать свои ноги и идти ко мне, когда он мог просто спросить о моем состоянии какого-нибудь ямабуши. Поначалу он, казалось, обиделся, но внимательно посмотрев на мое расстроенное лицо, он мягко заметил, что может только еще раз предложить то, что он мне советовал уже раньше. Только один из ямабуши, этого святого монашеского ордена, может утешить меня в моем теперешнем состоянии.

Тогда мною овладело безумное желание бросить ему вызов, заставить его делом доказать свои слова. Я сказал ему, чтобы он привел кого-нибудь из этих так называемых волшебников, и пусть тот назовет мне имя человека, о котором я думаю, и расскажет, что этот человек делает в данный момент. Он тихо ответил, что мое желание легко удовлетворить. Всего в двух домах от моего дома ямабуши пришел навестить больного синто, он может привести его ко мне, если только я пожелаю.

Я пожелал, и участь моя была решена.

Как мне найти слова, способные описать последовавшую сцену! Через двадцать минут передо мной стоял величественный старик, необычайно высокий для японца. Он был бледен и худ. Вместо ожидаемого раболепного смирения я увидел в нем спокойное достоинство. Всякий, кто сознает свое нравственное превосходство, с равнодушным презрением смотрит на ошибки других. Он не отвечал на мои насмешливые непочтительные вопросы, которые я лихорадочно за-

давал ему один за другим. Он молча смотрел на меня, как врач на бредящего пациента; когда его глаза остановились на мне, я почувствовал, или скорее увидел, как яркий и острый луч света, словно серебряная нить, вырвался из черных узких глаз, глубоко посаженных на его желтом лице. Этот луч или нить, казалось, проникли в самый мой мозг и сердце, как стрела, и начали извлекать оттуда мои мысли и чувства. Да, я видел и чувствовал это, и очень скоро это стало невыносимым.

Я не выдержал и с вызовом в голосе предложил рассказать мне, что он прочел в моих мыслях. Он спокойно и правильно ответил на мой вопрос: меня беспокоила, чрезвычайно беспокоила судьба родственницы, ее мужа и детей. Он правильно описал мне их дом, будто знал его столь же хорошо, как и я. Я бросил подозрительный взгляд на своего друга бонзу, который мог заранее рассказать все это ямабуши. Однако я вспомнил, что Тамуре не было известно, как выглядит дом моей сестры, а японцы, как правило, правдивы и остаются друзьями до самой смерти. Мне стало стыдно за свое подозрение. Чтобы как-то загладить вину перед собственной совестью, я спросил у отшельника, не мог бы он рассказать мне, что сейчас происходит с моей любимой сестрой.

— Иностранец, — ответил он мне, — не поверит ничьим словам и никаким знаниям из чужих уст. Если ямабуши скажет ему, то впечатление от его слов рассеется через несколько часов, и спрашивающий останется столь же несчастным, как и раньше. Есть только один выход: нужно сделать так, чтобы иностранец увидел все своими глазами и сам узнал истину. Готов ли спрашивающий к тому, что неизвестный ему ранее ямабуши приведет его в необходимое состояние?

Я слышал в Европе о загипнотизированных сомнамбулах и других мошенниках, претендующих на дар ясновидения и, поскольку я в них не верил, я не имел ничего против самой процедуры гипноза. Несмотря на непрекращающуюся душевную боль, я не смог удержаться от улыбки при мысли об операции, которая мне предстояла и на которую я шел по своей охоте. Тем не менее я выразил свое согласие молчаливым поклоном.

III
Психическая магия

Старый ямабуши не стал терять времени; он посмотрел на заходящее солнце и найдя, вероятно, властелина Тень-Зио-Дайзина (духа, мечущего стрелы) благоприятным для приготовляемой им церемонии, проворно вынул из-под платья маленький узелок. В нем была небольшая лаковая шкатулка, кусок растительной бумаги, сделанной из коры шелковичного дерева, и перо, которым он начертал на ней несколько строк найденскими письменами — особый род букв, употребляемый только в религиозных или мистических документах. Кончив, он снова полез в карман и вытащил из него небольшое круглое зеркальце из стали, необычайно блестящей полировки, в которое, держа его перед моими глазами, он и попросил меня смотреть, не отрывая глаз.

Я уже знал и прежде о таких зеркалах и то, что они в употреблении только в некоторых храмах, где я их не раз видал. Туземцы находятся в полной уверенности, что под управлением и волею их адептов и магов дайдждзины, великие духи, открывают вопрошающим всю их судьбу. Я тотчас же вообразил, что ямабуши собирался вызвать такого духа, чтобы тот отвечал на мои вопросы. То, что случилось, однако, в действительности, оказалось совершенно неожиданным.

Не без некоторого отвращения в душе, вызванного глубоким чувством глупости того занятия, которому предаюсь, я прикоснулся к этому зеркалу и внезапно испытал странное ощущение в предплечье руки, которой держал зеркало. На короткое мгновение я забыл о

своей позиции презрительного наблюдателя и не мог с насмешкой относиться к происходящему. Неужели это страх овладел моим мозгом, на мгновение парализуя его,

... тот страх, который сердце жжет,
Желающее знать, что смерть несет.

Нет, я продолжал убеждать себя, что из этого эксперимента ничего не выйдет, что вообще ни один разумный человек не может поверить в такое. Что же это было? Какое-то странное ледяное существо проползло в моем сознании и вызвало в моей душе чувство невыразимого ужаса, словно ядовитая змея впилась в мое сердце. Моя рука судорожно дернулась, и я уронил зеркало, — краснея от стыда, не могу добавить эпитет «магическое» — и никак не мог заставить себя поднять его с кушетки. Какое-то мгновение во мне происходила ужасная борьба между неопределенными и совершенно для меня непонятными силами — желанием заглянуть в глубины этого отполированного зеркала и моей гордыней, которую, казалось, ничто не могло победить. В конце концов желание посмотреть возобладало, и мятеж гордыни был подавлен желанием бросить вызов ей же самой. На лакированном столике лежала книжка европейского романа, она была открыта. Мой взгляд случайно упал на ее страницы, и я прочел слова: «Покров, скрывающий от нас будущее, соткан любящей рукой». Этого было достаточно. Гордыня, до сих пор удерживавшая от унизительного суеверного эксперимента, теперь заставила меня бросить вызов судьбе. Я поднял зловеще сверкающий диск зеркала и приготовился заглянуть в него.

Пока я смотрел в зеркало, ямабуши сказал поспешно и тихо несколько слов бонзе Тамуре, а я тотчас же окинул обоих быстрым и подозрительным взглядом, но был снова пойман на несправедливости.

— Святой муж, — сказал бонза, — желает, чтобы я задал вам вопрос и в то же время дал бы вам предостережение. Если вы решились видеть то, что вы так желаете, сами и теперь же, то вам придется подвергнуться ритуальному процессу очищения, после того как вы узнаете посредством зеркала всю правду. Иначе вы обречете себя в будущем и до конца вашей жизни видеть все касающееся вас, — а иногда даже и не прямо касающееся — и происходящее на каком бы то ни было от вас расстоянии, и против вашей воли. Вследствие этого, он и просит вас согласиться на обряд очищения, так как он никогда не мог бы простить себе впоследствии, что не предупредил вас заранее. Он считал бы себя виноватым в том, что, поступив согласно с вашим желанием, он тем самым превратил вас в невменяемого ясновидящего. Согласны ли вы, друг, дать ему такое обещание?

— Об этом будет время подумать после, когда — или скорее если — я что-нибудь увижу, — уклончиво ответил я и подумал: — А в этом-то именно я пока весьма сомневаюсь.

— Очень хорошо; только не забывайте, друг, что вы получили предостережение. Последствия да останутся с этой минуты на вашей совести...

Я взглянул на стенные часы, и у меня вырвался жест нетерпения, ясно понятый ямабуши. Было ровно семь минут шестого.

— Определите мысленно и с величайшей точностью то, что вы желали бы видеть и узнать, — сказал он,

передавая мне в руки зеркало и исписанный им лоскуток бумаги с наставлением, как с ними поступить.

Я выслушал его пояснения скорее с нетерпением, чем с благодарностью, и на какое-то мгновение сомнение снова овладело мной. Тем не менее я ответил ему, устанавливая зеркало в нужном положении:

— Я желаю одного — узнать причину, почему моя сестра так внезапно перестала ко мне писать.

Произнес ли я эти слова громко и в присутствии моих двух свидетелей или же только мысленно?... До сего дня этот вопрос остался для меня неразрешенным. Вспоминаю ясно лишь одно: пока я сидел, вперяя глаза в зеркало, ямабуши, в свою очередь, не сводил с меня глаз. Но длилось ли это три секунды или же три часа, я никогда не мог бы решить... если бы не одно обстоятельство, случившееся после того, как я уже пришел в себя, о котором скажу далее. Я могу дать себе отчет в происшедшем только до той минуты, когда, твердо обхватив зеркало левой ладонью и пальцами и держа бумагу с мистическими письменами между указательным и большим пальцами правой руки, — я потерял внезапно и без малейшего, казалось, перехода всякое сознание об окружающих меня предметах. Этот переход от деятельного состояния бдения к такому, которое мне невозможно объяснить на словах тому, кто никогда сам не испытывал чего-либо подобного, — был так быстр, что в то самое время когда мои глаза вдруг перестали видеть перед собою бонзу, ямабуши и даже комнату, а я сам, как мне казалось, лишился всякого сознания о внешних предметах, — я все-таки продолжал ясно видеть (к своему удивлению впоследствии, но не тогда) собственную наклоненную над зеркалом голову и часть спины лежащей на диване фигуры, ко-

торая тоже оказалась моею. Затем я почувствовал сильный, словно произвольно данный мне, мною самим, толчок вперед, — будто я оторвался от самого себя и с занимаемого мною на диване места, — и тогда как все прочие чувства оставались в полном бездействии, как бы парализованные, мои глаза, как мне показалось, вдруг совершенно неожиданно остановились на никогда не виданном, никогда не посещаемом мною доме сестры, в Нюрнберге, в который она переехала после моего последнего визита к ней в Европу. Да, я видел ясно — гораздо яснее теперь, нежели в моем представлении о нем по письмам, — этот новый ее дом, как и разные другие, также до того времени незнакомые мне местности. Вместе с этим и с чувством как бы потухающего сознания в мозгу — умирающие так должны чувствовать — моя последняя, неясная мысль, столь слабая, что я едва ее мог уловить, была о том, что я должен был казаться присутствующим, в положении сомнамбулы, очень, очень смешным!

Однако это «чувство», поскольку это было скорее чувство, чем мысль, вскоре прервалось, будто внезапно погасло. Его закрыл внутренний образ (я не могу назвать это иначе) меня самого или, по крайней мере, того, что я почитал собой, а точнее своим телом, которое лежало с посеревшим лицом на кушетке, словно мертвое, не способное отозваться ни на какое проявление внешней жизни, но все еще уставившееся холодным остекленевшим взглядом трупа в зеркало. Наклонившись над моим телом, стоял высокий ямабуши, протянув свои иссохшие руки перед собой и разрезая ими воздух над моим бледным лицом. В это мгновение я почувствовал непреодолимую, смертельную ненависть к этому человеку. Когда мне показалось, что я уже готов

был броситься на этого подлого шарлатана, мой труп, комната и все, что в ней было, задрожали и заблистали в красноватом мерцающем свете и быстро поплыли от «меня» прочь. Перед моим «зрением» промелькнуло еще несколько гротескных искаженных теней, и вот с последним угасающим всплеском ужаса, невероятным усилием пытаясь понять, кто же я теперь, я почувствовал, что на меня опускается огромный занавес темноты, который покрыл меня своим могильным саваном, и последние мысли умерли во мне.

IV
Ужасные видения

Как странно... но где же я теперь?... Было очевидно, что я уже пришел в себя, так как я живо сознавал, что двигаюсь вперед, ощущая вместе с тем, будто без всякого для того с моей стороны произвольного усилия и даже желания я плыву в совершенной мгле. Первая поразившая меня мысль, скорее инстинктивная, нежели вследствие какой-либо причинности, — была та, что я нахожусь в длинном подземном проходе, полном воды, земли и удушливого воздуха, хотя телесно у меня не было ни представления, ни ощущения касательно присутствия или какого-либо соприкосновения с тем или другим элементом. Я попробовал повторить громко свою последнюю фразу: «Я желаю одно: узнать причину, почему моя сестра так внезапно перестала ко мне писать», — но из этих четырнадцати слов единственными явно расслышанными мною были два «желаю одно», да и эти, вместо того чтобы прозвучать из собственной гортани, дошли до меня, правда, произнесенные собственным моим голосом, но как бы совершенно вне меня, где-то близко, но не из меня. Одним словом, они были произнесены моим голосом, но не мною, не моими устами...

Еще одно быстрое, непроизвольное движение, еще раз я ныряю в непроницаемую тьму незнакомого мне элемента, и я вижу себя стоящим — буквально стоящим, — как мне показалось, в какой-то подземной яме. Я был плотно окружен со всех сторон, над головою и под ногами, направо и налево, землею, но невзирая на это прикосновение, я не испытывал никакой

тяжести, и эта земля казалась моим физическим (как я тогда думал) чувствам совершенно невещественной и прозрачной. Мне ни на одну секунду не представилась в то время вся нелепость, скажу более — невозможность такого только кажущегося факта! Еще мгновение, одно короткое мгновение, и я заметил — о, невыразимый ужас, когда я думаю об этом теперь, потому что тогда, хотя я и видел, сознавал и запоминал в уме все факты и события с гораздо большей, нежели когда-либо в другое время, ясностью представления, я, однако, не чувствовал себя ни тронутым, ни пораженным тем, что я видел, — я заметил у моих ног гроб. То был простой, сколоченный из досок, голый гроб, последнее ложе бедняка, в котором, невзирая на его плотно заколоченную крышку, я ясно различал отвратительный, с оскаленными зубами череп и весь исковерканный, сломанный и на многие части разбитый мужской скелет, который, казалось, был вынесен из залы пыток усопшей инквизиции, где его злополучный владелец был истолчен в порошок страшными орудиями этого средневекового «святого» учреждения.

«Кто бы это мог быть?..» — подумал я. В эту минуту я снова услыхал свой голос... «Знать причину...», — произнес он эти слова так, как будто бы они были непрерывным продолжением одной и той же сказанной мною и теперь повторяемой фразы. Голос звучал близко, и вместе с этим словно он раздавался где-то далеко, невообразимо далеко, на другом конце земного шара, вынуждая меня к впечатлению, что все это долгое подземное странствование, последующие за сим размышления и открытия не имели никакой продолжительности, были совершены в короткий, почти мгновенный интервал времени между первыми и средними словами произне-

сенного мною желания; что они были начаты, во всяком случае, если в сущности и не произнесены вслух, моим голосом в Японии, и теперь только окончены.

Безобразные, изуродованные останки начали постепенно шевелиться под моим устремленным на них взглядом. Они преображались, принимали для меня все более и более знакомый образ. Не торопясь и как бы с большой аккуратностью, разбитые части соединялись одна с другою. Кости покрылись плотью, и с чем-то похожим на удивление, но без малейшего чувства горя или даже волнения, я узнал в этих искалеченных останках Карла, мужа моей дорогой сестры, родного зятя. «Но как же это случилось, как мог он дойти до такой, по-видимому, ужасной смерти?» — задал я мысленно себе вопрос; а то состояние, в котором я тогда находился, очевидно, давало возможность к немедленному исполнению всякого моего желания.

Едва эта мысль промелькнула у меня в уме, как я увидел, словно в панораме, давно, как видно, прошедшую картину событий смерти бедного Карла во всей ее ужасающей реальности и до малейшей из ее страшных подробностей. Вот он стоит передо мною полный жизни и сил, надежд и радости, только что получивший от своего принципала доходное место. Он рассматривает громадную, только что полученную лесопильную машину на их заводе; пробует в первый раз присланное из Америки чудовище, и оно пыхтит, ревет и начинает двигаться под все увеличивающейся силою пара. Он наклоняется над нею, чтобы лучше рассмотреть механизм внутренних колес и завинтить покрепче винт. Полы его рабочего платья попадают между зубцами крутящихся на полном ходу колес, и он мгновенно втягивается, потеряв равновесие, и падает вниз... Он

скручен и истерзан в одно мгновение ока; и прежде, нежели незнакомые с механизмом рабочие могут остановить ее, машина-чудовище уже отпилила и отбросила его ноги в отдел готовых досок! Его вынимают или, скорее оставшиеся от него куски — мертвого, истерзанного в клочки, ужас наводящей, какой-то неузнаваемой массой еще трепещущего мяса и крови! Я следую за его останками, сложенными под куском полотна на ручной тачке, которую тихо катят перед собою двое бледных, растерянных рабочих. Его отвозят в госпиталь, но тут раздается грубый голос лазаретного надсмотрщика, приказывающего свести эту «вещь» обратно, откуда взяли, домой, к вдове и сиротам, которые, быть может, примут на себя его похороны. «В больницы мертвых не принимают». Снова я следую за этой процессией смерти, и нахожу веселое, ничего не подозревающее семейство в небольшой чистой столовой: оно ждет мужа и отца к обеду. Я вижу мою сестру, дорогую и многолюбимую, и остаюсь равнодушным зрителем сцены, чувствуя одно тупое любопытство узнать, чем все это кончится. Мое сердце, чувства, даже моя личность будто совершенно исчезли, передались другому, которому они теперь и принадлежат, тогда как я сам, в своей новой личности, стою равнодушный и смотрю на разыгрывающуюся передо мною драму. Я вижу, как неприготовленная к постигшему ее несчастию сестра моя получает неожиданное известие. Я сознаю, мгновенно и безошибочно, без малейшего колебания, последствия этого ужасного для нее удара и с любопытством слежу за происходящим в ней занимательным внутренним психофизиологическим процессом. Слежу и запоминаю все до малейшей подробности, не забывая ничего.

Я слышу, во-первых, пронзительный, долгий, отчаянный крик, потом произнесенное сестрою мое имя, а затем глухой звук от тяжелого падения живого на останки мертвого тела. Далее я слежу за быстрыми, почти неуловимыми изменениями в ее мозгу и внимательно наблюдаю за червеобразным ускоренным и до чрезмерности напряженным движением трубчатых фибров; за мгновенной переменой цвета в головной оконечности нервной системы, за переходом волокнистого вещества нервов из белого в ярко-красный, а затем и в темно-красный, синеватый цвет. Замечаю, как внезапно вспыхивает фосфорическая, необычайно блестящая лучезарность в ее мозговой оболочке, вижу, как она мерцает, снова вспыхивает, дрожит, темнеет и, окончательно исчезнув, как все вокруг нее потухает... За этим наступает мрак — полнейшая, без малейшего проблеска в области памяти мгла, увеличивающаяся все более и более по мере того как эта лучезарность, все удлиняясь и принимая, наконец, призрачную форму тела, вдруг как бы проскользнув через темя из головы, рассеивается и исчезает, а я говорю про себя: «Это — безумие, неизлечимое, на всю оставшуюся жизнь помешательство, потому что принцип рассудка не временно заснул, но оставил свое хранилище навеки». И за этой мыслью я снова и в третий раз слышу мой далекий и вместе с тем близкий «голос», произносящий возле меня с особенным ударением слова: «...Почему моя сестра так внезапно перестала ко мне писать»... Но еще до окончания последнего слова я вижу перед собою длинный, почти нескончаемый ряд несчастных событий.

Я вижу мать семейства, вследствие постигшего ее удара, беспомощной, неизлечимой идиоткой в палате

умалишенных при городской больнице, а детей в приюте нищих сирот. В довершение всего, я вижу племянников, мальчика пятнадцати лет и девочку, годом моложе, моих двух любимцев, взятых в услужение незнакомыми людьми. Шкипер купеческого судна увозит первого, а старая жидовка удочеряет слабую здоровьем девочку. Да, я вижу все эти события со всеми леденящими кровь подробностями.

Заметьте: если я употребляю такие выражения, как «леденящие кровь», «ужасные» и т.д., они являются выражением лишь последующих моих чувств. Во все время вышесказанного видения я не ощущал ни горя, ни жалости. Чувства мои были, как уже сказано, парализованы так же, как и наружные ощущения. Только вернувшись «назад», я осознал во всей полноте весь ужас моих утрат.

Многое из того, что я так страстно отрицал тогда, теперь, благодаря собственному печальному опыту, я должен признать. Если бы мне сказали в то время, что человек может действовать, думать или чувствовать независимо от его мозга или органов чувств, скорее благодаря какой-то таинственной, по сей день непонятной силе, если бы кто-то сказал мне, что меня в уме могло перенести за тысячи миль от моего тела, чтобы я стал свидетелем не только настоящего, но и прошедшего и запомнил увиденное, поместив его в свою память, — я бы, наверное, объявил этого человека сумасшедшим. Увы, теперь я уже не смог бы сделать этого, потому что теперь я сам стал тем самым «сумасшедшим». Десять, двадцать, сорок раз в течение всей этой несчастной жизни мне пришлось испытать и пережить такие моменты существования вне моего тела. Да будет проклят тот час, когда эта ужасная сила была про-

буждена во мне! У меня даже нет последнего утешения: отнести эти события к душевной болезни. Когда сумасшедшие бредят и видят то, чего нет, они видят это в том мире, к которому они не принадлежат. Мои же видения всегда оказывались точными. Но вернемся к моему печальному рассказу...

Едва я успел увидеть свою племянницу в ее новом израильтянском семействе, как снова почувствовал такой же толчок, как и тот, что заставил меня плыть (как мне показалось) над земною поверхностью. Я открыл глаза, и первый бросившийся мне в глаза предмет случайно и безо всякого на то с моей стороны желания — были стенные часы. Стрелки показывали ровно семь с половиною минут шестого!..

В продолжение одной или двух секунд я ничего не помнил из виденного мною. Интервал между временем, когда я взял из рук ямабуши зеркало, и моим последним взглядом на часы, казался мне слившимся в одно, и я только что приготовился просить ямабуши поспешить с его опытом надо мною, когда с быстротою молнии полное воспоминание о случившемся вдруг мелькнуло у меня в уме, обдав мозг словно кипятком. Испустив крик ужаса и отчаяния, я почувствовал, будто на меня свалилась, раздавливая своею тяжестью, вся вселенная. С минуту я оставался безмолвным, чувствуя себя олицетворением человеческой развалины среди целого мира смерти и опустошения. Биение сердца остановилось; я задыхался. Свершилась моя судьба, и безрассветная мгла покрыла навеки будто траурной пеленою весь остаток моей жалкой жизни.

V
Возвращение сомнений

Но затем так же быстро, как и мое отчаяние, явилась реакция. Сомнение закралось в душу, которое и разгорелось немедленно в свирепое желание отвергнуть возможность действительности всего увиденного мною; упрямое решение взирать на случившееся как на пустой, бессмысленный сон, на эффект расслабленного долгим беспокойством воображения. Дух отрицания овладел мною неудержимо. Да, то было лишь лживое видение, нелепый фокус, произведенный с моими чувствами, вдруг представившими мне картины смерти и страдания вследствие целых недель и месяцев моего нравственного и нервного состояния.

— Как мог я видеть все то, что я видел и слышал, в менее нежели полминуты?! — воскликнул я.

Одна только теория о сновидениях, быстрота, с которой вещественные изменения — от коих зависят идеи в наших снах — возбуждаются в гемисферических наростах, может объяснить тот длинный померещившийся мне ряд событий в такой короткий интервал времени. В одних сновидениях может так бесследно исчезать и уничтожаться всякое отношение между пространством и временем. Ямабуши ни при чем в этом неприятном кошмаре. Он воспользовался и пожинает лишь то, что посеяно мною самим; посредством какого-то адского, тайного, одним этим обманщикам известного зелья ему удалось заставить меня впасть на несколько секунд в бесчувственное состояние и вообразить видение — отвратительное и ужасное, но настолько же и лживое!.. Прочь от меня такие мысли! Я им не верю...

Еще несколько дней терпения, и в Европу должен отправиться пароход... Завтра же я уезжаю из Киото!

Этот бессвязный монолог я проговорил громко, невзирая на присутствие моего уважаемого друга Тамуры и ямабуши. Последний стоял передо мною в той же позе, когда вручил мне зеркало, и продолжал глядеть на меня, или правильнее выражаясь, глядеть сквозь меня — спокойно и в величавом молчании. Бонза, добродушное и кроткое лицо которого выражало самое искреннее ко мне участие, приблизился ко мне, точно к больному ребенку, и ласково положил свою руку на мою:

— Друг, — сказал он, — вы не должны уезжать отсюда до полного очищения от соприкосновения с низшими духами — дайдж-дзинами и не приняв мер к ограждению вашей души от нападений этих неразвитых темных сил природы. Вы должны позволить нам запереть вход к ней... Не теряйте же времени и позвольте святому мастеру, стоящему перед вами, очистить вас немедленно.

Вместо благодарности он получил от меня суровый и грубый отказ, поток насмешек над его идеей, что я способен усмотреть в этом видении что-либо кроме пустого сновидения, а в ямабуши — нечто более наглого фокусника.

— Я выезжаю завтра же, даже если бы мне пришлось для этого потерять все мое состояние! — воскликнул я.

— Вам придется раскаиваться целую жизнь, если вы оставите Киото прежде, чем очиститесь от влияния темных сил... А это может быть совершено только этим святым старцем!.. — испуганно уговаривал меня бонза. — Дайдж-дзины всегда настороже у открытых дверей, и они вас одолеют!..

Я прервал его грубым смехом и еще более грубо осведомился о размере платы, должной мною этому «святому старцу» за сделанный им надо мною опыт.

— Ему не нужны ваши деньги, — получил я в ответ. — Он принадлежит к самому богатому в мире Братству; члены его ни в чем не нуждаются, возвысясь надо всем земным, а стало быть, и над жаждою богатства. Не оскорбляйте кроткого и доброго человека, который пришел к вам на помощь единственно из чистого сострадания к вашему горю и с желанием облегчить его...

Но я отказался внимать этим разумным и мудрым речам. Дух гордости и возмущения овладел мною неудержимо, заставил забыть всякое чувство личного уважения и дружбы и довел меня до забвения простого приличия. Счастьем было для меня то, что когда в бешенстве я повернулся к престарелому аскету с намерением выгнать его из дома как обманщика, его уже не было в комнате.

Я не заметил, как он вышел, а позднее вспомнил, что, решившись подвергнуть себя его чарам, сам запер входную дверь на ключ, который и лежал на столике нетронутым. Как мог он выйти? Но в ту минуту я приписал его исчезновение трусливому бегству вследствие того, что я вывел его на чистую воду.

О безумный, слепой, тщеславный идиот! Зачем отказывался я тогда признать могущество ямабуши, как не понял, не осознал я в ту роковую для меня минуту, что с его удалением разрушалось навеки спокойствие целой жизни моей!.. Но я не сознавал в то время ничего подобного. Даже роковой демон, вызвавший всю эту сцену — неизвестность о судьбе любимых, — оказался теперь вполне покоренным более могущественным

бесом, хотя и неразумнейшим из всех, — слепым скептицизмом. Тупое, болезненное неверие, упрямое отрицание очевидности собственных чувств и непоколебимая решимость взирать на все видение как на фантазию моего усталого, измученного догадками мозга, овладели мною бесповоротно. Так велико было мое ослепление, что я даже не обратил внимания на благоразумный совет моего старого друга бонзы, советовавшего мне телеграфировать нюрнбергским властям о моем скором приезде и, в случае какого-либо несчастия с родителями, просить их приказать присмотреть за детьми. Я отверг совет с полным презрением. Последовать ему равнялось сознанию, что в моем глупом видении могла быть хоть какая-то доля правды, что я допускал возможность прозревать события на другом конце света внутренним душевным зрением (нелепое выражение!), и что в том, наконец, что мне пригрезилось, было нечто более химеры пустого сновидения.

— Мой разум, моя душа, — рассуждал я, отвечая на увещевания бонзы, — что такое все это в сущности? Неужели же мне следует, по-вашему, уверовать наравне с суеверными глупцами, что это произведение фосфора и старого мозгового вещества есть высшая часть самого меня; что оно действует и зрит помимо моих физических чувств? Никогда и ни за что! Так же, как я никогда не смогу поверить в «мудрость» планет астрологии или в «дайдж-дзина». Как я могу признаться в том, будто верю, что Юпитер, Солнце, Сатурн и Меркурий — это действующие силы? И эти достойные силы управляют каждая своей сферой, и эти сферы заботятся о судьбах смертных? Разве могу я всерьез считать, что какие-то воздушные бестелесные образования могли руководить моей «душой» во время этого неприятного

сновидения? Да я с отвращением смеюсь при одной только глупой мысли об этом. Я считаю оскорбительным для моего интеллекта и для силы человеческого разума говорить о невидимых существах, о субъективных знаниях и тому подобных сумасшедших суевериях.

Короче говоря, я попросил своего друга бонзу избавить меня от ненужных споров и тем самым сохранить нашу дружбу.

Вот так я безумно и страстно спорил с почтенным японцем, стараясь изо всех сил заставить его поверить в то, что внезапно сошел с ума. Но его поразительное терпение оказалось более чем равным моей глупой страсти. И он еще раз стал умолять меня ради будущего позволить провести над собой определенные и необходимые очистительные обряды.

— По-моему, — продолжал я, перефразируя известное изречение Рихтера, — «все же лучше жить в воздухе, разреженном донельзя воздушным насосом здорового неверия», нежели «в густом тумане глупого суеверия»! Не верю и не хочу верить! — повторял я, — но так как мне становится более не под силу бороться с такою неизвестностью о судьбе сестры, то я и еду в Европу...

И я действительно уехал спустя три дня, не видав более моего приятеля бонзу и даже не простясь с ним. Он, очевидно, чувствовал себя огорченным, быть может, серьезно оскорбленным моими более нежели непочтительными, грубыми и обидными отзывами о человеке, которого он так справедливо почитал; и его последние слова прощания в тот навеки памятный мне вечер были:

— Друг, молю, чтобы вам не пришлось раскаяться в своем неверии и опрометчивости. Да простит и охранит вас благословенная Кван-Он (богиня милосердия)

от злых дзинов (духов) — потому что теперь, когда вы напрямик отказываетесь подвергнуть себя очистительному обряду, предлагаемому вам святым ямабуши, более не в его воле охранить вас от дурного влияния темных сил, вызванных вашим неверием и презрением к истине. Простите. Но позвольте мне в час прощания просить, умолять вас выслушать старика, который желает вам добра и хочет предупредить об опасности, убедить вас в существовании вещей, о которых вы до сих пор ничего не знаете. Могу ли я говорить?

— Продолжайте и говорите все, что хотите сообщить, — грубо согласился я. — Но позвольте предупредить вас в свою очередь, что ничего из того, что вы можете сказать сейчас, не заставит меня поверить в ваши позорные суеверия, — добавил я с чувством жестокого удовольствия, которое доставило мне еще одно бессмысленное оскорбление.

Но этот прекрасный человек не обратил внимания на новые насмешки. Я никогда не забуду торжественной серьезности его прощальных слов и сочувствующего, полного раскаяния выражения его лица, когда он понял, что все его просьбы бесполезны и его доброжелательное вмешательство только погубило меня.

— Прислушайтесь к моим словам, мой добрый господин, — начал он, — и узнайте, что если этот святой и почтенный человек, который открыл ваше «зрение души», чтобы избавить вас от переживаний, не завершит работу, ваша будущая жизнь вряд ли будет достойна называться жизнью. Ему нужно защитить вас от невольных видений такого же рода. Если вы не согласитесь на это по собственной воле, то останетесь во власти сил, которые будут держать и преследовать вас, доводя до безумия. Знайте, что «развитие дальнего видения»

(ясновидение) доступно по собственной воле лишь тому, от кого у Матери Милосердия, великой Квон-Он, нет тайн. Начинающие должны обращаться за помощью к воздушным силам (первоначальным духам), которые по природе своей бездушны и поэтому злобны. Знайте также, что лишь Архат (поражающий врага) подчинил себе эти существа, превратив их в своих слуг, и ему нечего бояться. Те же, кто над ними не властны, становятся их рабами. Нет, не смейтесь в своей великой гордыне и невежестве, но слушайте дальше. Во время видения и в то время, когда внутренние органы чувств видящего направлены на восприятие событий, которые его интересуют, дайдж-дзин полностью овладевает им, если он, как и вы, неопытен, и в это время видящий перестает быть самим собой. Пока человек находится в этом состоянии, дайдж-дзин, который направляет его внутренний взор, надолго делает его душу низкой и подлой, превращая его на этот промежуток времени в существо, подобное ему самому. Лишаясь божественного света, человек становится бездушным. Пока он связан с дайдж-дзином, он не будет знать человеческих чувств — ни жалости, ни страха, ни любви, ни милосердия.

— Подождите! — невольно воскликнул я, так как его слова ясно вызвали в моей памяти то равнодушие, с которым я смотрел на отчаяние сестры и внезапную потерю разума, которую она пережила во время моей галлюцинации. — Подождите... Ну нет, это было бы еще большим безумием для меня прислушиваться или искать какой-то смысл в вашей смехотворной истории! Но если вы знали, что это будет так опасно, почему вы посоветовали мне провести этот опыт? — добавил я насмешливо.

— Опыт должен был продолжаться всего несколько секунд и не причинил бы вам никакого зла, если бы вы сдержали свое обещание и позволили провести обряд очищения, — последовал печальный и скромный ответ. — Я желал вам добра, друг мой, сердце мое разрывалось при виде ваших страданий, которые усиливались с каждым днем. Этот опыт безвреден, если его проводит тот, кто знает, и становится опасным, когда последней предосторожностью пренебрегают. Тот самый Владыка Видений, который открыл вход вашей души, должен сам закрыть его, воспользовавшись особой печатью очищения, которая защищает от дальнейших, уже намеренных вторжений...

— Владыка Видений! Вы только послушайте! — вскричал я, грубо обрывая его, — сказали бы лучше: Владыка Обмана!

Его доброе старое лицо стало таким печальным, в нем была такая боль, что я понял, что зашел слишком далеко, но было поздно.

— В таком случае, прощайте! — сказал старый бонза, поднимаясь. И, совершив обычный церемониал вежливого прощания, Тамура вышел из моего дома в молчании, исполненном достоинства.

VI
Я уезжаю, но не один

Несколько дней спустя я отплыл из Японии. Все это время я не видел моего почтенного друга бонзу. Очевидно, в тот последний, навеки памятный для меня вечер он был действительно серьезно обижен моим более чем непочтительным обхождением и оскорбительными замечаниями о человеке, которого он почитал. Мне было жаль его, но колесо страсти и гордыни непрерывно вращалось во мне и не позволяло хотя бы на мгновение почувствовать раскаяние. Что же это было, что заставляло меня так наслаждаться своим гневом? Как только я на какое-то мгновение забывал о предполагаемой обиде, которую нанес мне ямабуши, я тут же словно плеткой подхлестывал свой искусственный гнев. Ведь он совершил только то, что от него ожидали, и то, на что я молчаливо согласился; более того, я сам лишил его возможности сделать для меня больше ради моей же собственной безопасности. Если бы я только поверил бонзе, человеку, которого считал совершенно честным и надежным. Может быть, это было сожаление о том, что моя гордость вынудила меня отказаться от предложенных предосторожностей, или страх раскаяния, который заставлял меня в те долгие часы выкапывать и собирать в кучу малейшие подробности предполагаемых оскорблений, которые были нанесены моей самоубийственной гордыне? Раскаяние, как правильно отметил один старый поэт, похоже на сердце, в котором они рождаются:

...когда в душе печаль и гордость,
Оно, как и анчар, стрелой пронзенный,
Лишь кровью плачет...

Возможно, страх перед чем-то подобным стал причиной моего упрямства и, бросая мне вызов, позволил простить себе ничем не спровоцированные оскорбления, которыми я осыпал моего доброго и всепрощающего друга бонзу. Однако было уже поздно, и вернуть свои слова я уже не мог, поэтому мне пришлось удовлетвориться лишь тем, что я пообещал себе послать ему дружеское письмо, как только доберусь до дома. Глупцом, слепым глупцом, вдохновленным собственным наглым самодовольством, вот кем я был! Я был настолько уверен, что мое видение — результат какого-то трюка ямабуши, что уже злорадно предвкушал, с каким торжеством я напишу бонзе о том, что вполне справедливо отвечал на его горькие слова прощания презрительной усмешкой, так как и моя сестра, и ее семья были здоровы и счастливы!

Но я не пробыл в море и недели, когда случилось нечто такое, что заставило меня невольно вспомнить их! С самого дня описанных мною событий видения (в зеркале) я стал замечать в себе большую перемену, как нравственно, так и физически, но постоянно приписывал ее сильному беспокойству, повлиявшему на мое здоровье и нервную систему. Часто, среди многолюдного общества пассажиров, даже днем, неожиданно и безо всякой к тому причины я внезапно терял на несколько минут сознание об окружающих меня особах и о том, где я находился, и видел себя в других, незнакомых мне местах. Ночи я проводил беспокойно, а когда засыпал, то являющиеся мне сновидения были

тяжелые, часто перемешанные с ужасными сценами. Моряком я был хорошим, в том смысле, что не знал, что такое морская болезнь, да к тому же и наше путешествие выдалось необычайным в этом отношении: во все время погода стояла чудесная, а море было глаже всякого пруда. Несмотря на это, со мной часто происходили странные головокружения, и в такие минуты знакомые мне физиономии пассажиров принимали самые безобразные и смешные выражения и даже преобразовывались (в моих глазах) совсем в другие лица. Так, один хорошо знакомый со мною юный немец вдруг превратился передо мною в своего отца, похороненного нами три года до того на маленьком кладбище европейской колонии в Киото. Мы разговаривали с ним стоя у борта, на палубе, о делах его покойного родителя, когда вдруг голова Макса Грюннера показалась мне покрытой точно беловатой плевою, а сам он — окруженным густым сероватым туманом, который, как бы оклеив его наружно с ног до головы каким-то прозрачным веществом и покрыв все черты его здорового, цветущего лица словно слепком, вдруг сгустился и преобразовался в старую, желтовато-бледную голову, похороненную на моих глазах. В другой раз я увидал возле капитана, рассказывавшего нам историю одного пойманного им и засаженного в тюрьму малайца, вора и убийцу, желтое, безобразное лицо, в котором я мысленно признал последнего. Я никогда не говорил о подобных галлюцинациях: по мере того как они учащались, я чувствовал себя очень встревоженным, хотя и продолжал относить их к вычитанным мною в медицинских книгах естественным причинам.

В одну ночь я был внезапно разбужен громким и пронзительным криком: то был женский голос, жа-

лобный, как у ребенка, полный ужаса и беспомощного отчаяния. Я проснулся и тут же очутился в незнакомой мне комнате, на суше, и свидетелем следующей омерзительной сцены. Молодая девушка, почти еще ребенок, отчаянно боролась с сильным мужчиной средних лет, проникшим ночью с недобрым намерением в ее комнату во время ее глубокого сна. За запертою — на ключ — дверью, я заметил прислушивающуюся старуху, лицо которой, невзирая на его тогда искаженное, почти демоническое выражение, показалось мне знакомым: то была еврейка из моего видения в Киото! Я тотчас узнал и ее, и ее самые затаенные мысли. Она получила много золота за помощь в совершении ужаснейшего преступления и теперь оставалась верной своей роли в этой драме разврата. Но кто же жертва? Проклятие!.. Невообразимый ужас!.. Только позднее, придя в себя, в пароходной каюте, я сообразил тотчас же, что это была моя родная племянница, девочка-сирота, и что я приеду слишком поздно!

Но, как и в первом моем видении, глядя на страшную разыгранную передо мною сцену, я ничего не чувствовал: ни отчаяния, ни сострадания, ни даже простой жалости или отвращения. В такие минуты во мне замирало всякое родственное чувство при виде несправедливости и причиняемого любимым мною особам страдания, замирало все, кроме естественного и столь знакомого всякому честному человеку чувства негодования, овладевающего им, когда он делается свидетелем злоупотребления грубой силой в отношении слабого, беззащитного существа. Я бросился, конечно, к ней на помощь и вцепился в горло распутному, грубому животному. Я стиснул его шею как в тисках, но, к моему неописуемому изумлению, он, казалось, и не заметил

моего нападения, не чувствовал моей сильной руки, даже не обратил на меня внимания! Низкий преступник, видя как бьется, сопротивляясь ему, его невинная жертва, поднял в бешенстве свой мощный кулак и одним ударом, направленным в золотокудрую головку, он поверг бедного окровавленного ребенка на землю. С громким криком негодования, с рычанием защищающей детеныша тигрицы я прыгнул на негодяя, стараясь задушить его. Но тут только, и впервые, я осознал с чувством незнакомого мне дотоле страха, что я был только тенью, старавшейся схватить другую, такую же тень!

Мои пронзительные крики и проклятия разбудили всех пассажиров. Их отнесли к кошмару. Я не старался разубедить их, не повторял никому своих странных видений, но с того самого дня моя жизнь сделалась одним длинным рядом нравственных пыток. Я почти не мог закрыть глаз без того, чтобы не сделаться свидетелем какого-нибудь ужасного события, той или другой сцены страдания, смерти или преступления — в прошлом ли, совершенного в минуту видения, или даже будущего, — как я убедился по проверке позднее. Точно какой насмешливый демон задался целью вынуждать меня проходить через длинный ряд панорам всего самого порочного, омерзительного, преступного и грешного в этом мире слез и страданий. Никогда светлый призрак красоты или добродетели не освещал малейшим лучом своим эти картины горя и мучений, в которых я казался обреченным быть невольным свидетелем. Сцены преступления, смертоубийства, измены и разврата проходили нескончаемой ужасной вереницею в моих видениях, сопровождаемые слышным одному мне хохотом демонов, и я был принужден проводить

жизнь лицом к лицу с самыми отвратительными результатами грубых людских страстей, с эссенцией самой материальной земной похоти человека.

Неужели бонза действительно предвидел эти самые страшные последствия, когда он так настаивал на «очищении», говорил о дайдж-дзинах, которым вследствие моего упрямства я оставлял «отпертую в себя дверь»? Бредни!.. Не верю!.. Во мне просто происходит какая-нибудь физиологическая перемена, аномальный беспорядок нервов. Может дома, в Нюрнберге, когда я смогу убедиться, какое фальшивое направление приняли мои опасения, — я уже не смел надеяться на отсутствие всякого несчастия, — эти бессмысленные видения исчезнут так же быстро, как они и явились. Лучшим для меня доказательством служит то, что моя фантазия следует постоянно по одному направлению: я вижу одни картины горя и земных страстей в их худшей, самой грубо-материальной форме.

«Если, как вы говорите, человек состоит из одного вещества — материи, основы физических чувств; а его представления с видоизменениями есть просто результат органического устройства нашего мозга, то в таком случае мы должны весьма естественно быть привлекаемы к одному материальному, грубо вещественному, к земному?» — послышался мне во время одного такого рассуждения голос бонзы, прервавший мои размышления и повторявший часто употребляемый им в наших спорах аргумент.

Я вздрогнул, и тот же голос продолжал раздаваться внутри меня с ясностью, превышающей всякую действительность:

«Для человека существуют в природе два рода видений: в области неумирающей вечной любви и духовных

стремлений, прямо истекающих из вечной лучезарности; и в области беспокойной, вечно изменяющейся материи, в вещественном свете, в которой так любят нежиться и шалить дайдж-дзины...»

VII
Вечность в кратком сновидении

В те дни я не допускал нелепости верования в каких-либо «духов» — хороших, дурных или посредственных. Но я понял значение слышанных мною слов, хотя все еще не верил в существование «духов», продолжая надеяться, что все такие «видения» окажутся подходящими под категорию физического расстройства, то есть просто нервной галлюцинации.

Чтобы подкрепить свое неверие, я постарался восстановить в памяти все аргументы, которые выдвигались против подобных суеверий. Я вспомнил острый сарказм Вольтера, спокойные рассуждения Юма и до тошноты повторял про себя слова Руссо о том, что «суеверие — это нарушитель общественного порядка и с ним нельзя не бороться всеми силами». «Каким образом видения или, скорее, фантасмагории, — приводил я доводы, — то, что в состоянии бодрствования мы находим лживым, вообще оказывают на нас воздействие? Почему

Слова, где смысла нет,
Пугают тем, чего на свете нет?

Однажды старый капитан рассказывал нам о различных суевериях, которые бытуют среди моряков, и надутый английский миссионер заметил, что еще Филдинг объявил: «Суеверия делают человека глупцом», после чего он на мгновение замялся и вдруг замолчал. Я не принимал участия в разговоре, но не успел почтенный миссионер произнести цитату, как я заметил в

небольшом слабом сиянии мерцающего света, который я видел теперь почти постоянно над головой каждого пассажира, продолжение его мысли: «А скептицизм делает его сумасшедшим».

Я слышал и много читал о тех, кто объявляет себя ясновидящими, и о том, что они часто видят мысли людей нарисованными в ауре, которая их окружает. Что бы слово «аура» ни значило для других, теперь я на собственном опыте убедился в истинности этих претензий и почувствовал совершенное отвращение! Я — ясновидящий! В моей жизни появилась еще одна ужасная вещь, еще один глупый и смешной дар развился во мне, который придется скрывать ото всех, поскольку я стыдился его, словно проказы. В этот самый момент моя ненависть к ямабуши и даже к моему почтенному другу бонзе стала непреодолимой. Первый, видимо, выполнил надо мной какие-то манипуляции, пока я лежал без сознания, и коснулся какой-то неизвестной физиологической пружины в моем мозгу. Она соскочила со своего места и теперь пробудила во мне способность, которая в обычном состоянии остается скрытой в человеческом организме, а мой друг сам привел в дом это несчастье!

Но гнев и проклятия были бесполезны и вряд ли могли что-либо изменить. Кроме того, мы были уже в европейских водах и до Гамбурга оставалось всего несколько дней пути. Там все мои волнения и страхи улягутся, и я, к своему большому облегчению, узнаю, что хотя ясновидение как чтение мыслей человека, может быть, и существует, но познание событий на расстоянии, как это случилось в моем сновидении, невозможно для человека. Тем не менее, вопреки доводам разума, сердце мое переполняли страхи и самые черные

предчувствия. Я понимал, что скоро свершится моя судьба. Я очень страдал, и душевное утомление возрастало с каждым днем.

В ночь перед нашим прибытием у меня был очередной сон. Я вообразил, что умер. Мое холодное и неподвижное тело лежало в последнем сне. Умирающее сознание, которое до сих пор считало себя моим «я», поняло, что произошло, и готовилось через несколько секунд прекратить свое существование. Я всегда верил, что мозг сохраняет тепло дольше остальных органов человеческого тела, что он последний прекращает функционировать, и мысль, таким образом, живет на несколько секунд дольше человеческого тела. Поэтому я нисколько не был удивлен, увидев во сне, что мое тело уже перешло через ужасную реку и попало туда, «откуда ни один смертный еще не возвращался», а сознание все еще оставалось в каких-то серых сумерках, первых тенях Великой Тайны. Таким образом, моя Мысль, все еще покоившаяся в моих останках, которые быстро теряли крупицы жизни, с сильным и горячим любопытством ожидала своего распада, то есть своего уничтожения. «Я» спешил испытать свои последние ощущения, пока темный плащ вечного забвения не накрыл меня, пока у меня было время чувствовать и наслаждаться тем великим высшим торжеством, которое давало мне знание того, что мои убеждения, которым я оставался верен всю мою жизнь, были истинными, и что смерть — это полное и абсолютное прекращение сознательного существования. Вокруг меня с каждым мгновением становилось все темнее и темнее. Огромные серые тени проходили перед глазами. Сначала медленно, потом убыстряясь, они замелькали вокруг меня с головокружительной скоростью.

Целью движения, казалось, было всего лишь достижение темноты, и как только цель была достигнута, движение замедлилось. Темнота превратилась в глубокую черноту, движение полностью прекратилось. Мои чувства не воспринимали ничего, кроме этого бездонного черного пространства, темного, как смола. Оно казалось мне таким же безграничным и молчаливым, как безбрежный Океан Вечности, по которому Время, это порождение человеческого мозга, скользит, но никак не может его пересечь.

Катон определил сон как «образ наших надежд и страхов». В состоянии бодрствования я никогда не боялся смерти, и теперь во сне я спокойно и равнодушно отнесся к мысли о своем скором конце. По правде говоря, эта мысль даже принесла мне облегчение, наверное, ее вызвали пережитые мною недавно страдания. Конец всего, всех сомнений, страхов о судьбе тех, кого я любил, мысли об их страданиях, конец всем беспокойствам был близок. Постоянная боль, которая непрерывно терзала мое сердце в течение долгих и утомительных месяцев, сейчас становилась невыносимой. И если, как считает Сенека, смерть — это всего лишь «прекращение того, чем мы были перед этим», то было бы лучше, если бы я умер. Мое тело мертво. Его сознание — это все, что от него остается. Еще несколько мгновений — и я последую за ним. Восприятие моего сознания станет все слабее, все расплывчатее и туманнее, пока желанное забвение не накроет меня полностью своим холодным саваном. Нежна волшебная рука смерти — этого великого утешителя мира. Глубок сон в ее неподатливых руках, его никогда не беспокоят сновидения. Да, действительно, смерть — желанный гость... Это спокойное, мирное убежище среди реву-

щих валов океана жизни, чьи крутые волны тщетно разбиваются о скалистые берега смерти. Счастлив тот, чей одинокий барк входит в спокойные воды ее черного залива после долгого и жестокого шторма, после сердитых ударов внешней, чувственной жизни. Теперь, на вечной якорной стоянке, ему больше не понадобятся ни паруса, ни руль. И мой барк наконец-то обретет покой. Так добро пожаловать, о Смерть, тем более за столь соблазнительную цену! Прощай, мое бедное тело. Хоть я и не пытался ни ублажать тебя, ни доставлять тебе наслаждения, и теперь с готовностью отдаю!..

С этим гимном, посвященным смерти, который я спел над распростертым телом, я наклонился над своими останками и с любопытством их рассмотрел. Я чувствовал, что окружающая темнота почти ощутимо давит меня, и я вообразил, что чувствую в ее прикосновении приближение желанного Освободителя. И все же как странно! Если реальная, окончательная смерть происходит в нашем сознании, если после телесной смерти «я» и мое сознательное восприятие соединяются воедино, почему же мое восприятие не слабеет, почему функции моего мозга кажутся столь активными, как и всегда?... Ведь я, по существу, умер?... И теперь обычное чувство беспокойства не уменьшается, не слабеет, нет, даже более того, оно кажется сильнее!.. Как долго приходится ждать прихода полного забвения!.. А, вот оно, мое тело!.. На одну или две секунды оно исчезло из моего поля зрения, а потом снова появилось. ... Какое оно белое и отвратительное! И все же... его мозг еще не совсем мертв, если «я», его сознание, еще действует, поскольку мы оба до сих пор воображаем, что существуем, что живем и думаем, отделенные от своего создателя и его мыслящих клеток?

Вдруг я почувствовал сильное желание узнать, как долго может продолжаться процесс распада мозга, когда, наконец, последняя печать смерти ляжет на мозг и прекратит его деятельность. Я осмотрел свой мозг в черепной коробке через прозрачные для меня стенки черепа и даже прикоснулся к мозговому веществу. Как я это сделал? Собственными ли руками или нет, я не могу сказать. В этом сновидении на меня очень сильное впечатление произвело ощущение скользкого, чрезвычайно холодного вещества. К моему великому ужасу, я обнаружил, что кровь полностью свернулась, и мозговые ткани настолько изменились, что в них вряд ли возможно какое-либо молекулярное взаимодействие, и теперь я уже не мог объяснить происходящее деятельностью мозга. И вот «я», или мое сознание, что одно и то же, обнаружил себя самого совершенно независимым, отдельным от своего мозга, который больше не мог действовать... Но у меня уже не было времени на размышления. В моих ощущениях произошло новое, необычайное изменение, которое теперь поглотило все мое внимание... Что бы это значило?..

Вокруг меня простиралось прежнее черное непроницаемое пространство, но теперь прямо передо мной, все время прямо передо мной, куда бы я ни поворачивался, оставались гигантские круглые часы, огромный диск которых зловеще сиял на черном эбоните непроницаемого пространства. Когда я посмотрел на этот огромный циферблат и на медленно качающийся маятник, каждое движение которого, казалось, делило вечность на отдельные куски, я увидел тонкие иглы стрелок, которые показывали семь минут шестого... «Это время начала моей пытки в Киото!» — едва успел я подумать о совпадении, как вдруг, к моему невообра-

зимому ужасу, я почувствовал, что снова начинается тот же самый процесс, который мне пришлось испытать в тот памятный и страшный день. Я плыл под землей, быстро пронзая ее черную массу, я снова увидел себя в могиле бедняка и узнал своего зятя в изуродованных останках. Я снова стал свидетелем его смерти, вошел в дом моей сестры, проследил за ее страданиями и увидел, как она сошла с ума. Я снова испытал все это и увидел все до мельчайших деталей, но увы! Мои чувства больше не сковывало спокойное равнодушие, то самое равнодушие, которое в момент первого моего видения оставило меня бесчувственным свидетелем величайшего несчастья, словно я был каменной статуей, у которой нет сердца. Теперь мои душевные муки стали неописуемы и почти невыносимы. Даже то привычное отчаяние и непрекращающееся беспокойство, которое я постоянно испытывал во время бодрствования, теперь в моем сновидении, когда передо мною снова и снова возникали увиденные события, показались мне легким облачком по сравнению со страшными свинцовыми тучами циклона. О, как я страдал среди этого роскошного пира адских мучений. Но теперь я уже не мог опереться на веру в то, что сознание человека умирает вместе с его телом, поскольку в этом видении я убедился в обратном. И это усилило страдания.

Я испытал относительное облегчение, вновь оказавшись после заключительной сцены видения перед огромными белыми часами. Но это продолжалось недолго, длинная заостренная стрелка на колоссальном циферблате показывала семь с половиной минут шестого. Не успел я как следует осознать произошедшее, как стрелка медленно двинулась назад и точно остановилась

на седьмой минуте и ... О моя проклятая судьба!.. Опять повторилась цепь мучительных видений! Я снова плыл под землей и видел, слышал и испытывал все мучения ада! Я прошел сквозь всю душевную боль, которая только может быть известна человеку или дьяволу. Я снова вернулся к тому же самому месту перед циферблатом, после, казалось, вечных страданий, но стрелки на нем за это время, как и прежде, продвинулись только на полминуты. Я смотрел с ужасом, как они опять двинулись назад, и меня снова бросило в пространство. Это продолжалось снова и снова, раз за разом, так что стало казаться мне непрерывной чередой ужасных страданий, у которых не было начала и не предвиделось конца...

Но хуже всего было то, что мое сознание, мое «я», очевидно, приобрело способность утраиваться, учетверяться, даже удесятеряться. Я жил, чувствовал и страдал одновременно в полудюжине разных мест, переживая различные события своей жизни, которые происходили в разное время и при самых различных обстоятельствах, хотя по-прежнему главным оставался мой духовный опыт, полученный в Киото. Таким образом, как в знаменитой фуге «Дон Джованни» высокие душераздирающие ноты арии Эльвиры звучат намного выше всех остальных, но они не мешают развитию мелодии менуэта, песням соблазна и песням хора, так я снова и снова проходил через свои горести, переживая чувство невыразимой боли. Ужаснейшие сцены разворачивались перед моими глазами. Их повторение нисколько не притупляло боли и страданий, и даже в последних моментах и событиях, совершенно не связанных с первыми, эти чувства не становились слабее, и я все переживал заново, ни одно из событий не заслоняло

другое. Это было безумное страдание! Цепочки похожих на контрапункт душевных фантасмагорий были взяты из реальной жизни. И вот, так же как и в видении в Киото, я в течение тех самых тридцати секунд осматривал изуродованные останки мужа сестры, с тем же равнодушием видел ужасное воздействие вести о смерти, и в то же время я испытывал адские муки при виде каждого события, как и тогда в Киото, когда сознание вернулось ко мне. Я слушал философские беседы бонзы, слышал каждое слово, которое он произносил, и снова пытался злобно смеяться над ним. Я снова становился ребенком, потом юношей, слышал сладостные голоса моей матери и сестры, которые упрекали меня, корили за проступки и учили долгу перед всеми людьми. Я снова спасал друга, который чуть было не утонул, и смеялся над его старым отцом, когда он благодарил за то, что я спас душу его сына, что была еще не готова предстать перед Создателем.

— И вы говорите о двойном сознании? Вы, психофизиологи! — вскричал я в момент невыносимого душевного страдания, которое казалось одновременно и физическим, достигая такой силы, что могло бы убить дюжину живых людей. — Вы говорите о физиологических и психологических экспериментах, вы, школяры, надутые и битком набитые гордыней и книжными знаниями! Сейчас я вам покажу вашу лживость...

И вот я снова читал труды великих профессоров и лекторов, разговаривал с ними, с теми людьми, которые привели меня к фатальному скептицизму. И хотя я оспаривал возможность отделения сознания от мозга, я плакал кровавыми слезами над предполагаемой судьбой моих племянников и племянниц. Но самое ужасное было то, что я знал, как может знать только

освобожденное от тела сознание, что все то, что видел в Японии, и то, что я видел и слышал сейчас, было истинным в каждом мгновении и каждой подробности, что это была длинная цепочка отвратительных и ужасных, но все же реальных фактов.

Наверное, в сотый раз мой взгляд был прикован к стрелкам часов. Я успел потерять счет циклам постоянного перемещения в пространстве и возвращения к циферблату, и очень скоро пришел к заключению, что они, эти возвращения, никогда не прекратятся, что сознание все-таки невозможно разрушить, и что эти циклы, их бесконечное повторение будут моим наказанием в Вечности. Я начинал понимать на собственном опыте, как должен себя чувствовать осужденный за грехи. «Разве вечное проклятие математически возможно в непрерывно развивающейся вселенной?» — я все еще находил силы спорить. Да, в самом деле, в этот час все усиливающегося страдания мое сознание, синоним моего «я», все еще было в силах восставать против некоторых претензий теологии, отрицать ее утверждения, отрицать все, кроме самого себя... Нет, я больше не отрицал независимую природу моего сознания, поскольку убедился, что это так, но было ли оно вечно? О, непостижимая и страшная реальность! Если бы ты было вечным, кем бы ты было?! Тогда не было бы божества, не было Бога. Откуда ты пришло и когда появилось, если ты не было частью холодного тела, которое лежит теперь вот здесь, перед тобой, и куда ты привело меня, кто я теперь, и будет ли у нашей мысли и воображения конец? Каково твое настоящее время? О, бездонная, неизмеримая Реальность! Непостижимая Тайна! О, я не могу уничтожить тебя... «Видения души». Кто тут говорит о душе, чей это голос? ... Он

утверждает теперь, что я во всем могу убедиться сам: у человека есть душа... Я отрицаю это. Моя душа, моя живая душа и дух жизни покинули мое тело с его серым веществом мозга. Еще никто не смог доказать, что это мое «я», это сознание вечно. Перевоплощение, о котором так беспокоился бонза, может, в конце концов, быть реальностью... А почему бы и нет? Разве цветок не появляется каждый год заново из того же корня? Так же и это «я», отделившись от мозга и потеряв равновесие, продлило все эти видения ... перевоплощением...

Я снова оказываюсь перед неумолимым фатальным циферблатом, и вот, глядя на медленное движение его стрелок, я слышу голос бонзы, который доходит до меня из глубины белого циферблата. Он говорит: «Боюсь, что в этом случае вам придется только открывать и закрывать дверь снова и снова, и как бы долго или коротко это ни продолжалось, вам это время покажется вечностью...»

Часы исчезли, темноту сменил свет, и голос моего старого друга утонул во множестве голосов, доносившихся с палубы. Я проснулся на своей койке в холодном поту. От страха у меня закружилась голова.

VIII
Печальная повесть

Мы прибыли в Гамбург, и я, повидавшись со своими партнерами по фирме, которые с трудом узнали меня, получил их согласие и добрые пожелания и отправился в Нюрнберг.

Я был обманут в своих ожиданиях, обречен на жестокое разочарование! Тотчас по приезде в Нюрнберг я поехал по адресу в дом сестры и нашел его запертым, отдающимся внаймы; а час спустя, у бургомистра, мне пришлось убедиться и в действительности виденной мною страшной трагедии, со всеми ее душераздирающими подробностями! Мой зять истерзан в куски стальными зубцами лесопильной машины; моя сестра, неизлечимо помешанная, — в богадельне и уже быстро приближается к своему концу; племянница — нежный цветок, «природы лучшее произведение», — обесчещенная, в притоне разврата; меньшие дети, отданные городскими властями в сиротский приют для нищих, умерли один за другим в пять месяцев жертвами страшной детской эпидемии; мой племянник, наконец, единственный переживший младших братьев и сестер — где-то в море, никто не знал, наверное, где! Целое семейство — обитель мира и взаимной любви, — рассеяно по лицу земли, одни умерли, другие близки к смерти! А я — я теперь на свете один, свидетель этому целому миру смерти, бесчестия и полного разрушения!

Получив известие, подтвердившее таким образом истину моего видения, я впал в безграничное отчаяние, сломился, как подкошенный сноп, перед этим рядом поражающих меня разом, словно громом, собы-

тий; удар оказался слишком сильным, и я упал в глубокий обморок. Теряя сознание, я еще успел расслышать и понять произнесенные бургомистром слова: «Если бы вы только телеграфировали вовремя городским властям до вашего отъезда из Киото о том, где вы пребываете и о вашем возвращении и намерении взять на себя попечение о ваших племянниках и сестре, мы могли бы тогда распорядиться иначе и спасти их от постигшей участи. Никто не знал, что у детей есть дядя с хорошим состоянием. Они остались в полном значении слова нищими; их родные только что переехали в Нюрнберг, где их никто не знал, и по смерти отца, не успев узнать ничего от помешавшейся матери, с ними было поступлено по закону, как поступили бы в любом другом городе; да при таких обстоятельствах вам и трудно было бы ожидать чего-то иного... Мне остается только глубоко сожалеть о случившемся, а вам — о том, что вы не телеграфировали вовремя».

Он был прав, и это именно и убивало меня. Мысль о том, что если бы я тогда послушал и поступил по дружескому совету бонзы Тамуры, то мог бы, по крайней мере, спасти от бесчестия мою несчастную племянницу; что телеграфируй я за несколько недель до отъезда, я спас бы тем, пожалуй, и меньших детей, — эта мысль, в соединении с фактом, что с этой минуты мне становилось невозможным сомневаться долее в действительности ясновидения и оккультизма, — возможность которых я так долго, так упорно отрицал, — все это, вместе взятое, обрушившись на меня разом, сломило меня, как гнилой тростник. Я мог избегнуть порицания ближних, но я не мог скрыться нигде от упреков собственной совести, от приговора моего наболевшего, навеки разбитого сердца — нигде, никогда, никогда!..

Я проклинал свое безумное упрямство, мой скептицизм, отрицание самых очевидных фактов, мое раннее атеистическое воспитание. Словом, я проклинал себя, а затем и весь окружающий меня мир!

В продолжение нескольких дней благодаря только одной силе воли я успел не поддаться быстро овладевающему мною недугу. Если я не свалился тотчас же под бременем поразившего меня несчастия, то это только благодаря тому, что мне следовало сперва исполнить священный мой долг в отношении живых и мертвых. Но как только я взял из больницы для нищих сестру и отдал ее на попечение одного из лучших медиков Нюрнберга, вырвал племянницу из ее вертепа и поселил с умирающей матерью ухаживать за нею; а сознавшуюся в преступлении еврейку засадил в тюрьму, — то в тот же день поддерживающая меня до того сила воли и твердость мгновенно оставили меня... Не прошло и недели по моем возвращении, как я уж лежал, сам не лучше помешанного, в бреду белой горячки, в смирительной рубашке, день и ночь изрыгая проклятия на дайдж-дзинов и судьбу. В продолжение многих недель я боролся со смертью; страшный недуг не поддавался усилиям лучших докторов. Наконец мое сильное сложение победило болезнь, и я был спасен.

Я узнал об этом с облившимся кровью сердцем. Приговоренный нести ярмо жизни впредь один, потеряв всякую надежду на помощь или даже облегчение моей участи на земле, я все-таки продолжал упорно отрицать возможность другой, лучшей жизни за гробом, подобное неожиданное возвращение к жизни только прибавило одну лишнюю каплю горечи к моему безотрадному положению. Не нашел я облегчения и в том, что не успел встать с одра болезни, как в первые

же дни те же неприветливые, нежеланные видения, действительность и значение которых я не мог более отрицать, вернулись ко мне с удвоенной силой. Увы! Мне не являлось более даже возможным взирать на них теперь с прежним слепым упорством, как

...на чад горячечного мозга,
Рожденных суеверьем и фантазией...

Так, как и всегда, они являлись верной фотографией горестей и страдания моих ближних, часто лучших моих друзей... Таким образом я нашел себя обреченным на пытку и беспомощное состояние прикованного к скале Прометея, осужденным, как только я оставался один, видеть страдания двух дорогих для меня существ. В безмятежные для других продолжительные зимние ночи, словно увлекаемый железной, безжалостной рукою, я чувствовал себя, как только закрывал глаза, мгновенно переносимым к смертному одру несчастной сестры. Я был вынужден наблюдать в продолжение иногда целых часов за медленным процессом постепенного разрушения ее слабого, истощенного организма, видеть и чувствовать страдания, которые ее покинутый светлым разумом мозг не в состоянии был уже ни отсвечивать, ни передавать ее телесным чувствам. Но что было еще тяжелей и ужаснее, так это то, что я должен был смотреть на невинное детское личико моей племянницы, столь трогательно простой и безгрешной в ее невольном осквернении; видеть, как полное сознание и воспоминание о своем бесчестии, о своей юной навеки погибшей жизни терзали каждую ночь ее сны — для меня принимавшие объективный образ, как на пароходе. Так приходилось мне переживать одну

ночь за другой те же страшные муки. Потому что теперь, когда я окончательно уверовал в действительность ясновидения и пришел раз и навсегда к убеждению, что в нашем теле лежит скрытая, как в гусенице, куколка, способная содержать в себе в свою очередь бабочку — прелестный древнегреческий символ души, — я уже не оставался, как бывало прежде, равнодушным к таким видениям во время их самого явления. Что-то такое разом развилось, выросло во мне, оторвавшись от своей ледяной куколки; и теперь ни единое бессознательное ощущение страдания в истощенном теле моей умирающей сестры, ни единый вопль или содрогание ужаса в беспокойных, полных душевной муки снах племянницы при воспоминании о совершенном над нею, невинным ребенком, преступлении, не проходило для меня даром, но каждое из них, напротив, пробуждало теперь ответный отголосок в моем обливающемся кровью сердце. Глубокий поток сочувственной любви и горя, залив это смертное сердце, вышел из берегов и громко клокотал теперь ответным эхом во впервые пробужденной во мне душе. А эта душа словно покидала меня, отделялась каждую ночь и странствовала независимо от своего тела... То были невыразимо ужасные денные и ночные терзания! О, как сожалел я тогда о своем безумном, слепом высокомерии! Как горько раскаивался, как страшно я был наказан за свой оскорбительный отзыв о ямабуши, за отказ подвергнуться предлагаемому им очищению. Воистину я стал подвластен дайдж-дзину; и демон, как оказывалось, травил теперь свою жертву постоянно, направив на нее всех псов разверзнувшегося для нее ада.

Наконец бедная безумная женщина перешла за давно зияющую перед ней темную пропасть, и мученица

успокоилась в лоне смерти. Тихо и безмолвно она канула в вечность, заснула непробудным сном в своей темной могиле, а через несколько месяцев за нею последовала и мученица-дочь. Чахотка скоро сделала свое дело с этим слабым, почти еще детским организмом. Не прошло после моего приезда из Японии и года, как я остался один в целом мире. Даже мой дорогой далеко странствующий племянник, место пребывания которого мне удалось наконец узнать, — единственный оставшийся в живых родственник — изъявил письменно желание остаться при заменившем ему отца шкипере и следовать избранной им для него профессии. То был последний для меня удар.

Да, я остался на свете один, живой развалиной прежнего, и выглядя в тридцать лет шестидесятилетним стариком. Видения не прекращались, и я продолжал делаться невольным свидетелем греха и преступлений, пока, наконец, на самом краю помешательства, я внезапно решился на отчаянный шаг. «Я вернусь в Киото и пойду к ямабуши. Я брошусь к ногам святого, оскорбленного мною старца, и не подымусь, пока он не простит меня, не отзовет и не укротит созданного моим высокомерным неверием, но все же пробужденного им самим Франкенштейна, демона, с которым я, по моей слепоте и гордости, не пожелал тогда расстаться!..» — отчаянно воскликнул я.

Три месяца спустя я был снова дома, в Японии. Отыскав моего старого почтенного друга бонзу Тамуру Хидейхери, я умолял его повести меня тотчас же к ямабуши, невольному виновнику моих ежедневных терзаний. Его ответ удесятерил мое отчаяние: святой отшельник покинул свою родину; никто не мог наверное сказать, для каких стран. Он распрощался с братией в

одно прекрасное утро с намерением отправиться на богомолье вглубь страны и, следуя обычаю, не мог вернуться, — если только смерть не сократит периода — ранее семи лет!

Я обратился за помощью и покровительством к другим ямабуши; но ни один не мог обещать наверное совладать с демоном, вызванным другим, отсутствующим адептом, или даже укротить этого беса ясновидения. «Тот, кто пробудил дайдж-дзина, должен снова и усыпить его, — говорили мне они все, — особенно если он принадлежит к разряду тех духов, которые вопрошаются о прошлом или будущем. Но мы сделаем все, что можем».

С добрым сочувствием, которое я теперь научился ценить, святые люди пригласили меня присоединиться к группе их учеников и узнать вместе с ними, что я могу сделать. «Только воля, только вера в ваши собственные душевные силы могут помочь вам теперь, — сказали они. — Потребуется несколько лет для того, чтобы исправить хотя бы часть содеянного. Дайдж-дзина легко изгнать в самом начале, если же его оставить один на один с человеком, он овладевает всем его существом, и тогда уже невозможно избавиться от злого духа, не убив при этом его жертву».

Убедившись, что иного пути для меня не остается, я с благодарностью согласился остаться среди учеников и старался изо всех сил верить в то, во что верили эти святые люди, и все же в душе мне это никогда не удавалось. Демон неверия и отрицания, казалось, пустил в моей душе еще более крепкие корни, чем дайдж-дзин. Но я делал все, что мог, решив не упускать последнего шанса на спасение. Поэтому я решил без всяких задержек освободиться от мирских и коммерческих обязан-

ностей, чтобы несколько лет прожить независимой жизнью. Я уладил все расчеты со своими гамбургскими партнерами и порвал связи с фирмой. Несмотря на значительные финансовые потери, вызванные столь скорой ликвидацией дел, я обнаружил, подведя итог, что я гораздо богаче, чем думал. Но богатство больше не привлекало меня, поскольку теперь мне не с кем было его делить и не для кого было работать. Жизнь стала обузой. Я с равнодушием относился к своему будущему и был настолько равнодушен ко всему, что когда передавал состояние племяннику, не оставил бы себе даже маленькой суммы, если бы мой японский партнер не вмешался и не заставил меня сделать это. Теперь я, как и последователи Лао-цзы, признавал, что только знания могут дать человеку твердую и надежную опору, поскольку это единственное, что не может быть разрушено никаким ураганом. Богатство — слабое пристанище в дни печали, а самодовольство — самый опасный советчик. Поэтому я последовал совету своих друзей и отложил себе скромную сумму, обеспечивающую мне достаточный доход в течение всей моей жизни на тот случай, если я когда-нибудь оставлю своих новых друзей и учителей. Итак, уладив свои земные счеты и распорядившись своим имуществом в Киото, я присоединился к «владыкам дальнего видения», которые взяли меня в свои таинственные жилища. Я оставался с ними в течение нескольких лет, изучая в одиночестве их науки и ни с кем не встречаясь, кроме нескольких членов их религиозной общины.

Таким образом облегченный, но далеко не совсем излеченный, я мог только научиться заклинать нежеланные видения, в лучших случаях — разом прекращать их. Но я не в состоянии до сего дня отвязаться от

них бесследно, и они все еще часто мучат меня. Я научился многим тайнам природы из секретных фолиантов обширной библиотеки храма Тзео-Нене и получил власть над несколькими родами невидимых существ нижнего разряда духов. Но великая тайна владычества над ужасными дайдж-дзинами остается пока в руках одних посвященных адептов, последователей Лао-цзы и отшельников ямабуши. Надо сделаться одним из них, дабы достичь такого могущества; а меня нашли неспособным к этому вследствие многих необоримых причин, хотя я делал все, что мог, и трудился над этим долгие годы.

Только удостоверившись в своей неспособности занять высокое положение независимо видящего члена ордена, я неохотно оставил дальнейшие попытки овладеть дайдж-дзином. О святом человеке, который невинно стал первопричиной моего несчастья, никто ничего не слышал, бонза, время от времени посещавший меня в моем убежище, не мог или не хотел сообщить мне местонахождение ямабуши. Поэтому, когда мне пришлось оставить надежду на полное освобождение от моего трагического дара, я решил вернуться в Европу и поселиться в одиночестве. С этой целью я приобрел с помощью моих бывших партнеров швейцарский домик, в котором родились моя несчастная сестра и я и где я вырос. Именно этот дом я выбрал для своего будущего уединения.

Прощаясь со мной на борту парохода, который должен был отвезти меня на родину, добрый старый бонза пытался утешить меня.

— Сын мой, — сказал он, — считайте, что все происшедшее с вами — ваша карма, справедливое возмездие.

Никто из тех, кто раз находился — по своей ли или вследствие чужой воли, добровольно или иначе — во власти дайдж-дзина, не может надеяться сделаться настоящим ямабуши. В самом благоприятном случае он успевает только научиться отражать его нападения и с успехом бороться с ним. Подобно шраму, оставленному по излечении ядовитой раны, следы дайдж-дзина никогда не могут быть совершенно изглажены из нашего внутреннего «я», доколе его не изменит и совершенно не переделает новое воплощение.

Поэтому не поддавайтесь отчаянию. Бодритесь, ваше горе привело вас к истинному знанию, заставило признать многие истины, которые вы в противном случае наверняка бы отвергли с презрением. И этого бесценного знания, приобретенного благодаря вашим собственным усилиям и страданиям, никакой дайдж-дзин не может вас лишить. Прощайте же, и пусть Матерь Милосердия, великая небесная владычица дарует вам покой и защиту.

Мы расстались, и с тех пор я веду жизнь отшельника: живу в полном одиночестве и постоянно занимаюсь исследованиями. Хотя по-прежнему меня время от времени тревожат видения, я не жалею о годах, проведенных под руководством ямабуши, и искренне благодарен за знания, которые получил от них. И я всегда вспоминаю с искренней любовью и уважением бонзу Тамуру Хидейхери. Я регулярно переписывался с ним до самой его смерти и стал невольным свидетелем этого события и всех его тяжелых для меня подробностей в тот самый день и час, когда оно произошло за далекими морями, — честь, за которую я не могу благодарить свою судьбу.[1]

[1] Цит. по: http://www.theosophy.ru/lib/tale2.htm

ЛИТЕРАТУРА

1. Учение Живой Этики.
2. Добротолюбие, том 3. – М., 1900 (репринтное издание).
3. Е.И.Рерих. Письма. В 9-и тт. – М.: МЦР, 1999–2009.
4. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньяка-парва). – М.: Наука, 1987.
5. Психическая энергия – огненная мощь бытия. В 2-х тт. – Екатеринбург: Звезды Гор, 2017.
6. Тонкий Мир. За гранью известного. В 2-х тт. – Екатеринбург: Звезды Гор, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Мария Дмитриевна Скачкова
Елена Алексеевна Тарасенко

АРМАГЕДДОННАЯ БОЛЕЗНЬ ОДЕРЖАНИЯ

Редактор: *Е.А. Вершинина*
Корректор: *В.В. Магурский*
Верстка: *В.С. Лайков*

Адрес для писем:
E-mail: msmozg@gmail.com
Сайт: http://www.paxpercultura.ru

Подписано в печать 24.05.2018.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,24. Тираж 500. Заказ № 476.

Издание осуществлено при участии
ИП «Лобач В.В.» (г. Екатеринбург).
E-mail: lotatsv@mail.ru

ISBN 978-5-9906659-2-7

9 785990 665927

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru e-mail: sales@uralprint.ru